

А. ВЕРЕСОВ НЕВСКАЯ ЛЕГЕНДА

А. ВЕРЕСОВ

НЕВСКАЯ
ЛЕГЕНДА

69 к.

А. В Е Р Е С О В

НЕВСКАЯ ЛЕГЕНДА

Рисунки
С. Рудакова

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАД
1988

Школьная библиотека

Этой повестью завершается многолетняя работа. А начиналась она так.

В январе 1943 года в качестве военного корреспондента я находился в армии, прорывавшей блокаду Ленинграда. Блокада прорывалась там же, где она замкнулась пятьсот дней назад, — под Шлиссельбургом.

С берега заснеженной Невы, через которую только что прошли пехота и танки, я увидел старую крепость на острове. В ней сохранились только древние, новгородской кладки, стены.

Шесть веков стенам Шлиссельбургской крепости, ее башням и амбразурам. Казалось, они давно уже стали достоянием истории, музейной тишины. Но крепость вела огонь, поддерживая атаку.

Эти часы и дни, эти залпы будто зарево освятили прошлое острова в начале Невы. То прошлое, которое знакомо каждому со школьных лет. Около двух с половиной веков назад здесь воевали гвардейцы Петра. Всего только двадцать пять лет прошло с тех пор, как здесь же была перевернута одна из пламенно ярких страниц Великой Октябрьской революции. Сейчас, на моих глазах, огнем писалась новая боевая глава Великой Отечественной войны.

В моем блокноте сохранились записанные в тот день слова: «Пядь родной земли». Тогда я еще не знал, что будет значить для меня эта торопливая карандашная строка.

К «шлиссельбургской теме» я вернулся после войны.

Многие годы собирались материалы по истории Шлиссельбурга. Все книги. Все доступные мне рукописи. Документы, хранящиеся в архивах Москвы и Ленинграда. Незабываемые встречи с живыми участниками революционных и боевых событий. Наконец, самое замечательное — слово народное, изустные предания, легенды, которые и посейчас живут в Приладожье...

Сначала была написана повесть «Орешек» — о событиях, ближайших к нам, о героической обороне острова в пору Отечественной войны. Повесть вышла в свет в 1961 году.

Вторая повесть — «Конец русской Бастилли» — была опубликована в 1964 году. Она — о «Шлиссельбургской республике», о великом Октябре на Ладоге.

И вот третья повесть — «Невская легенда» — о делах и днях далеких и необыкновенно близких нам, об Орешке, крепости на пути «из варяг в греки», о Северной войне, о великой стране, вышедшей к морю, о начале города в устье Невы, о простых людях, солдатах российских.

Каждая из трех повестей совершенно самостоятельна по сюжету. При неповторимом различии эпох, событий и судеб все три работы об одном — о народном подвиге на Неве на протяжении почти двух с половиной столетий.

«Невская легенда» в ряду шлиссельбургских повестей написана последней, но хронологически является первой. С нее начинается рассказ о «пяди родной земли».

А. Вересов.

В ПОХОДЕ

1. УРОЧИЩЕ МОХОВОЕ

Долг путь к Орешку. Не скор и тяжек. Но пройти его надо, чего бы то ни стоило...

Всю ночь повозка Сергея Леонтьевича Бухвостова пробиралась сквозь Хотилловские леса. Родион подремывал на козлах. Васенка смотрела на черные, будто нехотя расступающиеся деревья. Она придумывала сказку. В сказке жили злые палачи — кнутобойцы. Они протягивали к Васенке лапы, норовили побольнее хлестнуть. За шумом деревьев слышны были их настигающие голоса.

Но что это? Мелькнул огонек и погас. Снова мелькнул, но в другом месте. Огонек не один, вот еще и еще...

Васенка закрыла глаза ладонью. Потом глянула в щелку меж пальцами. Огоньки были не в сказке. Они и взаправду светились. Девочка растолкала Бухвостова:

— Дядь Сергей, а дядь Сергей... Смотри!

Бухвостов поднялся с дурманно пахучего сена, набросанного в повозку, растер лицо, и сон с него словно ветром смахнуло.

Сразу заметил, что лошади дрожат и жмутся друг к другу.

— Гони! — крикнул он Родиону и взвел курки тяжелой, короткостволой пистолы.

Родион с перепуга вскочил, затряс вожжами над головой. Лошади понесли. Возок бился о деревья, чуть не опрокинулся, наскочив на пень. Крик Родиона воем отдавался в лесу.

Мгновенное зарево выстрела выхватило из темноты мохнатые ветви елей, толстые, в уродливых наплывах, стволы берез. Ночь стала еще темней. Крохотные огоньки отпрянули. Но вот заронились еще гуще. Все ближе, ближе.

Бухвостов высекал искру из кресала. Но отсыревший трут только дымил.

Огоньки уже рядом. Это совсем не страшно. Страшно, что кричит Родион и возок трещит так, будто сейчас развалится. Васенка изо всех сил зажмурилась.

Открыла глаза и увидела, что «дядь Сергей», раздувая щеки, дышит на тлеющий трут. Зажигает пучки сена и бросает их в темь. Горящие тонкие былинки разлетались и гасли.

Кони вдруг выскочили на луговину, заросшую высокими травами. Родион, почти падая назад, натягивал вожжи. Из-под веревок, накрученных на руки, сочилась кровь. Закиданные пеной кони остановились. Косят одичалыми глазами.

Наступало утро. Солнце выкатилось над зубчатым краем леса. Было очень тихо. Где-то невдалеке тихонько певала пастушечья жалейка.

Бухвостов выпряг лошадей и велел Родиону выводить их, а сам пошел на голос жалейки. Старика пастуха он нашел на краю лесного озера, посреди стада.

— Дед, скажи, будь ласков, где мы?—спросил его.— Из Оглоблина держим путь. Что за место лесом проехали?

Старик исподлобья посмотрел на зеленый мундир неожиданно появившегося человека. Шапку он, видать, потерял. Черные с проседью волосы шевелились под ветром. Глаза смотрели прямо, без доброты. Широкие усы топорщились над жестким ртом. Выскобленный и все же щетиnistый подбородок торчал над красным суконным воротником. Нет, с этим человеком не пошутить.

Старик долго шевелил губами, прежде чем заговорить:

— Поди, Моховое урочище перемахнули, — в голосе прозвучало сомнение; пастух разглядывал оловянные пуговицы на мундире незнакомца и двигал безволосыми бровями, — да ведь дорога там непроезжая, волки стаями ходят... Ну, а тут, стало быть, самый Хотиллов и есть...

Бухвостов расспросил еще о дороге на Валдай. Возвратясь к повозке, он широкой темнокожей рукой растрепал Васенкины белобрысые косицы. Весело объявил:

— Доставай мешок с харчами. Привал!

Он расстегнул мундир и лег на росистую, еще не сохшую траву. Лежал и смотрел, как качаются в небе верхушки деревьев, похоже — хоровод ведут.

Правду сказать, жизнь не баловала сержанта Преображенского полка Сергея Леонтьева, сына Бухвостова. Нет, не баловала. Но сейчас необыкновенно мила она ему, жизнь на родимой неласковой земле. Так всегда бывает: после того как минует опасность, столкнешься нос к носу со смертушкой и обойдешь ее, курносую.

Вон оно небо какое раздольное, а лес-то синий, а озеро тихое. Но сколько же горя людского под этим небом, и пролитой крови, и слез, и ожесточения...

Бухвостов приподнялся, оперся о шершавый ствол березы, перегрыз зубами горькую травину. Потянуло к своим, в полк, к серебряно-трубным зорям, к артельному котлу с горячей кашей или сбитнем — одному на дюжину человек. В полк, в полк, где, как ни кинь, все равны перед бьющими наповал пулями, перед летящими ядрами.

Который месяц ездил сержант по вышневолоцким вотчинам с именным петровским указом — «кликать вольницу в солдаты». Да и не только вольницу. Сержант положил руку на грудь и ощутил в кармане, под сукном, твердую, вдвое сложенную бумагу с грозными словами; он знал их на память:

«Указали мы, великий государь, боярам нашим и окольничим, и думным, и ближним, и всяких чинов служилым и купецким людям наш указ сказать и по градским воротам прибить письма: чтоб о дворовых своих людях сказки подавали. И по тем сказкам тех людей к смотру объявляли в приказе военных дел, из дворовых пятого. А к смотру старее тридцати и моложе двадцати лет не приводили, а увечных и дураков не было б. А в сказках писать без утайки под смертною казнью...»

За словами указа Бухвостов видел того, чьим именем был он дан, долгоязого, торопкого, исхудалого до черноты, с бешеными глазами, с верткой головой на смуглой шее. До чего же не подходит к нему титул великого государя, а вот любимое им простецкое звание шкипера, или бомбардирского капитана, или корабельного баса — в самую пору...

Подошел Родион, безъязыко залопотал, схватил сержанта за рукав, повел смотреть разнесенную в щепы ось. Тут же выбрали ровненькую елку, свалили ее, окорили, принялись прилаживать под возок.

У Васенки на костре кипит уже вода в закоптелом глиняном жбане с шербатыми краями. Пока чинили повозку, она успела обойти луг, побывать на озере. Вернулась с охапкой пахучих трав, корешков, веток. Сергей Леонтьевич заметил, что в охапке нет ни одного цветка.

Васена ловкими пальцами перебирала неказистую добычу, смешно по-старушечьи шепелявя — передразнивала бабку-знахарку, — рассказывала о травах. Вот это заячья капуста, без нее квас не забродит. Это одолень, от кликушной болезни. Это пупной, помогает, если кто с пупа сорвет. Вот еще одна полевая жительница — разрыв-трава: перед нею самые крепкие узы распадаются. А если надо, чтобы побыстрее рана затянулась и кровь унялась, то лучше этих корешков ничто не поможет, зовутся они петров крест. А вот это — истинное чудо!

Васена растерла в руках тонкие стебельки и шишечки. На ладонях осталась желтая пыльца. Медленным — Бухвостову показалось, — чародейным движением девочка рассеяла пыльцу над костром. Вспыхнула пыльца ясным звездочками.

— Плаун, плаун горит! — зазвенел тоненький голосок.

Сержанту невольно припомнилось прозвище, каким в деревне честили сиротку из хаты на отшибе: «Лешачья дочь!»

Васена уже сидит у костра, уткнув подбородок в острые колени, внимательно смотрит, как Бухвостов ест замешанное на озерной воде толокно. Взгляд не девчоночий, любопытство не детское, готовность все понять.

— Дядь Сергей, куда мы едем-то?

— Я ж говорил тебе, — сержант жует со вкусом, — едем к Орешку.

Васена знает, что так зовут крепость на острове, на далекой реке Неве. Но очень уж интересно рассказывает «дядя Сергей». Девочка готова слушать снова и снова. Она смотрит строгими, испытывающими глазами.

Серые эти глаза не видят уже ни Бухвостова, ни догорающих угольков в костре. Видит Васенка высокие-превысокие каменные стены. За ними — русские ратники. Вокруг шведские воины, или, как их часто называют, «свен». Они на воде, в ладьях, на берегу с пищалями и мечами. Множество неисчислимое.

Вот герольд, в приметном алом плаще переправился через реку к крепости, подошел к стене, прокричал, что славный и могучий король шведский требует сдачи крепости. Орешек молчит. Тогда поверх боевых зубцов герольд пустил стрелу с грамотой, обещавшей русским дружинникам жизнь, а воеводам сверх того — деньги и почести на коронной королевской службе. Орешек молчит.

Тогда ладьи, взяв парусами ветер, черной тучей направились на остров. На берегах пушки вместе с ядрами выбросили пламя. Вздогнула земля. Волны пошли по воде.

День за днем, неделю за неделей русские защищали Орешек. Отстреливались. Опрокидывали осадные лестницы. Забрасывали штурмующих камнями, обливали горячей смолой. Выпустили на врага рои разъяренных пчел.

Пришла пора, когда, по расчету шведов, у осажденных не должно было оставаться ни ядер, ни пороха, ни хлеба. Орешек все держался. Дружинники дрались мечами, дубинами, кулаками.

Но крепость уже горела. Пламя поднималось выше стен. В тот тяжкий час вдруг закричали на пудовых петлях окованные железом двери. Медленно стал опускаться подъемный мост через ров у воротной башни.

Бой прекратился. Шведы кинулись к мосту. Но тут же остановились в изумлении.

Из ворот крепости вышли двое, в окровавленных рубахах. Они шли, положив руки на плечи друг другу. Когда один обессиленно падал на колени, его поднимал товарищ. Они не хотели, чтобы враг видел их, хотя и полумертвых, на коленях. Только эти двое остались в

живых из всей русской дружины, и они вдвоем держали крепость в последние дни.

Осаждающие молча расступились перед героями. Шведские солдаты сняли перед ними шеломы. Офицеры обнаженными клинками салютовали мужеству противника.

Так сдали врагу Орешек.

Случилось это давно. Не только Васенки, но и отца ее, и деда еще не было на свете. А прадеду, пожалуй, шел шестнадцатый годок, как сейчас Васене.

С тех пор, без малого сто лет, крепость — под чужеземцами.

И вот русские рати идут освобождать Орешек. Идет «дядь Сергей», идет Родион...

Девочка не слышала, как крепкие руки подняли ее и отнесли в возок. Не слышала, как пронзительно выпевали колеса на еловой оси.

С лесной дороги повозка свернула на большую, от Москвы к Новгородщине.

По ней тянулись обозы. Обгоняя рогожные кибитки, мчались конные фельдъегери. Вместительный неповоротливый рыдван увяз в грязи. За слюдяной дверцей виднелось старое, злое лицо в седых буклях. Солдаты проходили, сгибаясь под тяжестью заплечных котомок. Посмеивались, шутили над незадачливым путешественником.

Десяток лошадей в одной упряжи тащил медную мортиру. Пушкари, ухватясь за ступицы и лафет, в лад выкрикивая, подталкивали мортиру. Сизолицый пушкарский урядник орал, размахивал дубиной, бил ею по лошадям и по людям.

Повозка Бухвостова поравнялась с огромной, как башня, стенобитной пращей. Праща подвигалась едва заметно. Над нею косо торчало коромысло, вытесанное из цельного дуба.

Гуськом вытянулись двуконные телеги. В них — кожаные кули с порохом. Каждый куль затянут веревкой, наподобие кисета.

На огромных косматых лошадях с гиканьем промчались драгуны в темных накидках...

Войска спешили к шведскому рубежу.

Русь вела войну, тяжелую и неизбежную.

2. «НАРВСКАЯ КОНФУЗИЯ»

Веками утверждалось могущество Швеции, самой сильной державы на Варяжском море. Ее армия держала в страхе всю северную Европу. Шведы считались непобедимыми.

В 1612 году, после многолетних сражений, шведское войско захватило древние русские земли на побережье Невы и Ладожского озера. В Стокгольме, по русскому наименованию — Стекольне, собрался сейм. Король Густав-Адольф обратился к дворянству с гордой речью:

— Великое благодеяние оказал бог Швеции тем, что русские теперь навеки должны покинуть гнездо, из которого так часто нас беспокоили. Русские — опасные соседи... они могут выставить в поле большое войско. А теперь этот враг без нашего позволения не может ни одного судна спустить на Варяжское море. Большие озера — Ладожское, Пейпус, — Нарвская область, тридцать верст обширных болот разделяют нас. У России отнято море...

Так оно и было. Огромная Россия оказалась оторванной от европейского мира. Путь к морю перекрыт линией крепостей, над башнями которых вьются белокрестные шведские флаги. На западе — Нарва, на востоке — Нотебург, — так шведы теперь называют Орешек.

У России осталось на дальнем севере Белое море с портом Архангельском. Но Белое море большую часть года подо льдом. Да и плавание в студеной водах столь опасно, что немногие иноземные купцы решаются рисковать своими кораблями.

Необходимо было исправить великую несправедливость и вернуть России море.

Шел к концу 1700 год. Война со Швецией началась несчастливо.

Сорокатысячный русский осадный корпус обложил Нарву. Первые бои показали, что армия, собранная Петром, плохо подготовлена. Пушки тонули в болотах. Некоторые взрывались на позиции, при обычном заряде. Гарнизон Нарвы держался упорно.

В Европе много говорили о потомке Густава-Адольфа, молодом короле Карле XII. Этот длиннолицый, бледный юноша удивлял Стокгольм своими сумасбродствами. То он с ватагой сверстников сломя голову мчался на

охоту, то горланил на ночных улицах столицы, то требовал от сейма денег на пышные празднества. Никогда нельзя было знать заранее, что он еще придумает. Король был капризен, скрытен, не любил делиться планами даже с близкими друзьями.

Напудренные, затянутые в атлас вельможи европейских дворов ахнули, вдруг узнав, что Карл XII привел флот в сорок вымпелов к берегам Дании. Он первым, по пояс в воде, высадился из шлюпки и повел войска к Копенгагену. Дания, у которой были старые счеты с Швецией и потому поддерживавшая Россию, вышла из войны.

Прошло немного времени — и шведские войска, переплыв море, спешат на помощь осажденной Нарве.

В ненастный день 19 ноября 1700 года дождь, перемешанный со снегом, падал на русскую и шведскую армии, столкнувшиеся у нарвских стен.

Появление Карла XII было внезапным. Сеча разгорелась жестокая.

Петру сообщили, что его любимец, знаток огневого дела капитан Гумерт предался шведам. Но это была только первая измена.

Находившийся на русской службе, командовавший осадными войсками под Нарвой герцог де Кроа вместе со всем генералитетом отдал шпагу врагу.

Больно было смотреть, как гибли полки под шведскими ядрами. Плохо обученные, не выдавшие боевого огня солдаты не могли выдержать натиска закаленной шведской пехоты.

От полного разгрома армию спасла только храбрость русской гвардии — семеновцев и преображенцев. Они стали у моста через Нарову. По примеру древних русских воинов быстро соорудили Гуляй-город, подвижную крепостцу из обозных телег. Приняли на себя удар и остановили врага.

Гвардия прикрывала отход разбитых войск. Она не пустила шведов к мосту. И дралась с такой отвагой, что Карл XII воскликнул:

— Каковы мужики!

В рядах петровской гвардии в том бою отличились знатнейший среди воинов — князь Михаила Голицын и потомственный конюший, преображенский сержант Сер-

гей Бухвостов. Они бились рядом и получили ранения: Голицын — пулей в ногу навывлет, Бухвостову палашом едва не рассекли голову.

Своими ранами оба занялись только после того, как гвардия последнюю перешла на ту сторону реки и бой начал затихать.

С этого времени офицерам русской гвардии был дан медный знак, носимый на груди. На меди было оттиснуто: «Нарва. 19 ноября»...

Героем Европы стал храбрый, сумасбродный и удачливый Карл XII. В честь одержанной победы он велел отчеканить медаль. На ней был изображен царь Петр, бегущий от Нарвы: шапка упала, шпага валялась на земле. По лицу текли слезы. На медали написано: «Исшед вон, плакася горько».

Эта медаль, рисунок и надпись должны были напоминать Петру о том, что в день тяжелой битвы его не было в армии, терпящей поражение. Сумрачный, злой, в распахнутом лосином коlete, искровавив плетью коня, он мчался в Новгород.

В Швеции, да и в России, многие упрекали Петра в трусости. Ни тогда, ни позже он не оправдывал себя. Нет, дело тут было в другом.

Петр знал, что уже давно в спальне Карла XII висит до мелочей разработанная карта — «марш на Москву». Эта карта сопутствует ему во всех походах.

Теперь русская армия разбита. Потеряна вся артиллерия. Кто может преградить Карлу путь на восток? Почти несомненным казалось, что шведы немедля вторгнутся в глубь России.

Петр спешил. Надо было собрать новые полки, укрепить Новгород, Псков, порубежные крепости.

В какое-то время он мог испытать ужас при поражении армии, гибели своего любимого детища — «большого огневого наряда», артиллерии. Но присутствия духа не потерял.

«Шведы бьют нас. Погодите, они выучат нас бить их», — сказал он сразу после «нарвского невзятия».

В походном «юрнале», который писался нередко под диктовку Петра, сказано о тех горестных днях:

«Полки в конфузии пошли в свои границы, велено их пересмотреть и исправить...»

Карл XII, который почти всегда делал противоположное тому, что от него ожидали, остался верен себе и на этот раз. Он оставил многотысячные войсковые заслоны против русских. Главные же силы направил против Польши, другого союзника России. Он был уверен, что там его ждет более ценная добыча.

Такого трудного года в жизни Петра давно не было. Он появлялся то в Москве, то снова в Новгороде, то в Архангельске.

Надо переучивать всю армию, от ратника до генерала. Надо отливать пушки; их должно быть вдвое больше, чем под Нарвой. Триста штук. Не меньше.

Именно тогда, наверное тогда, задумал он прорваться сквозь шведскую линию, замыкающую путь к морю, с другого ее края. И в мыслях Петра предстал маленький остров, который, по странному совпадению, был создан господом богом по всем правилам фортификационной науки, — древний Орешек, шведский Нотебург. Остров так стоит, что мимо него в Неву не то что корабль — малая ладья не проскользнет. У кого Орешек — у того Нева, путь к морю.

Правда, есть на реке, в низовье еще одна шведская крепость. Она не в пример слабее Нотебурга. Взяв одну крепость, нетрудно будет управиться с другой.

Но за Нотебург шведы будут драться не менее упорно, чем за Нарву. Надо так все наладить, чтобы не случилось новой «конфузии».

Нужна медь для литейных дворов, которые дымят в Москве и в Новгороде. Нужен строевой и мачтовый лес для верфей. Нужны деньги, много денег, чтобы накормить и одеть армию.

Петр не щадит себя. Не щадит Россию. Он ходит в заштопанных чулках и сношенных ботинках. Иной раз, в поспешности, сам кладет на них заплаты. Забывает сменить пропотевшую рубаху. Он становится скупым и жестоким. Случается, лошадей загоняет до смерти. Денщики при нем не знали покоя ни днем, ни ночью.

Все, что надобно было для армии, для чаемой победы, он просил, требовал, выколачивал дубьем и кулаками.

Главнейшая же его забота — добыть новых солдат. Армия без хорошего солдата — ничто. Солдат — он и есть армия.

Самых верных людей Петр посылает во все края Руси верстать холопов и вольных в полки.

Среди этих людей — сержант Сергей Бухвостов. Его послали в Вышний Волочок.

3. ОГЛОБЛИНО

В ночь на 1 января кончился год 7208, и вслед за ним, вопреки обычаю и счету, наступил год 1700.

По городам и селам разослан был царев указ отсчитывать лета не от «сотворения мира», и не с 1 сентября, как велось исстари, а от новой эры, от «рождества Христова», и с 1 января, как принято у многих народов.

«В знак же того доброго начинания и нового столетнего века» приказано в церквах служить молебны, а жителям друг друга поздравлять с Новым годом.

В Москве дымно и трескуче лопались огненные хвостатые шары. Полную неделю палили пушки. По всей России били в колокола. Люди с поклоном говорили веленое «новогодие». Но, отворотясь и приметя, что поблизости нет «ясных пуговиц», крестились, плевали через плечо.

Пошли по Руси тайные грамотки. Церковным письмом и слогом они поносили Петра. Слова казались раскаленными ненавистью. Это он, проклятый вероотступник, «собра весь свой поганый синклит в 1-й день генваря месяца и постави храм ветхоримскому Янусу... и все воскликнуша ему: виват, виват, новый год!»

Грамотки вопрошали со скорбью и гневом: «Оле, благоразумные чада, вонмите здесь, кому празднуете новый год? Все господние лета истреблены, а сатанинские извещены...»

Листки эти — как огонь, поднесенный к сухой стружке. Многие ненавидят Петра. Всю страну взнуздal железом. Никому нет покоя — ни знатым людям, ни холопам. У одних вытряхивает мошну, у других — душу из тощего тела. Затеял царь войну с сильными свеями. Подай ему то хлеб, то подводы, то деготь, то пеньку. Поборы такие, что люди стоном стонут. Потаенно бурлит Россия.

В селе Оглоблино, близ Вышнего Волочка, вот уж год как получены те грамотки. Приехал и поселился в боярских хоромах безвестный инок, тихонький, в скуфейке; елейным голосом говорил страшное. Дескать, государь свою землю всю разорил и выпустошил. Да и не государь он вовсе. Когда Петр ездил в немецкую землю, подменили его там... Писано о нем в книге валаамских чудотворцев, что он головою запрометывает и ногою запинается, и что его нечистый дух ломает... И солдаты все басурманы, поста не имеют... Дьявол, и семя дьявольское...

В первый день, как Бухвостов приехал в Оглоблино, приглянулось ему село. Серые избы прячутся среди вязов. За овинами петляет речушка. Берега овражистые, теряются в густолесье.

Для жилья сержант выбрал дом, стоявший с краю села, на речном обрыве. Дом был старый, но крепкий, сложенный из позеленевших от времени бревен.

Видно, давно уже здесь никто не жил. На припечье стыла холодная зола. Из светца торчала обгорелая лучина. Черепки разбитой глиняной посуды хрустели под ногами. Сквозь разошедшееся, до половины затянутое бычьим пузырем окно летел ветер, шевелил лежалую соломку в углу.

Солдатский обиход проще простого. Сергей Леонтьевич раздобыл ведро, скатил пол водою. Вбил колышек в щелистую стену. Повесил на него походный мешок. На пол, поближе к печи, набросал упругие еловые ветки. Вот и готов приют.

К вечеру Бухвостов вышел из хаты, сел на поросшую травой завалинку. От оврага, от реки наплывал холодный туман. Перед сержантом заматалась чернорясая тень, затрясла седыми патлами, разлетавшимися из-под скуфейки.

— Ох, недоброе же место выбрал ты, — проверещала тоненько, с гнусавинкой, — тут нечистая сила ходит, на разные голоса стонет. Свят, свят, свят! — и тень попятилась от порога.

Шагнул вперед Сергей Леонтьевич. Разглядел слезливые, испуганно умильные глаза.

— Не тревожься, отче. У меня от всякой нечисти зарок,

Наутро сержанта позвали на боярский двор. Владел селом окольный Иван Меньшой Оглоблин. По всему видно было — хоромы богатейшие, и живет в них боярин — сам себе владыка. Бухвостова встретила челядь, приживалы, шуты, пронзительно верещающие. Егери на длинных ременных поводках держали беснующихся псов.

На крыльцо, почесывая грудь, вышел в меховом халате нестарый мужчина, рыхлый, с висячими, наеденными щеками. Он шагнул — одна нога в сафьяновой туфле, другая босая — и ревел сиплым голосом:

— Федька! Поддай туфлю!

Мальчонка метнулся под руку, протянул туфлю, но тут же полетел с крыльца, оглушенный. Вскочил, смахнул с разбитого лица кровь и, не выпрямляясь, побежал прочь. Шуты еще громче заорали, засвистели.

Собаки, натягивая поводки, визжа, кинулись к хозяину. Он нагнулся к лохани, достал кусок кровавого мяса, кинул под ноги. Псы дрались, рвали мясо. Еще и еще куски полетели в лязгающую зубами свору. Окольный вытер руки о халат. Досадливо покрутил под носом пальцами. Тотчас все смолкло. Егери увели накормленных собак.

Сергей Леонтьевич изумился тишине на огромном дворе. Тишина была какая-то неживая, страшноватая. Показалось даже, что шуты вопили, скоморошили единственно ради того, чтобы тишину эту не расслышать.

Оглоблин подозвал сержанта. Бухвостов подошел.

— Пошто на селе живешь, а не в моем подворье? — спросил окольный.

О Меньшом Оглоблине сержант немало наслышан был еще в Вышнем Волочке. Род Оглоблиных старинный. С незапамятных времен правили они царской охотой. Иван Большой Оглоблин в последний год царствования Алексея Михайловича упал с коня и разбился насмерть. Наследовал вотчины и дворцовую должность его сын, Иван Меньшой Оглоблин.

Но ему так и не удалось показать себя. Петр Алексеевич псовую охоту не жаловал. Боярина он отставил от должности, велел ему служить по мытной части. Тут выяснилось, что окольный не знает ни грамоты, ни счета. Приказано было ему учиться. Но как боярская

пыха — спесь — не позволяла потомку рода Оглоблиных слушать наставления простого пономаря, то царь указал ему великий штраф: не жениться, пока не научится грамоте.

С тех пор окольный безвыездно жил в селе. Пожалуй, он уже смирился со своей обидой. Вдруг велено было боярам немедленно явиться к войску. Мало того, негаданно приехал в вотчину петровский сержант набирать холопов в солдаты.

Что же это? Людей своих отдай царю. Боярин в родительском доме, выходит, уже не господин!

Но теперь Оглоблин знал, что ни с Петром, ни с его посланцами спорить не годится. Сержанту он попенял только за то, что тот поселился не на его подворье.

— Прощенья прошу, — ответил Бухвостов, — я солдат и несвйчен жить на боярских хлебах.

Приживалы при таком неучтивстве заголосили. Окольный посмотрел на них и сокрушенно вздохнул. Дескать, слышали, какие слова говорят самому Оглоблину!

Смиренно, с поклоном подошел седой инок, потряс скуфеей. Бережно тронул боярский локоток. Оглоблин по-медвежьи неуклюже повернулся, тяжело ступая, ушел с крыльца...

Бухвостову приходилось много разъезжать по окрестным деревням. Ночевать всегда возвращался в Оглоблино.

В солдаты мужики шли с охотой. Не потому, что ждали там калачей с медом. Знали, что на царской службе хлеб горек. В походах семь потов прольешь, а в бою и кровушку не удержишь. Век солдатский — короткий век. Да и не было другого пути избыть тяжкую крепостную неволю.

Как-то к Бухвостову пришел парень, рослый, крепкий, на голове копна рыжих волос, ресницы рыжие, глаза коричневые с золотинкой. Парень, ничего не говоря, скинул свитку, показал исполосованную в кровь спину. Подождат, что скажет сержант. Но тот молчал.

— Видел? — коротко спросил рыжий.

— Ну, видел.

— Пиши в солдаты! — крикнул парень. Скрипнув зубами, он вцепился пальцами в столешницу, толстые до-

ски ходуном заходили. — Эх, тут — смерть, на войне — смерть. Так уж лучше помереть молодецки, хоть душу потешу. Пиши в солдаты!

— Ты из оглоблинских? — задал вопрос Сергей Леонтьевич.

— Из оглоблинского пекла.

— Был я у боярина. Там, вроде, все тихо.

Рыжий упал головой на стол, заворочался, точно давился чем-то.

— Я тебе расскажу про оглоблинскую тишь...

Бухвостов спросил имя, прозвание.

— Чернов я. А зовут Жданом.

— Ну, прощай, Ждан. Приходи завтра.

Рыжий поднялся. Разодранная свитка плохо держалась на плечах, не прикрывала багрового, в подтеках, тела. Сергей Леонтьевич порылся в мешке. Достал белую полотняную рубаху, протянул ее Чернову.

Парень попятился.

— Что ты? Я же замараю кровью.

— Бери.

Прижимая рубаху к груди, Ждан толкнулся в дверь. Может, за всю свою жизнь он впервые услышал доброе слово...

В ту же ночь, после разговора Бухвостова с Черновым, в хате над речным обрывом случилось такое, что поневоле заставило сержанта припомнить слова седого иннок про «нечистую силу».

Сергей Леонтьевич проснулся от скрипа половиц в сенях. Скрип был мерный, кто-то шел крадучись. Сержант лежал неподвижно, с открытыми глазами.

Потом начала подаваться дверь. И вдруг через порог скользнуло нечто легкое, белое. Метнулось по освещенному луной полу. Задержалось у печи. Вдруг упала, загремела заслонка.

Сергей Леонтьевич вскочил, одним прыжком кинулся к печи. В руках у него забилося, затрепыхалось.

— Вот дьявольщина, — в недоумении крикнул сержант, — ты кто? Что надо?

Плачущий голос ответил:

— Хлебушка мне, хлебушка...

— Да ты кто?

— Васенка я.

4. «СЛОВО И ДЕЛО»

Девчонка-подросток всю ночь просидела в закутке за печью. Сергей Леонтьевич и добром звал ее, и пытался вытащить из темного убежища. Она, как зверек, царапалась, кусалась. Но хлеб и миску с молоком взяла, унесла в темноту.

Рано утром снова пришел Чернов. В новой рубаше он казался повзрослевшим, важным. Степенно поклонился, пожелал здоровья.

Девчонка, услышав разговор, вдруг выбежала из закутка, уткнулась Ждану в грудь, затихла.

— Васенушка, ты живая! — только и мог выговорить Ждан.

Не веря себе, отстранил ее, посмотрел в залитое слезами лицо и снова прижал к груди.

— Живая, живая!

Кажется, парень забыл все слова, кроме этого одного. Бухвостов не скоро добился от Чернова объяснения, что это за девчонка и почему она ночью негаданно появилась в хате.

— Так куда же Васенке еще идти, — сказал наконец Ждан, — если хата ее. Здесь она последняя хозяйка.

И сразу же остерег:

— В селе никому не надобно знать, что Васенка тут. Оборони, боже...

Во весь этот день Сергей Леонтьевич никуда не уходил и не ездил. Слушал рассказ Ждана об избе на отшибе, о страшной судьбе ее обитателей.

...Крутовы исправно работали барщину. В селе у них было немало родичей. И все-таки Крутовых считали ведунками, «лешачьим отродьем». Если кто занеможет либо крепко ушибется, спешили в хату над рекой, просили снадобья. Отец и мать Васенки дивились:

— Чего пришли? Ну какие мы знахари?

Но часто, сжалась над мукой болящих, давали им сухие травы, корешки. Толковали, какие надо на настое пить, какими натираться. И вот ведь чудно — крутовские «корешки» помогали.

Выздоровевшие оглоблинцы благодарили. Но коль не было нужды, стороной обходили старую хату. Кто знает, что взбрет в голову лешакам, — не навели бы порчу. На всякий случай лучше подальше держаться.

Боялись, и все-таки шли к Крутовым. Особенно часто доводилось давать пособие от «железа». Приходили те, кого Оглоблин гноил, но не доконал в цепях...

Тут Ждан прервал свой рассказ и, понизив голос, хотя никто посторонний не мог его услышать, заметил, наклонясь поближе к Бухвостову:

— Ты мне вчера сказал про тишь на боярском дворе. Нет, ты взгляни на потайные клетки в лесу. Там хоть кричи — никто не поможет.

В тех клетях Оглоблин держал непокорных боярской воле. Томил на цепях, вделанных в стену, по году, по два и больше. Иные в цепях умирали. Помилованные же выходили на белый свет слепые, с отгнившими ногами или с другим увечьем. Только ведуны, жившие в старой хате, утоляли их муку.

Крутовы были бессильны вернуть зрение, не могли влить силу в отсохшую руку. Но «железные» язвы закрывались от их «корешков».

Оглоблин знал об этом. Он не любил Крутовых за то, что открыто им было слишком многое. А тут еще сказало и прямое непокорство. Окольный велел прислать Васену в девичью холсты белить. Старик Крутов упал в ноги, просил повременить, пожалеть девчонку.

Оглоблин пригрозил упрянуть «лешака» в клеть. Однако больше о Васене не заговаривал.

Наверно, так все и осталось бы по-старому. Но вышневолоцкий воевода, родственник окольного, предупредил его, чтобы был настороже. Потаенные клетки — дело пустое. Запоротые кнутами на дровнях — молодецкое игранье. Господин волен в жизни и смерти своих рабов. В том и царь ничего не переменит.

Но есть молва, что боярин неладное говорит о Петре, будто не даст ему своих мужиков в солдаты и сам на войну не пойдет. Сие дело опасное. Можно и без головы остаться.

Оглоблин встревожился. Сам-то он был с глуповатинкой. Но отец духовный в келейном разговоре посоветовал ему, как одним махом государев гнев толкнуть на другой путь, отвести от себя беду, да еще и наказать непокорных «лешаков».

Вот тогда-то в селе и сказано было «слово и дело»...

— Крутовых куда взяли? — прервал Ждана Сергей Леонтьевич.

— В Преображенский приказ, — ответил парень, — увезли отца, мать и старшего сына Родиона, моего ровесника.

— Ох, то худо, — нахмурился Бухвостов.

«Слово и дело» на Крутовых возвели по подсказке безвестного инок односельчанина, те самые, кто лечились у них. «Государево слово» сказано было в ведовстве и чародействе.

Вместе с изветчиками ведунов доставили к воеводе в Вышний Волочок. Там в губной избе Крутовым велели есть добытые ими в лесу травы — не помрут ли от них. Травы поели, живы остались и в ведовстве не покорились.

Воеводе только и осталось написать челобитную и при ней отослать Крутовых и их обвинителей в Преображенский приказ.

Бухвостов хорошо знал, что это за приказ, называвшийся тем же именем, что и полк, в котором он служил.

За порядком в стольном городе России Москве смотрел Преображенский полк. Солдаты в положенное время обходили Кремль и ближние улицы. Виноватых в разбое ли, в нарушении ли благочиния приводили в подмосковное село Преображенское, в приказную избу.

За малую вину здесь же, на глазах у «мира», виноватого били батогами. При подозрении в тяжком преступлении его отдавали в застенки пыточным дьякам и палачам.

Так служилые люди приказной избы, наблюдавшие вначале порядок в полку, стали главными зрителями за всей Москвой, а вскоре и за всей Россией. Должно быть, князь-кесарь Ромодановский, начальник той избы, в большом был фаворе, коль велено ему заниматься извещениями «слова и дела». Тут уж разговор шел не о пьяной болтовне либо драке, но о покушениях на государево здоровье и честь, о бунтах, об измене, о чародействе. Здесь расплачивались чаще всего жизнью. От самого названия «Преображенский приказ» у людей стыла кровь в жилах.

«Слово и дело» или «государево слово», где бы оно ни было сказано, хоть в самом глухом месте России, кем бы ни было сказано, воеводой либо холопом, приостанавливало все законы. Мужик, избиваемый своим госпо-

дином, в лютой муке кричал: «Слово и дело» — избие-ние прекращалось. Приведенный на казнь на помосте говорил: «Слово и дело» — и топор, уже занесенный над головой, опускался, не нанеся удара.

Оно, слово это, значило, что человек знает государственную тайну. И человек сразу становился неподвластным ни господину, ни палачу. Его доставляли в Преображенское. Здесь он должен был дать ответ. Спрос только один — под пыточными клещами, на дыбе — вísке. Так что если «государево слово» сказывали ложно, оно служило лишь отсрочкой смерти, еще более мучительной.

Вот на каком тяжком разборе, в самом страшном месте России, вдруг оказались жители села Оглоблино.

В тот день, когда стариков Крутовых вместе с сыном Родионом увезли в Преображенское, из села исчезла Васена. Ее поискали у родичей, покликали в лесу, не нашли и решили, что девчонка либо утопилась, либо медведь ее задрал.

Она же почти все лето пробыла в лесу, питалась ягодами, травой, спала на деревьях. Никто ничего не знал о ней до того дня, когда одичавшая, в истлевшем на плечах платье, полуобезумевшая от голода и одиночества она появилась в родимой хате. Но и тогда о действительной судьбе Васены узнали только двое — Бухвостов и Ждан.

К этому времени в Оглоблино стали уже возвращаться извечки из Преображенского. Лишь самым близким родным рассказывали они, как в кибитках, зашитых ро-гожей, везли их к Москве, как потом на веревке водили по улицам просить милостыню, чтобы совсем не оголо-дать в тюрьме, как начался застеночный розыск.

Поднимали на вísку, выворачивали суставы, жгли огнем. Оглоблинцы хвастали, что пороли их особенно сваренными в молоке кнутами — они как ножом режут. Заплечный мастер ожгет да скажет: «Кнут не архангел, души не вынет».

С подъему и с огня извечки начали оговаривать друг друга. Старик Крутов снес все муки, твердил одно: в ведовстве невинен и чародейного замысла на государственное здоровье не имел, а добрые травы лесные действительно знает, тому еще от отца научен, а колдовства никакого не знает.

Помер он на шестом подъеме, и как по правилам розыска указано предсмертным речам верить, то помер он от вины очищенным. Жена его в застенке ничего не говорила, только слезами заливалась, и окончила свой век не от пытки — от тоски.

Что касается Родиона, о нем известно немного: под кнутом он злыми словами обругал дьяка, и за эту уже новую вину отнят у него язык. После того никто не встречал парня.

Хоть изветчики сделали черное дело, в селе на них не сердились. Понимали — не их воля, не их вина...

Вот так чужое горе коснулось сердца Сергея Леонтьевича Бухвостова. Мало ли всяких бед повидал он? Все проходило, всему был конец. То горе в начале...

Васенку от посторонних глаз оберегали тщательно. Но однажды, среди бела дня, она с криком выскочила из хаты. Хорошо еще, что побежала в сторону от села, к реке, к дороге, которая вилась по берегу. Бухвостов со всех ног кинулся за девчонкой. Нагнал ее на повороте, у расщепленного молнией тополя.

Она держала за руку высокого хлопца, в сером азыме, в пропыленных насквозь онучах, в стоптанных лаптях. Хлопец стоял, опустив голову. Когда он поднял ее, на губах Бухвостова замерли все вопросы, которые он собирался задать.

Человек на дороге был очень схож с Васеной, только черты лица грубее. На лбу глубокие ссадины. Шрамы у разорванного рта еще не заросли, кровоточили. Он смотрел на Васенку и бормотал невнятное.

Можно было только дивиться тому, что она из окошка вдалеке разглядела брата, идущего к родному селу. Сейчас она сжимала его руку и шептала:

— Ох, Родя, горяшко. Что же это сделали с нами?

Сергей Леонтьевич при встрече брата и сестры почувствовал, как у него слезы закипают. Однако времени терять нельзя. На дороге в любую минуту могли показаться случайные путники. Он сказал Родиону, чтобы поскорее шел к хате. А сам повел Васенку домой огородами...

Начиналась осень. Подступал срок, когда сержант должен был возвращаться к войску вместе с набранными в солдаты. Приходилось немедленно решать судьбу осиротевших Крутовых.

Ждан говорил, что оставлять их в селе в воле окольничьего — все равно, что убить. Бухвостов соглашался: это и в самом деле так.

Можно было подумать о том, как Родиона заверстать в солдаты. Он, хотя и увечный, но все хорошо слышит и понимает, а силен на редкость. Заступничество Бухвостова за Родиона могло, конечно, много значить.

Но когда Ждан Чернов сказал, что надо непременно увезти и Васенку, сержант в испуге замахал руками:

— Ты в уме? Увезти беглую! За это как раз под кнут угодишь!

Новонабранных солдат Бухвостов послал вперед. Сам задержался в селе.

Накануне Ждан сказал Сергею Леонтьевичу:

— Христом-богом молю — не погуби Васенку.

Бухвостов прикрикнул:

— Ты забыл, что теперь солдат и говоришь с сержантом? Я тебе напомню!

И погрозил кулаком.

Сердился Сергей Леонтьевич оттого, что увезти Васену не мог. И оставить не мог. Все время думал, что делать с девчонкой. Да так ничего и не придумал.

Через несколько дней из села выехал возок Бухвостова. На козлах сидел Родион Крутов. А на дне возка, под сеном, пряталась Васена.

5. НОВИКИ

Оглоблинские новонабранные солдаты, или, как их называли, новики, миновали Валдай и пошли краем поля. Урожай был уже убран. Стерня колола ноги.

Шли все в лаптях или босиком, в деревенских портах и зипунах. Ничего солдатского в этих людях не было.

Встретившаяся как-то на проселке ямская телега с кладью вдруг повернула, и кучер погнал лошадей во всю мочь. Не иначе, подумал, что встретился с разбойниками. Оглоблинцы улюлюкали, свистели вслед.

За Валдаем новиков нагнала повозка Бухвостова. Он велел до ночи идти, не останавливаясь.

Ждан невесело приветил безъязыкого возницу:

— Здорово, Родя.

Тот ухмыльнулся — дескать, чего со мной одним здороваешься? — и кивнул в сторону русской головенки, чуть высунувшейся из-под крытого верха возка. Возок был новый, в одной из попутных деревень пришлось бросить старый, совсем развалившийся после скачки по колдобинам Мохового урочища, и взять этот.

— Васенушка! — завопил от радости Ждан.

Но подбежал он не к ней, которую чаял оставленной в селе, — от этой мысли у него холодело сердце. Чернов кинулся к Сергею Леонтьевичу. Сержант снова, как уже было раз, погрозил ему кулаком. Но сейчас этот жест означал другое: втравил ты меня, парень, в неизбывные хлопоты, что теперь делать будем?

Тут уж и все оглоблинцы заметили Васену. Без конца дивились ей. Откуда взялась? Где пропадала? Уж не на войну ли она вместе с ними собралась.

Так как ни на один из этих вопросов ответа не было, рекруты тут же сами придумали историю, будто Васенка пешим манером ходила в Москву к Ромодановскому и вызволила брата из беды.

Только Ждан Чернов ничего не выдумывал, потому что знал правду. Он забыл про усталость, бросился плясать, да так и шел за возком с версту вприсядку.

Васенка кричала ему:

— А ну, еще, Жданушка! Ах, хорошо...

Новикам предстоял путь большой. Лаптями месили грязь на дорогах. Мочило их дождем. Грелись у костров. Васена кашеварила для всех. Щи кипятила в ведре, кашу налаживала в другом. Веселая, как птица, она скрашивала людям дорогу.

Бухвостов называл ее «господин каптенармус». Васенку смешило это незнакомое наименование. Она морщила свой короткий нос, фыркала в кулак.

С интересом наблюдал Сергей Леонтьевич, как помалу и неприметно для себя оглоблинцы, коренные мужики, становились солдатами. Учились слушать команду, подтягивались и поспешно заканчивали перебранку, увидев сержанта; привыкали к мушкетам.

Мушкетов было всего-навсего две штуки. Сначала никто не хотел их нести: еще выстрелит ненароком. Бухвостов толковал о ружье любовно, как о живом существе, самом надежном друге солдата.

— Вот, к примеру, штык-багинет, — говорил он, — остер, крепок, врагу погибель. Под Нарвой мы тем багинетом обходились так: отстрелялся, воткнул багинет в ружейное дуло — и катать-валять на шведа. Ловко? Ловко, да не очень. Колоть можно, стрелять нельзя. Теперь — гляньте: багинет поверх ствола кольцом надет. Хоть стреляй, хоть коли. Вот и выходит, что один солдат за двоих годится... Но дело самоважнейшее — ружейный прием. Он всему начало.

Новики внимательно слушали сержанта. А он вдруг по-дьячковски загнул:

— Подыми мушкет ко рту, содми с полки, возьми пороховой зарядец, опусти мушкет книзу, посыпь порох на полку, положи пульку в мушкет, положи пыж на пульку, вынь забойник, добей пульку и пыж до пороху, приложись, стреляй!

Бухвостов оглядел пораскрывавших рты оглоблинцев и объяснил:

— Этак по старинному артикулу командовали к стрельбе. Пока слушаешь капрала, враг уйдет. Нынче команда куда проще: «Подними мушкет, заряжай, стреляй!..» Всего-навсего.

Дружелюбным, но оценивающим взглядом смотрел сержант на рекрутов. Думал: «Погодите, уж напаялите на себя мундиры, снесите подметки в походе, подышите порохом, и такими еще станете боевыми солдатами...»

Ему и самому, прошедшему трудную службу, казалось обычным и понятным, что вчерашние мужики завтра станут воинами. Много повидал он в походах, в баталиях. Сергей Леонтьевич хорошо знал, что на горестном «нарвском невзятии» возросло новое российское войско.

Теперь уж не будет, как когда-то: на все государство — стрелецкие полки. А жили стрельцы в слободах с семьями, землю пахали, а многие торговлишкой занимались. Покрывались ржой мушкеты, в избах по углам стояли сабли. Орудия сберегались в крепостях, пока не прискачет за ними стрелецкий голова, велит готовить огневой наряд. Пушкарское дело было не в почете. Стрельцы считали зазорным для себя служить пушкарями.

Только в войну, по набату, собиралось ополчение. Поднимались копейные роты, низовая казанская да донская сила с боем лучшим. В поместья мчались гонцы от воевод с наказом дворянам «стронься к службе, запасы

готовить, лошадей кормить». Одни сказывались в нетях. Другие не спеша снаряжались в поход. Ехал дворянин на откормленном аргамаке, в панцире, с булатной саблей. За ним тряслась на клячах челядь с рогатинами.

Теперь вся российская армия — тот же нóвик. Все в ней по-другому, по-новому супротив «отцовского артикула». Дворяне в вотчинах не засидятся. Мужики, набранные в полки, с землей распростились. Волей-неволей подружись с ружьем да с пушкой. Руки до локтей сотри, а научись стрелять, огнем жечь врага. Ежели в поле не выстоишь, трусишь, побежишь, — хоть князь, хоть смерд — будешь своими же бит.

Войско мужицкое, не наемное, цена солдату, как и холопу, невелика. Трудно. Тяжко. Да что же сделаешь? Не отстоять иначе родную землю, не вернуть то, что коварно взято у нас врагом.

С глубокой думой бродил Сергей Леонтьевич среди оглоблинцев, раскинувших на ночь лагерь. Слушал, как спорили они, громко галдели. Где-то в темноте немудреным перебором тренькала трехструочка-балалайка... Кто из них беспробудно ляжет в Волховских лесах? Кто найдет вечный покой на приневских болотах?..

Ждан Чернов подкатился к Бухвостову, потрянул кудрями.

— Дядь Сергей!

Бухвостов нахмурился. Ждан сообразил — возможное Васене ему заказано, — тотчас поправился:

— Господин сержант!

— Чего тебе?

— Господин сержант, а ты настоящее море видывал?

— Ну, видывал.

— А какое оно?

— Большое. Без берегов.

— Без берегов? — недоверчиво спросил парень. — Может ли такое быть?

— А вот сам увидишь, поверишь, — ответил Бухвостов.

Ждан замолчал, стараясь представить себе море. Не с чем сравнить. Воду-то он только в речушке видел. А реку в тысячу раз умножь, расширь — все равно моря не получится. С полем сравнить? Не то. Вот разве — с небом, на землю опрокинутым, дном вниз. Опять не то. Мысли путались...

Сергей Леонтьевич отослал молодого солдата посмотреть за лошадьми. Хотелось остаться одному. Вспомнились дорогие друзья, с кем побратались под Нарвой: маленький, остроносенький, верткий балагур и песельник Трофим Ширяй, сильный, безудержно смелый Михайла Щепотев, лохматый, всегда с обожженными руками пушкарский всеведец Логин Жихарев...

Мыслью к ним, троим, обращался сержант. Помните, братцы, как с жизнью прощались у моста, горевшего злым пламенем, как смотрели на мутные волны Наровы и тонущих бомбардиров, что бросились с моста вслед за сорвавшейся пушкой? Помните ли, как в час, который казался последним, поменялись мы крестами и с того часа уж держались друг возле друга, чтобы вместе спастись или вместе погибнуть?

Где вы, Трофим, Михайла, Логин?.. Всех разбросала по разным дорогам солдатская служба...

До света поднял рекрутов сержант Бухвостов. Надо было спешить.

Идут, идут лесами и долами лапотники, вчерашние мужики, завтрашние солдаты. Идут к Орешку. За Орешком — Нева. За Невой — море.

6. ГОРОД АРХАНГЕЛЬСКИЙ

В это время далеко на севере Михайла Иванович Щепотев пробивал дорогу через леса, рубил просеки, гатил болота. Строил дорогу неслыханную: кораблям плыть посуху, как по большой воде.

Начиналась та дорога у Белого моря.

Беломорье. Студеный край. Зверовые пуши, тундра, скупое, не греющее солнце.

По первому снежку и всю зиму напролет тянулись сюда обозы от Новгорода, Москвы, Поволжья. Везли сало и воск, деготь и ворвань, юфть и воловь кожи. По весенней полой воде Северной Двиной гнали карбусы с мехами беличьими и соболиными, с пенькой и льном.

Чужеземные корабли, едва море освободится от льдов, забирали все это купленное по дешевке добро в трюмы, везли в далекие страны. Купцы спешили прийти в Архангельск. Спешили уйти с товарами. Северное

лето коротко. Случалось — суда вмерзали в льды, оставались на вынужденное зимовье.

В Архангельске Петр — частый гость. Здесь в юные годы он впервые увидел море. Было так. Из Москвы через Вологду он пришел конным караваном. Свиту оставил у воеводы, а сам с друзьями — на шняву. Задувал упругий ветер-шелоник. Шнява легко заскользила к двинскому устью, и оттуда — в Белое море. Петр опьянел от простора, от шири. Сам переставлял паруса, ловил ветер, менял галсы.

Мать, Наталья Кирилловна, прислала ему в Архангельск письмо: «Виданное ли дело — государь по морю ездит!» Сердцем, полным тревоги, вверяла сына богородице. Петр писал — раз уж она передала его «в паству божьей матери, почто печаловать?». Подписывался с мальчишеским озорством: «Малитвами твоими жив. Сынишка твой Петрус».

Здесь, на суровом Белом море, Петр Алексеевич впервые бедовал в бурю. Буря же была жестокая.

При ясном небе судно плыло к Соловкам. Берега исчезли из виду. Легкий туман на горизонте никого не тревожил. Ждали — к полудню рассеется. Но туман густел, стирая грань между водой и потемневшим небом. Ветер налетел внезапно и с таким бешенством, что вода закипела на палубе.

Миновал час, другой. Буря крепчала. Стало темно, как ночью. С пушечным гулом прорвало самый большой парус. Мачты скрипели, того и гляди рухнут в ревущий мрак.

Судно заливало водой. Архангельский епископ, сопровождавший Петра, творил отходную молитву. Гибель казалась близкой.

У руля стоял кормщик Антип. Ветер вздувал рубаху горбом на спине. Босые ноги вросли в палубу. Лицо мокрое от колючих брызг.

Сквозь туман темной грядой стал нарастать, наваливаться берег. Все, кто был на палубе, бросились на колени. Вот-вот суденышко ударится о скалы, разобьется, уйдет под воду.

Петр подбежал к кормщику, схватился за рулевой брус. Кормщик сквозь бурю проревел:

— Пошел прочь...

Наверно, не видел, что рядом царь. А может быть, и

видел, да в эти минуты опасность всех сравнила. Тревога на палубе росла. Шнява на единственном парусе неудержимо мчалась в бухту Унские рога, страшную своими подводными камнями.

Антип налег всем телом на брус. Судно прошло рядом со скалой. С грохотом обрушилась на палубу последняя мачта. Но она была уже не нужна. Отлогий берег защищал бухту от ветра. Шнява покачивалась на тихой воде. Невдалеке белели стены Пертолинского монастыря.

Скуповатый Петр наградил кормщика рублем и подарил ему свою насквозь промокшую одежду.

Переодетый в смешную короткую рясу — в монастырских кладовых не нашлось одежды по государеву росту, — он, чтобы разогреться, вытесал топором крест из двух бревен и воткнул это сооружение в каменистую землю. В дерево врублено: «Этот крест сделал капитан Петр...».

В другой раз государь всяя Руси наверняка не стерпел бы грубого мужицкого слова. Нынче же промолчал, будто не расслышал. Открывался ему мужественный и строгий характер. Только не все еще знал он о поморах, смелых добытчиках Моря Студеного.

Теперешняя поездка Петра в Архангельск была во многом необычной. Из Москвы в поход на север отправились пять боевых батальонов. Петр, не любивший ни пышности, ни лишних разговоров о своей персоне, на этот раз взял большую свиту. О каждом его шаге иноземные послы давали знать своим дворам. Казалось, Петр был очень озабочен тем, чтобы весь мир знал: он едет к Архангельску, и все внимание его обращено к Белому морю, а не к какому-либо другому.

Позаботиться же о Белом море было очень и очень нужно. Противник, ободренный успехом под Нарвой, внезапно сделал попытку закупорить и этот последний выход России на запад.

В Архангельске давно уже трудился сержант Михайла Щепотев. Он ставил пушки в Новодвинской крепости, на море. Забот у сержанта — через край. Задуманы деревянные бастионы, такие, чтобы и каменным не уступали. Не напрасно торопились Михайла Щепотев и его бомбардиры.

Когда царский поезд въехал в Архангельск, в первый

же день Щепотев показал Петру человека, которого назвал Иваном Рябовым, героем сражения у Новодвинки. Вот что произошло незадолго перед тем.

Погожим летним утром 1701 года на бастионах пробили тревогу. Два чужеземных фрегата, не убирая парусов, шли прямо на крепость. В Новодвинке у пушек стояли бомбардиры с тлеющими запальниками. Но Щепотев не велел стрелять. Очень уж чудно и непонятно было это явление.

На пути кораблей лежали обширные мели. Когда крушение стало уже совершенно неизбежным с минуты на минуту, когда фрегаты, развернувшись на ходу, показали люки бортовых пушек, сержант скомандовал пушкарям:

— Начинай!

Рассеялась пороховая мгла от залпа, и Щепотев увидел оба фрегата, навалившихся на мель. Похоже было, что шведские капитаны обезумели: идти напрямик под русские пушки! Ну, за это их ждет расплата.

Новодвинцы, прилежно целясь, громили непрошенных гостей. По мачтам пополз огонь, один фрегат окутался дымом и стал валиться набок.

Михайла Щепотев, оставив в крепости только пушечную прислугу, остальным велел садиться в лодки. Работая на весь взмах веслами, поплыли к кораблям. Мушкетный огонь уже не мог остановить солдат.

Спрыгнули с лодок на отмель. По пояс в воде, держа над головой ружья, чтобы не замочить заряд, достигли фрегатов, поползли по покатым, накрененным бортам. Схватка на палубах была недолгой.

На первом корабле, затылком к грот-мачте, раскинув руки, лежал помор в кровавой луже. Он был в разорванной русской рубахе. Как только подбежали солдаты, раненый запекшимися губами подозвал старшего. Щепотев наклонился, чтобы услышать:

— Я с острова Соснового, Иван Рябов...

В Новодвинке Рябова отмыли от крови, перевязали ему раны. Он рассказал сержанту, что с ним случилось.

...Он стоял на берегу острова и смотрел на плывущие корабли. Мало ли ходит судов к Архангельску — не диковинка. Но с причалившей шлюпки выскочили

гребцы, сбили Рябова с ног, связали и увезли на головной фрегат.

Капитан велел пленнику показывать дорогу к Архангельску. Рябов покорно ответил, что дорогу укажет.

Шведы полагали, что их фрегаты идут к порту. Но они плыли кратчайшим путем под пушки Новодвинской крепости. Спыхватились поздно. Рябова прислонили к мачте. Он упал при первом залпе, но был только ранен.

Вот так отстаивал свой родной край храбрец помор...

Петр вскоре после приезда в Архангельск осмотрел плененные фрегаты, побывал в Новодвинке.

Потом позвал Щепотева и долго с ним беседовал в каморе, где кроме них двоих никого не было. О чем шел разговор, для всех осталось неизвестным.

Но на следующий день Михаила Щепотев исчез. Что приключилось с ним, никто не знал.

В Архангельске у Петра дела много. Надо обезопасить порт на случай нового нападения. Укреплялись берега. Пушки поворачивались к морю.

На верфи строили два фрегата: «Курьер» и «Святой дух», на каждом — по двенадцати орудий. Петр до спуска кораблей не уходил с верфи. Работы — на месяцы.

Пролетело лето. Осень глянула в окна, вздыбила чужно-тяжелые волны. Новостроенным кораблям назначено морское крещение. «Курьер» и «Святой дух» вышли в Белое море. Все было по заведенному в таких случаях порядку. Изрядно повеселились, изрядно выпили во славу Ивашки Хмельницкого — так на русский манер окрестили эллинского Бахуса.

Но то, что произошло в дальнейшем, весьма озадачило иноземных послов, следовавших за Петром.

«Курьер» и «Святой дух» ушли к полуденным берегам Белого моря. Говорили, что фрегаты бросили якоря у маленького рыбацкого селения Нюхча и что там высадились гвардейские батальоны вместе с отрядами поморов.

Зачем? Для чего? Никто не отвечал на эти вопросы.

Вдруг в одну ночь селение Нюхча опустело: не стало ни кораблей, ни гвардейцев, ни Петра.

Эта осень, казалось, полна загадок.

7. «ГОСУДАРЕВА ПРОСЕКА»

После разговора с Петром в Новодвинке сержант Михайла Щепотев усомнился в возможности задуманного. Все это виделось ему невероятным. Лишь позже понял, что весь расчет основан именно на том, что и противнику покажется сие невозможным. Тем неожиданнее будет удар.

Сержант по петровскому указу поднимал целые деревни, гнал мужиков в леса. Там, где от века не ступала человеческая нога, стучали топоры, падали деревья. Лес расступался широкой просекой.

Еще в Архангельске Петр получил от Щепотева цидулку, доставленную верховым. Сам вид посланного, его измученное лицо, кожа, натянутая на скулах, руки, до крови искусанные оводами, пропотелая одежда в белых соляных пятнах — все говорило, что он приехал оттуда, где людей не щадят и работают без роздыха.

«По слову твоему, — писал сержант, — послал я для чистки дорожной, и тое дорогу делаю от Нюхоцкой волости, и сделана от Нюхоцкой волости до Ветреной горы 30 верст, дорога вычищена и намощена, а место было худое...»

Ветреная гора крепко запомнилась и тем, кто позднее, в осеннюю непогоду, вышел в небывалый путь.

Под парусами фрегаты «Курьер» и «Святой дух» доплыли до Нюхчи. Здесь без мачт, обнажив гнутый из цельного дуба киль, двинулись в глубь леса. Двинулись на руках сотен солдат, поморов, крестьян.

Плыли фрегаты меж густых елей. Березы клонились над ними, обдавая шелестом суховатой листвы. Осинки махали ветвями, тронутыми холодным огнем ранней осени.

Солдаты бросали под суда катки, деревья с начисто снятой корой. Толкали, в самых трудных местах тянули воротами, пеньковой снастью. Фрегаты плыли, как на морской волне, раскачивались на людских плечах.

Первые тридцать верст отмахали скоро. Но у Ветреной горы начались каменные гряды.

День, когда пошел счет тридцать первой версты, был тяжким. Северодвинские ватажники тянули фрегаты лямками, помогали себе старой бурлацкой песней. Сиплые голоса звучали тоскливо:

Ой-ёй, ой-ёй.
Дует ветер верховой!
Мы идем босы, голодны,
Каменьем ноги порваны.
Ты подай, Микола, помочи,
Доведи, Микола, до ночи.

Головной корабль, достигнув каменной седловины, падал, грозя раздавить людей. Его выравнивали. Снова толкали вперед.

Ватажники надрывно пели:

Эй, ухнем! Да ой, ухнем!
Шагай крепче, друже,
Ложись в лямку туже.
Ой-ёй, ой-ёй!

Уж и солнце нырнуло за вершины деревьев. Землю широким крылом осенила ночь. Из темноты пахнуло сыростью, холодом. Старшие все еще считают тридцать первую версту. Капрал прокричал:

— Передых!

Ватажники попадали на землю и тут же, в лямках, заснули. Двое, надорвавшись, так и не поднялись поутру. Фрегаты продолжали свой лесной путь, оставив за кормой две могилы у Ветреной горы.

По солдатскому складу своего ума и характера, Щепотев не очень любил задумываться над трудными вопросами жизни. Годами он помоложе Бухвостова, нет в нем степенной рассудительности Сергея Леонтьевича. Всегда говорливый, насмешливый, развеселый, он считал, что все в жизни ясно и раздумьем только запутывают простые вещи. Того и гляди, либо пуля шлепнется в тебя, либо вражеская сабля достанет. Так чего же унывать загодя? Сегодня живой — и день твой.

Велено проложить через лес путь кораблям. Сделаешь — Петр, пожалуй, хлопнет лапищей по плечу: «Молодец, Михайла!». Не сделаешь — дубину обломает о твой бока. Это тоже ясно. Ничего запутанного, идущего не прямым путем, а потаенными тропами, Щепотев не любил.

Но, может быть, впервые здесь, между Белым морем и Онегой, повстречалось сержанту многое, над чем поневоле задумаешься. Очень уж тут все необычно, и люди — на особую статью. Спорить не любят, но упорны, молчат, непокорствуют,

Михайла Иванович отправлял сначала в Архангельск, потом к уже вышедшему в поход войску короткие записки о работах на просеке. На сколько верст прорубились. Сколько лошадей для тяги взято. Много ли народу перемерло... Но писал он не обо всем.

Так, в его письмах ни слова не было сказано о том, что случилось в безымянной деревне.

Сержант со своей армией, — это была настоящая армия, которая насчитывала уже много тысяч крестьян, щепотевская армия — подвигался к Онежскому озеру. Шли такими местами, где даже в зимнее время никто не хаживал. Сейчас, в ненастье, когда все болота распустило, страшно было подумать о том, чтобы нос высунуть из палатки.

Но сержанту нельзя сидеть на месте. Ему надо быть впереди своей армии: разведывать дорогу, чтобы не уйти в сторону от Онеги, а главное — разыскивать деревни, забирать там припасы, то уговором, то угрозой выводить на работы все новых и новых людей.

С одним лишь солдатом, на конях, Михайла Иванович с утра далеко отъехал от просеки. Лес становился все глуше. Сержант надламывал ветки, чтобы по ним найти обратную дорогу.

За деревьями вдруг поманила свежей зеленью полянка. Михайла Иванович на своем коне одним махом выскочил вперед. Лошадь задними ногами осела сразу по колени. Заржала, запрядала ушами. Солдат спешился, закричал:

— Сержант, назад езжай! Зыбун под тобой! Назад!

Щепотев и сам уже разобрался, в какую беду попал. Дергает уздечку, старается коня на дыбы поднять. Зыбучее болото держит крепко. Конь бьется. Передние ноги вскинет — задними еще глубже увязнет. Сержант встал на седло.

Солдат, торопясь и громко охая при каждом взмахе, рубил тесаком дерево. Наконец оно упало на поляну, больно хлестнув Щепотева вершиной. Сержант понимал, что нельзя прыгнуть с седла на этот ненадежный мост. Нужно осторожно ползти.

Нетолстые ветви плохо держали, погружались в холодную трясину. Михайла Иванович хватался за них, подтягивал к берегу теряющее силы тело,

Отдохнул, только когда вцепился в крепкий ствол. Выпрямился, пошатываясь, дошел до края зыбуна. Тяжело дыша, остановился. Но оглянуться не смог.

Слышал, как бьется, как ржет конь. Вдруг долгий, словно человеческий крик прорезал воздух. И все смолкло. Сержант повернулся лицом к трясине. На ее поверхности ничего не было. Лужайка по-прежнему звала к себе тихим шорохом трав.

Хуже всего было то, что Щепотев и солдат сбились с пути. Обошли болото кругом. Не нашли ни единой заломанной ветки. Пережитый страх стер с памяти все приметы обратной дороги.

Надо возвращаться к просеке. Повернули, как казалось, в ее сторону. Но шли, шли, а к просеке даже не приблизились. Обычно голоса работающих людей слышны были версты за две. Вокруг держалась плотная тишина.

Неожиданно вышли к деревне в десяток домов. В первой хате никто не отозвался. В соседней — двери открыты настежь. Старик качал в люльке ребенка. Старик не удивился гостям, кивнул на лавку.

Неприметно в хату набились чуть не все жители поселка. Мужики бородатые, разбойного вида, бабы в белых платках, с смиренно опущенными глазами. Входя, кланялись иконам в углу.

Щепотев объявил, что он государев сержант и что всем мужикам до последнего надобно быть к утру на просеке, к неотложным работам. По правде сказать, Михайла Иванович и сам понимал, что в изорванном мундире, весь перемазанный грязью, он больше походил на бродягу, чем на сержанта. Но приказывал привычно уверенно. В ответ не услышал ни слова. Щепотев не смутился.

— Что за деревня, — крикнул он еще громче, — чьи вы?

Отозвался старик с ребенком на руках:

— Деревня наша без имени. А мы люди божьи.

— Тебя как звать? — спросил сержант.

— Отродясь Ерофеем звали.

— Фамилия?

— Ерофеем и кличь. Другого имени нет.

— А ты кто? — Щепотев ткнул пальцем в грудь молодого кудлатого парня.

— Кузьма я, — ответил он, чему-то без доброты посмеиваясь.

У него тоже не оказалось фамилии. И у всех, кто находился в хате, не было фамилий.

Щепотев велел расходиться, а к утру быть готовыми к походу.

До вечера сержант ходил по избам, расспрашивал, увещевал. Отвечали ему неохотно. Выяснилось, что деревня эта не внесена ни в какие писцовые книги. Ее население податей не платит и состоит из одних беглых крестьян.

Работать на просеке не отказывались. Улыбчивый парень, назвавший себя Кузьмой, сказал:

— Утром все с тобой пойдем. Не изволь сердчать, господин хороший.

Сержант и солдат ночевали в хате у старика. Подивились, что отец и мать ребенка так и не появлялись. Дед сам пеленал и кормил внука нажеванным хлебом в тряпице.

Ночью Щепотев проснулся от удушья. В хате полно дыма. Ни старика, ни ребенка не было. Разбудил солдата, вместе выбежали на улицу. Дым плыл по всей деревне.

Бросились в одну избу — пусто, в другую — пусто. В деревне — ни живой души.

Лес вокруг горел жарким кольцом. Закрывая лица ладонями, чтобы уберечь глаза, сержант и солдат, обожженные, полуудушенные дымом, вырвались из проклятой деревни.

Рассвело. Они брели прямо, держа солнце все у правого плеча. Миновали еще сутки, прежде чем удалось разыскать просеку...

Так прошли два дня в полной опасностей жизни главного строителя «государевой дороги».

На этот раз он никого не привел на работу.

Люди упрямо, с ожесточением пробивались сквозь лес. Щепотевские посланцы ускакали в другие деревни за подмогой. Просека становилась все длинней — на сажень, другую, на версту, на десяток верст.

Научились управляться с огромными камнями — валунами. Если нельзя было обойти, камни «топили» в земле: рядом рыли большущую ямину и в нее сталкивали многопудовую громаду.

Отдыхали только возле озер и речек. Здесь фрегатам идти на плаву. Ватаги спешили по берегу, чтобы прокладывать путь все дальше и дальше.

Чем ближе к Онежскому озеру, тем больше сел, и люди здесь покрепче, посноровистей. Видимое уже окончание работы радовало.

Щепотев писал свои записки коротко, особенно не расписывая труд-мúку и вовсе не упоминая о смертях, через которые он шагал жестоким солдатским шагом.

«Известую тебя, государь, — писал он, — дорога и пристань, и подводы и суда на Онеге готовы... а подвод собрано у меня августа по 2-е число более 2 тысяч, а еще будет прибавка...» Позже во всем мире заговорят о том, как Петр со своими батальонами и двумя фрегатами прошел лесом от Белого моря к Онежскому озеру за десять дней. Но дивно другое: как была проложена эта 160-верстная просека сквозь нехоженные леса. О сержанте Михайле Щепотеве, о неизвестных мужиках, работавших и умиравших в глухом краю, не вспоминали...

«Курьер» и «Святой дух» раскачивались на последних верстах небывалой дороги.

Впереди уже блестят воды Онежского озера. А дальше — Свирь и Ладога.

Идут солдаты, идут поморы. Плывут корабли посуху через леса. Спешат к Орешку. За Орешком — Нева. За Невой — море.

8. ТРОХА И ФЕЛЬДМАРШАЛ

Тем временем на другом краю российской земли, от Новгорода, по крутому берегу Волхова шли походом полки Бориса Петровича Шереметева.

Впереди одного из полков, наигрывая на березовой сипке, приплясывал низенький, сухой и жилистый Трофим Ширяй. За ним угрюмо тянулись ратники. Устали, пот падал в дорожную грязь. Но услышат ширяеву прибаутку, ухмыльнутся, и ноги сами делают шаг шире.

В обозе того же полка ехал при пушках литец, медного дела мастер, чернокудрявый Логин Жихарев. Работать бы ему в покое, хоть на Московском, хоть на Новгородском литейных дворах. Так нет же, не сидится

на месте. Надо ему видеть свои медные детища в деле, в бою, в огне. Вот и меряй дорогу, будь сыт сухарем, спи под звездами, под дождем и ветром. В бою же того и жди, что ядром голову снесет.

Но Логин не сетовал на свою судьбу. Хлестнул клячу, нагнал Ширия:

— Жги, Троха!

Шматки грязи из-под копыт лошаденки летели в ратников. Жихарев уж во весь опор мчался к показавшемуся за поворотом дороги большому селу. Солдаты завистливо кричали вслед:

— Всегда первый поспеет к парному молочку!

— Эх ты, литец — «железный нос»!

Сбоку дороги ехал со своими офицерами Шереметев. Он грузно сидел на вороном жеребце. Лицо серое, невыспавшееся. Под глазами мешки. Широким утиным носом презрительно тянул воздух.

Борис Петрович с недавних пор носит звание фельд-маршала. Иноземное слово по несвычности коверкалось каждым на свой лад. Чаше называли фельт-маршалком. Это самое высокое в войсках звание дано ему за битву при Эрестфере.

Ох, уж этот Эрестфер. Шереметеву — маршальский жезл, а скольким воинам — крест и вечный покой. Запомнится и шведам Эрестфер, селение нарочито небольшое, поблизости от Дерпта, старинного русского Юрьева. Здесь, в заснеженной речной низине, впервые после Нарвы, встретились крупными силами русские и шведы.

Всего-навсего год миновал после «нарвской конфузии». Генерал Эрик Шлиппенбах, командовавший шведскими отрядами прикрытия, посылал в Стокгольм красноречивые и остроумные послания, в коих без особой злобы посмеивался над москвитями: о да, они еще помнят урок, преподанный им на берегах Наровы. Но погодил бы Шлиппенбах рассуждать об уроках, погодил бы хоть до этой декабрьской ночи.

Декабрь тогда выдался до жути морозный. Шведы стояли лагерем под Эрестфером. Войска Шереметева скрытно приближались к ним со стороны Пскова.

В полках набирали охотников для первого боевого промысла. Небольшим отрядом надо было подойти к лагерю Шлиппенбаха.

У сиповщика Трофима Ширия — среди сотоварищей

какая-то нескладная слава. Дудочник. Скоморошья душа. Без его сипки в походе не обойтись. Привыкли шаг мерять по ладам этого бесхитростного инструмента. Мастерил же его Трофим всегда сам. Выберет молодую березку, непременно молодую, потому что старое дерево, как уверял Ширяй, дает звук жесткий, без перебора. Сдерет Троха с березки лоскуток коры, свернет его, вырежет четыре дырки — и готово. Задудит, засвистит на соловьиный манер.

Многие для интереса пробовали вырезать сипку. Не получается. Пытались дудеть в инструмент, сделанный Трофимом. Молчит, как заколдованный. А Ширяй только поднесет сипку к губам — запела, заруладыла, словно ждала, когда Троха возьмет ее в руки. Значит, дан человеку талант.

Все понимают это. Но дудочник все же остается дудочником. И в бою его место в обозе.

Правда, под Нарвой он вдруг блеснул смелостью. Так ведь там как было? Струсишь — умрешь. Хочешь жить — дерись... Ширяева отвага в том бою как-то позабылась. А слава дудочника была привычная, постоянная.

Вот почему многие не поверили, когда Трофим вызвался идти с охотниками под Эрестфер. Сначала подумали — как всегда шутит, сейчас выкинет коленце. Но ничего смешного не последовало.

— Троха, — сказали ему, — там ведь убить могут.

Сиповщик ослабился, показал черные, выщербленные зубы и ответил:

— По дважды не умирают, а одна́ не миновать.

От него все еще ждали шутовства. И действительно, перед самым уходом Трофим сказал товарищам:

— Вот, ребята, загану вам загадку. Летело, вишь, сто гусей. Навстречу им один гусь. «Здравствуйте, — говорит, — сто гусей!» — «Нет, нас не сто гусей: кабы было еще столько, да полстолька, да четверть столько, да ты, гусь, так бы нас было сто гусей». Сколько же их летело?

Солдаты до загадок охочи. Прикидывали и так и этак — загадка, как крепенький узелок, не развязывается.

— Ну, разгадай, — пристали к Ширяю солдаты, — а то шведы укокошат тебя, а мы не узнаем, сколько гусей летело,

— Думайте, думайте, — засмеялся Ширяй и пошел с поджидавшими его охотниками.

— Стой, — закричали ему, — сипку-то оставь!

— Да она пригодится мне, — ответил Трофим.

— Шведы услышат.

— А я тихохонько...

Про это «тихохонько» рассказывали потом охотники. Из десятирех вернулись четверо.

Когда уж подошли к самому шведскому лагерю, Трофим обернулся к остальным:

— Зачем нам, робята, всем идти? Больно уж приметно. Закопайтесь в снег. Я один управлюсь. Тихохонько.

Всю ночь пролежали солдаты в снегу, на лютom ветре. Рассвет уже обозначился. Видно, нечего ждать Ширяя — не иначе, попал в лапы к шведам. Решили день переждать в лесу, а ночью попытаться проникнуть во вражеский лагерь.

Только поползли к лесу, смотрят — елка, невысоконькая такая, густая, наперерез движется. Солдаты влипли в снег, головы поверх держат, ждут, что будет.

Елка подошла, опустила ветки, и все узнали Ширяя. От перепуга, от радости надавали ему тумачков.

— Что вы в самом-то деле, — взмолился Трофим, — от супротивника ушел, так свои лупят.

— Да ты шведов видел?

— Видел у каменного попа железные просфиры.

Трофим рассказал, как всю ночь ходил по вражескому лагерю.

— Береженья никакого, — говорил Ширяй, — я бы давно вернулся, да хотелось проведать, где у них главный шатер. Нашел, — он в сторонке от лагеря, в дубовой роще. Перед шатром кол с золоченой пикой, а на нем конский хвост вьется...

Из-под Эрестфера шли весь день. Близо уж шереметевская ставка. Но тут-то и наткнулись на конных шведов. Судя по всему, и они ходили в гости к нашим, да припозднились.

Смяли охотников лошадьми, начали полосовать саблями. Всех бы прикончили. Но на шум выскочили наши драгуны, выручили...

Вскоре войска Шереметева покинули бивак и, выслав вперед конницу, направились к Эрестферу.

Напали на шведов. Не дали им коней оседлать. Врубились в лагерь. Уверенно пробивались к дубовой роще. Но из ложины развернутым фронтом налетели шведские дворяне в кованых панцирях. Только утро прекратило сечу.

Враг, сбитый с поля, поспешно отступал. Там, где был лагерь, лежало около трех тысяч убитых. На земле валялось восемь шведских знамен.

Борис Петрович Шереметев писал в Москву о победе. Загоняя лошадей, мчались курьеры туда и обратно: в Новгород, в Псков, к армии. Они везли Шереметеву чин первого русского фельдмаршала.

«Мы можем, наконец, бить шведов!» — в радости писал ему Петр.

Под Эрестфером войско отдыхало, чистилось. Грелись у костров, разложенных еще шведами. Отсыпались в их палатках, поваленных, а теперь снова растянутых на подпорах. Палатки были из крепкой, не пропускающей ветер парусины.

Важно-спесивый, веселый, по лагерю ходил Шереметев. Он не любил тишины. И потому, шмыгнув еще более расплывшимся утиным носом, крикнул:

— Сиповщиков вперед! Песни играть!

Одурелые со сна сержанты выскочили из палаток. Трофим, хотя и знал, что сипки нет, растерянно шарил то по карманам, то за пазухой.

Борис Петрович милостиво, несильно ткнул Трофима в зубы и велел тотчас сделать новую сипку.

Никому в голову не пришло сказать фельдмаршалу, что Ширий и есть тот самый солдат, который ходил во вражеский лагерь, и что сипку он потерял, когда охотники отбивались от шведского разъезда и многие его товарищи погибли под саблями...

Солдаты дружно смеялись над Ширием.

— Что скажешь, Троха? Тяжела рука у фить-маршалка?

Сам же он всего больше обижался на то, что ему велели сейчас, зимой, делать новый инструмент:

— Сипку же не иначе, как из весенней коры режут. Понимать надо...

Все дни, пока войско стояло в лагере под Эрестфером, солдаты приставали к Трофиму, чтобы он разгадал

им загадку про гусей. Но Ширяй не только не ответил про гусей, а спросил еще и про козу:

— После семи лет что козе будет?

Солдаты ахнули.

— Откуда у тебя, Троха, все это берется?.. А что козе будет?

— Осьмой пойдет! — лукаво щуря глаза, сказал Ширяй и под общий хохот добавил: — Думать же надо, это вам не саблюкой махать!

9. ЛИТЕЦ — «ЖЕЛЕЗНЫЙ НОС»

После победы у Эрестфера в русских войсках словно прибавилось и силы и веры. Шереметевские полки готовились к летней кампании.

У Логина Жихарева свои заботы. По правде сказать, в армию он отпросился неспроста. Была у него обида. В Москве на Пушечном дворе при отливке он малость промедлил, сердечник из пушки не вынул и переломился.

Управитель при Литейном дворе не посмотрел, что у Логина прежде таких оплошек не бывало, тотчас настрочил: «За то мастеру до указа, дабы он впредь в таком деле опасение имел, государева жалованья на достальные месяцы не давать».

Логин не ругался с управителем. При первом же случае напросился ехать с новыми пушками в войско.

Среди «огневого наряда», отсылаемого из Москвы к Шереметеву, была мортира, отлитая Жихаревым. Делал он ее с поспешанием, но любовно, украсил как мог. На зарядной камере медные дельфины изогнулись, играючи. На казенной части раскинул крылья чеканный орел. По жерлу, по меди вырезаны слова: «1701 год. Весу 76 пу 20 фу. Лил мастер Логин Жихарев». За пояском из перевитых цветов и листьев в неглубокой раковине — запал.

Этот запал особенно тревожил мастера. Мортира отлита из колокольной меди. А в ней многовато олова. Не будет ли прогорать?

Логин Жихарев, как почти и все пушечные мастера, был сначала колокольным литцом. Одинаковый металл

шел на то и на другое дело. Одинаковой была сноровка. Потому и первые русские пушки украшались вязью, гирляндами, чеканным хитрым узором, будто ими не врага крушить, а сзывать людей на праздник.

Происходил Логин из старинного, известного на Москве рода мастеров. Он не мог назвать поименно своих предков-литейщиков. Но знал в точности, что они лили колокола и пушки еще при Иване Грозном. Очень хотелось Логину хоть что-нибудь провести о зачинателе своего рода. Пробовал о том говорить с седыми старейшинами литейного двора. Но напрасно. Кроме причудливых побасенок, они ничего рассказать не могли.

Пришлось Жихареву примириться с тем, что имена его предков безнадежно позабыты, стерты временем.

Зато твердо знал он своих «отца» и «деда» в трудном мастерстве. Несмышленищем подручным работал Логин у «государева мастера» Харитона Иванова, который на всю Русь слыл первостатейным литейщиком. В Симоновом монастыре сладкогласно пели колокола его выделки. На боевых полях устрашающе ревела его же пищаль «Аспид».

Мудрым старцем с белой бородой до пояса запомнил Логин учителя своего учителя Александра Григорьева. Славился Григорий тем, что медь, отлитая им, имела необыкновенно густой и глубокий звук. За сотни верст приезжали любители в Звенигород, чтобы только послушать «григорьевский» колокол.

Вот чье мастерство наследовал Логин Жихарев. Так он и решил, что его безвестные предки мудростью походили на мастера Александра, верной хваткой — на мастера Харитона.

Подростал паренек среди жарких печей и обжигающего огня. В этом багровом мире литейщики со своими крюками и молотами напоминали чумазых лихих чертей. Здесь чудно сплеталось богово и дьявольское, благолепное и смертоубийственное.

В юные годы слышал Логин рассказы мастеров о колоколах-«вестниках», дающих голос за десятки верст; о колоколах «лыковых», надтреснутых и связанных; о «карнаухих» и «опальных» — один из таких колоколов был в Новгороде «казнен» Иваном Грозным за то, что диким своим громогласием перепугал царя; велел Иван отрубить колоколу ухо...

Но еще интереснее было слушать о русских пушках, заставлявших врага бежать в страхе. Иные были многоаршинной длины и представляли собою трех змей, одна поглощала хвост другой; иные — короткорылы, похожи на лягушку, присевшую на задние лапы. Кидали они в стан противника железные или каменные ядра. А то еще были знамениты «Лев» и «Скоропея», у них на стволах выбиты изображения ощеренного зверя и ящерики...

Почему-то Логина больше привлекало пушкарское дело. Именно в этом деле, уже в зрелую пору, получил он мастерское звание и мастерской оклад — «на год деньгами 8 рублей, хлеба 15 четей ржи, овса тож и 4 пуда соли». Хотя много времени прошло с тех пор и стал он умелым пушкарским литцом, а все звали его «железный нос». Была у него привычка при всякой незадаче хвататься пятерней за нос и размазывать по нему копоть. Так и повелось: «железный нос» да «железный нос». Но Логин не сердился.

Под Эрестфером баталия была скоротечной. Жихарев даже не успел опробовать свою мортиру. Зато уж в летнюю кампанию довелось потрудиться.

Фельдмаршал Шереметев, выведя полки к шведскому рубежу, многократно искал встречи с врагом. Но Шлиппенбах уходил либо обманывал, подставляя под удар арьергард вместо главных сил.

Все же неподалеку от мызы Гумельсгоф 18 июля дано было генеральное сражение. Русские выиграли его. Честь победы во многом принадлежала пушкарям.

Жихарев вел огонь по каменной мызе. Со второго ядра она задымилась, побежали в стороны шведские солдаты. Логин спешил. Скрипя зубами, он закатывал в жерло ядро. Подносил фитиль к раковине. «А-ах!» — рывкала мортира; силой отдачи ее отбрасывало назад. Логин спешил с новым ядром. «А-ах!», «а-ах!» — голосила мортира.

От мызы остались развалины. Теперь уж каменные стены не прикроют шведов.

Отменно стреляет Жихарев. Но он ведь не только пушкарь, но и мастер. Логин тревожно кладет ладонь на разогревшийся ствол. Смотрит на почерневшую раковину, качает головой и по привычке хват-хвать себя за нос. Тут задумаешься. В затравке, обожжённая порохом, закипает медь.

Не годится дело. Чуть иное естество должно быть у пушечного металла. И в сознании мастера, в грохоте и гуле боя, незримо покачивается стрелка весов: красной меди столько-то, олова столько-то...

Под Гумельсгофом полегла почти вся шведская пехота, какой командовал Шлиппенбах. Сам же он едва успел бежать с конницей. Отныне именем «Гумельсгоф» отмечена знатная виктория российских войск.

Только ведь все это — половина дела. Попробовали силенки, не больше того. Понятно сие и маршалу и солдату.

Теперь уж шведы никого не запугают. Ясно, что бить их вполне можно. И молва о чарах и заколдованном оружии — просто рассказы. Однако вот над чем приходилось поразмыслить. Грохнули оземь враги у Эрестфера и Гумельсгофа. А дальше что? К морю не подвинулись. Варяжское море, как и прежде, лишь издалека зовет.

Победа в поле многого не давала. Время было нанести удар решительный — по крепостям, замыкающим путь к морскому простору. И раньше всего — по Нотебургу. Казалось, без того России не быть Россией.

Прошлой зимой Петр писал Шереметеву о беспременном намерении «по льду Орешек достать». Но тогда не все было готово. А главное — еще не развеялся страх перед сильнейшей в Европе армией.

Теперь — все по-другому. Пора «доставать Орешек».

Из Москвы летят к армии указ за указом. Спешить, спешить! В Новгороде звенят пилы, стучат молоты. Столяры слаживают легкие, длинные — на весу прогибаются — штурмовые лестницы. Меха яростно раздувают пламя в горнах. Кузнецы куют пики и сабли. В пригородных деревнях шьют льняные картузы для пороха, набивают шерстью мешки — стрелкам защита от пуль.

Шереметевские ратники начали поход, несмотря на дожди и распутицу. Вниз по Волхову, минуя отмели и пороги, поплыли барки с двухнедельным, для всех полков, запасом печеного хлеба, вяленой рыбы и мяса. Лестницы, укрытые от чужого глаза рядом, везли в лодках.

Армия шла пешком по берегу. Месила оплывающую грязь. Обьедала дочиста попутные деревни.

Впереди своего полка, как всегда скоморошничая, вышагивал Трофим Ширяй. У него новая сипка, лучше прежней.

— Эх-ма! — верещит Троха. — Веселое горе — солдатская жизнь!

Оступился солдат, чуть не растянулся в грязи, свалил заспанный мешок. Трофим тут как тут:

— Вот так паря — обычай бычий, а ум телячий.

Язвит, язвит, а все же мешок помогает вздеть на плечи.

В коляске, огибая дорогу, напрямик по жнивью проехал важный, толстый полковник. Ширяй остановился, шапку снял с головы, смотрит умильно. Коляска уехала вперед. В глазах Трохи — злые искорки. Говорит солдатам:

— А что, робятки, знать, мы и на том свете будем на бар служить: они станут в котле кипеть, а мы — дрова подкладывать.

Кругом — хохот, развеселый, удалой. Нет, без Трохи в походе нельзя. О том, как сиповщик ходил с охотниками в эрестферский лагерь, никто не вспомнит. Но под Гумельсгофом случилось — Ширяй на виду у всех удирал от огромного шведского гренадера, едва из-под гранаты увернулся, — об этом не позабыли. До сих пор пошучивают над Трофимом. Он огрызается:

Экой, подумаешь, грех великий! Без головы не ратник, а побежал, так и воротиться можно.

Полк еще только входил в деревню, а Логин Жихарев на своей клячонке уже возвращался со жбаном, полным молока. Ширяй крикнул пушкарю:

— Давай поддержку, расплескаешь!

Логин отдает жбан, беззлобно смотрит, как сиповщик, запрокинув голову, пьет молоко.

— Эй, мне оставь!

— Да что молоко, — с недовольством говорит Трофим, опорожнив жбан, — мне бы бражки. Молошник у нас на все войско один, да и того сейчас нетути.

Жихарев знает, про какого «молошника» говорит Ширяй.

— Где-то сейчас Бухвостов? В какую краю бедует?

— Скажешь тоже, «бедует», — с ухмылкой замечает сиповщик. — Я Леонтьича во как знаю! Он в сей момент

сметану ложкой хлебают. Бражку не жалуется. Он ведь сметанник, любитель...

За Бухвостова Логин рассердился, вылупив глаза, замотал кудрями.

— Ну тебя, пустослов... Я другое скажу. Как дело начнется,—Сергея Леонтьича рядом увидим... Он-то на тебя не похож. От гренадера не побежит.

Трофим руками замахал:

— Дался вам этот гренадер...

Привал в деревне был короткий. Налетела гроза с гулкими раскатами, с холодным ливнем, как из ушата. Солдат подняли.

— Поторапливайся! Быстрее! — слышно в рядах.

Вода в Волхове расходилась, под белыми сыпучими верхушками темная, неприветливая.

Идут, идут ратники и пушкари, герои порубежных боев. Спешат к Орешку. За Орешком — Нева. За Невой — море.

10. ВАСЕНКА-ВАСЕК

От Валдая оглоблинские новики повернули на север. Бухвостов намеревался, не заходя в Новгород, напрямик выйти на низовье Волхова.

В долгом своем пути новики обесхлебали. Посконные рубахи, азямы, армяки совсем износились, превратились в рвань. Сергей Леонтьевич подсчитал, что лапти служат ходуку верст семьдесят, не больше.

Но будущие солдаты не унывали. Веселило одно — не надо думать о барщине. От этого впору было запеть во все горло.

Нужно дойти до войска, которое сейчас тоже где-то в походе, а там все просто. Обуют, оденут, накормят, дадут ружье. Конечно, в бою любого могут прихлопнуть. Так об этом много раздумывать тоже ни к чему.

Шли рваные, голодные, с песнями, с ревом, с гамом.

Сергей Леонтьевич и сам помолодел с оглоблинскими молодцами. Загорел, лицо обветрилось, нос и уши лупились. Нередкое выражение мрачноватой сосредоточенности исчезло из глаз. Бухвостов научился шутить, чего раньше за ним не водилось.

— Объявляется голоштанному полку, — говорил он, поглаживая щетинистые усы, — на должность нашего интенданта пролез Медведь.

Пожалуй, это не было шуткой. «Голоштаный полк» прочно перешел на «лесное довольствие». Лес кормил, лес и обувал завтрашних ратников.

Васена и Ждан ходили за грибами с мешком и приносили его полнехоньким, даже верх не завязать. Приносили и спелую бруснику. Такая работа нравилась им больше, чем хождение по голодным крестьянским дворам. Просить не наловчились, а отбирать силой последнее совестились.

Нашел себе занятие и Родион. Он вырезал кленовый кочедык и плел лапти на всю братию. Лыка вокруг сколько угодно; научился он и сушить его наскоро, на огне.

Все шло своим порядком. Жить можно.

Только одно беспокоило сержанта. Чем дальше уходили на север, чем ближе день встречи с войском, тем неотложнее надо было решать трудный вопрос: как поступить с Васенкой?

Сергей Леонтьевич, человек бессемейный и порядочно огрубелый на войне, против воли все чаще думал о том, что ведь эта белобрысая девчушка могла быть его дочерью. Никому не высказывал, как тревожит его судьба Васены.

Отослать ее в Москву, к родным Бухвостова? Тогда надо им все объяснить, а кто согласится riskовать головой, скрывая беглую холопку? О возвращении ее в Оглоблино и думать нечего. Это дело невозможное.

Снова в мыслях Сергей Леонтьевич ругал Ждана Чернова, будто он виноват в Васенкиных бедах. Вина же у него одна: пожалел сироту. Да кто же не пожалеет ее в таком великом несчастье?

Один на один с Жданом Бухвостов озабоченно сказал:

— Что с Васеной будет?

— А девок в рекруты не берут? — задал вопрос Чернов, совсем осмелев и даже чуть насмешливо. Он понимал, что сержант никогда не выдаст почти ребенка на смертную муку.

— Скучает по нам плаха, — сокрушенно промолвил Бухвостов.

— Господин сержант, — сказал решительно Ждан, — я потолкую с нашими парнями, что они скажут?..

Начались у оглоблинцев споры-разговоры. День за днем гуторят. Как только к спорящим подойдет Васенка, все умолкают. А ей и невдомек, что людская забота — о ней.

Только раз случилось, что девушке пришлось вмешаться в разговор.

Родион, слушавший все, о чем судили-рядили товарищи, вдруг взволнованно залопотал. Его спросили — чего он? Немой забормотал еще невнятной. Позвали Васену. Лишь она одна умела разбирать косноязыкую речь брата. Васена положила руки ему на плечи.

— Что ты хочешь сказать, Родя?

Он сразу успокоился. Девчушка прислушивалась и грустно качала головой.

— Родя обо мне толкует, — произнесла она, когда тот замолчал, — он говорит: надо, чтобы у него был брат, а не сестра. Чудно, право.

Простая, смелая до дерзости мысль Родиона поразила всех. Когда Васенка отошла, заговорили еще горячее. Новики соглашались с немой. Родион колотил себя в грудь и старался объяснить, что если случится беда и все узнается, он один примет грех. Ему, побывавшему в застенке, отныне ничто не страшно.

Тайна Васены, о которой пока и сама она мало знала, теперь известна ее землякам. Ждан тут же от каждого взял великую клятву на кресте: ни под кнутом, ни в огне никому и никогда не выдавать тайну.

С этим Чернов пришел к Бухвостову.

В списке новонабранных ратников появилось новое имя: «Василий Крутов. В барабанную науку».

Теперь Васенку по общему сговору стали называть Васьком. Как и всех новиков, ждала ее нелегкая жизнь, тяготы войны. Но, пожалуй, во всем мире не было для нее более безопасного места, нежели в полку, рядом с братом и Жданом.

Самый малорослый из земляков отдал ей свою запасную одежду, свято оберегаемые смертную рубашку и порты. По старому обычаю, солдату полагалось перед боем одеваться во все чистое. Но до боя еще далеко, а ради такого дела можно и против обычая пойти,

Васенка с самого начала была уверена, что останется с братом и односельчанами, только не знала, как это будет. Она надела новую одежду, где надо подшила, где надо сузила. Повздыхала, расставаясь с белым платочком и косицами.

Бухвостов ахнул, увидев мальчишку в подвернутых штанах и в рубаше, съезжавшей с плеч. Васенку не узнаешь. Ее ребяческим рукам не удержать ружье. Но такого славного барабанщика, в самом деле, нет ни в одном полку.

— Дядь Сергей, а дядь Сергей, — проговорила смущенная Васенка, очень уж неловко чувствовала она себя переодетой, — а что это за барабанная наука?..

Произошло такое, на что ни Бухвостов, ни Родион, ни Ждан не могли вполне надеяться. Общая хранимая тайна накрепко соединила оглоблинских парней. У Васены было теперь полсотни братьев.

На привалах сержант учил будущего барабанщика:

— Слышь, Васенка, то бишь Васек, — на первых порах и все путали мужское имя с женским, — слышь, как сигнал играют. Это — «зорька», это — «приступ». А то есть еще «шамад».

Сергей Леонтьевич пальцами выстукивал по грядке телеги. Васена прислушивалась, наклонив голову. В одном сигнале ей чудилась бодрая прохлада утра, топот многих бегущих ног, в другом — призыв и решимость. Только «шамад» сразу не полюбился. Это был сигнал отступления, тревожный, как удары набата.

— Ты пойми, — внушал сержант, — каждый сигнал к месту нужен. Вперед пошли — барабанщик у знамени. Твой стук-перестук смелость людям дает. Солдату барабан что говорит? «Ты не один, ты не один, весь полк с тобой...» Но если неустойка вышла, отбит приступ — вот тут без барабана уж никак нельзя. По нему полк собирается, раненые, услышав знакомую «дробь», к своим ползут... Понятно тебе, что есть барабанщик при войске?

Ритм сигналов Васенка усвоила быстро. Только удар сначала получался несильный — сержант вытесал для нее две палочки и кругляш. Полный день Васенка выпевала или выстукивала сигналы: «тра-тра! тра-та-та! тра-тра!»

Ухватки у нее появились мальчишеские, задиристые. Оглоблинцы шутили:

— Велико дело — штаны надеть.

К тому времени, когда новики вышли к Волхову, Васена уже вполне постигла нехитрую науку.

Впереди рядов вышагивал сероглазый, босоногий мальчуган. Он ладно и звучно выстукивал «дробь». По горделивой стати, по задранному вверх веснушчатому носу было ясно, что стучит он не в чурбачок, а в гулкий, с натянутой кожей орленый барабан, и висит тот барабан через плечо не на веревке, а на самой великолепной лосиной перевязи.

Волхов катил мутные, холодные волны. На высоких берегах виднелись курганы.

11. ПОБРАТИМЫ

В невеликом городке Ладоге все жило войной. Армия, не вмещающаяся в дома, заполнила улицы. За городом, в полях белели ряды палаток.

Тут были и шереметевские полки, и дружины ладожского воеводы Апраксина. Все — солдаты обстрелянные. Новики, пришедшие из дальних волостей России, отличались среди них, как воробы в шумной галочьей стае. Они с завистью смотрели на лихих вояк. С раскрытыми ртами слушали рассказы о вылазках, о стычках, еще не зная, что в тех рассказах правды — любая половина.

Но вот парни из тихого села Оглоблино надели зеленые мундиры и в ту же минуту слились со всей солдатской массой. Одна беда — они перестали узнавать друг друга. То и дело слышалось:

— Это ты, Ждан? А я думал — какая персона из самой Москвы. Важно!

— А Родя-то, Родя! Умора.

Крутов переминался, боясь шевельнуть плечами. Мундир на нем трещал по швам. Красные обшлага рукавов съехали к локтям.

Вместе с другими оглоблинцами Родиона поверстали в полк без придинок. Его богатырское сложение с ликовой испугало недостаток речи. А на маленького

барабанщика решительно никто не обратил внимания. Около солдатских котлов постоянно крутились ребята из соседних деревень. Их прикармливали, вспоминая своих мальчишек и девчонок, покинутых в родном далеке.

Только Логин Жихарев с сомнением ткнул Васька пальцем в грудь, отчего тот отлетел на сажень и растянулся во весь свой росточек.

— Больно уж хлипок, — презрительно сказал литец Бухвостову. — Ежели барабанщик из него не получится, отдай мне в подручные, я его человеком сделаю.

С нарвскими побратимами Сергей Леонтьевич встретился в кружале на краю города. Они трижды расцеловались. Трофим Ширяй, тронутый тем, что сержант по дружбе выставил на стол штоф хлебного вина, умиленно похаживал вокруг. Он поспешил рассказать про эрест-ферское дело, и выходило так, что теперь в полку ничего не делается без Ширяя, и сам господин фить-маршалк с ним советуется.

— Как же, — подтвердил Жихарев, — у них знакомство самое свойское: Шереметев при всем честном народе нашего Троху по зубам хватил.

— Что ты за человечина, Логин, — рассердился Ширяй, — так не так, не перетакивать статью... — Через минуту Трофим приободрился: — Ну, дай бог, чтобы пилось и елось, а служба на ум не шла!..

Втроем в обнимку отправились бродить по Ладогe. Они вышли к берегу реки. Долго стояли здесь, под осенним ветром. Побратимы вели разговор о минувших битвах, а всего больше — о сражениях, что впереди.

В Ладогe уже в точности было известно, что главную команду над войском принимает Борис Петрович Шереметев. А государь в том войске будет простым бомбардирским капитаном, под именем Петра Михайлова. Ведомо, что он с пятью батальонами и с фрегатами «Курьер» и «Святой дух» поблизости. В Ладогe его надо ждать со дня на день.

Появился же он для всех неожиданно, в крестьянской скрипучей телеге, в сопровождении одного лишь Щепотева.

В тревоге, в беспокойстве на городской вал высыпали воеводы и начальствующие над полками. На склонах вала толпился простой люд. Многие впервые видели царя

и откровенно посматривали, не покажется ли хвост из-под короткого солдатского мундира. Ведь говорят же — чертово отродье.

Петр сидел на телеге, болтая длинными, в нитяных чулках, ногами. Поравнявшись с Шереметевым, не останавливая лошадь, соскочил на грязную дорогу. Щепотев натянул вожжи, когда Петр уже подошел к фельдмаршалу и обнял его. У Бориса Петровича съехала набок треуголка и ныла щека, прижатая к жестким суконным отворотам, но он боялся пошевелиться.

Отпустив фельдмаршала, бомбардирский капитан слушал, что говорили встречающие. Он смотрел поверх голов. Увидел Бухвостова и помахал ему зажатými в кулак шапкой и париком. Парик он не надевал, вытирал им потное, запыленное лицо. Коротко стриженные черные волосы торчком дыбились на макушке.

Сергей Леонтьевич мысленно отметил, что государь после долгого пути еще больше исхудал, но бодр. Черная от загара шея истончала, а щеки остались округло одутловатыми. Появилась привычка пощипывать усы.

Щепотев, разворачивая коня, чуть не наехал на Бухвостова.

— Леонтьич! Садись, покажи, где шереметевское подворье.

Михайла Иванович выпрямился в повозке во весь рост, взмахнул вожжами. Повозку сильно трясло на разбитой дороге. Бухвостов упрасивал:

— Угмонись, право! Опрокинемся, расшибемся.

Въезжая в подворье, чуть ворота не снесли. Щепотев бросил конюхам вожжи, облапил Сергея Леонтьевича.

— Ну, здравствуй, мил дружок.

Бухвостов рассказал ему, что здесь и Жихарев и Ширый. Пошли их разыскивать.

О пережитом за эти месяцы, о трудной дороге, начатой у Белого моря, Михайла Иванович рассказывал мало. Главное — что дорога подходит к концу.

В воинском походном журнале записано было о ней всего несколько строк:

«От города Архангельского учинили морем транспорт... мимо Соловецкого монастыря к деревне Нюхче, а оттоль сухим путем до деревни Повенца через пустые места и зело каменистые. А пришед в Повенец, где было

изготовлено несколько карбусов, абаркировались на оных через Онежское озеро, и рекою Свирью, до деревни Сермаксы, у Ладожского озера лежащей...».

Позади — могилы на «государевой просеке», горбатые отмели Онеги, ревушие Сиговецкие гряды на Свири.

На Свирской пристани Петр несколько дней ждал, когда уляжется разбушевавшаяся буря. Но так и не дождался. Велел князю Михайле Михайловичу Голицыну вести батальоны, а двум фрегатам с флотилией озерных ладей, забранных у рыбаков, при спокойной погоде начать последний переход. Сам же, взяв сержанта Щепотева за возницу, укатил в Ладогу.

— Теперь ждите, — говорил Щепотев друзьям, — здесь не засидимся.

В ночь войска снялись и двинулись вперед. Слабо светила луна. Дул ветер — сиверок, ровный, разлестый, какой бывает только над большим простором.

Волны с гулом ложились на берег. Рядом с дорогой тяжело ворочалась вода. Временами она захлестывала колею.

Ждан догнал Бухвостова.

— Господин сержант!

— Чего тебе?

— Эвона воды сколько, не оглядеть. Это и есть море? Настоящее море?

— Что ты, малый, — Сергей Леонтьевич тронул усы, — какое море? То пока еще только Ладожское озеро. Здесь Нева начало берет.

ОСТРОВOK

1. СТРАЖА НА ЛАДОГЕ

Невский исток открывался взгляду величаво, грозно. Две протоки, как две ладони, держали в плещущих струях маленький остров. Формой своей он, в самом деле, напоминал орех, тупой частью повернутый к озеру, острой к середине реки. Потому и остров и крепость на нем русские звали Орехов, Ореховец, Орешек, а шведы — Нотебург, что было точным переводом его древнего имени, данного еще новгородцами: Орех-город.

Второй день над Ладожским озером, в просторечии — Ладогой, гремела гроза. Гулкие раскаты возникали над землей и, повторенные эхом, затихали над водной далью. Косой ливень бил в лицо. Холодный до дрожи ветер насквозь продувал худую одежонку.

Солдатам было не до грозы. Лошади рвали упряжь, бессильные вытащить телеги из цепкой глины. Особенно тяжело приходилось пушкарям. Они на руках выносили свои мортиры. Медные чудища по ступицы колес уходили в грязь. Их поднимали; протаскив десяток шагов, опускали, чтобы перевести дыхание; снова поднимали.

У Логина Жихарева налились кровью глаза, вздулись жилы на лбу.

— Берись, молодцы! — кричал он солдатам, вцепившимся в пушку. — Держись крепче!

Родион Крутов ухватился за ось, нажал плечом. Логину показалось — мортира потеряла свой вес, стала податливой.

— Вот силища! — похвалил он.

Немой улыбнулся. Поотпустил колесо, люди под тяжестью зашатались, ноги в землю вжало, шага не могут сделать. Родион снова подхватил колесо.

Никогда Жихарев не видел, чтобы человек вот так играл мортирой.

Как ни трудно было солдатам, они не завидовали тем, кто находился на судах, разметанных по седому, гневному озеру. За них вчуже страшно становилось.

Полки соединились с флотилией у Подкорельского погоста. «Курьер» и «Святой дух» зарывались в волны, переставляли паруса и упорно двигались на большом расстоянии от берега. Вокруг фрегатов лепились, как мошкара вокруг шмелей, ладьи, соймы, карбусы. Их швыряло в стороны. Они то исчезали за вспененной грядой, то появлялись опять.

Жихарев залюбовался небольшой лодкой, которая, задевая парусом воду, шла прямо к берегу. Слышно было, как полотнище хлопает под ветром. Казалось, вот-вот смельчак врежется в камни. Но паруса вдруг переместились на единственной мачте, лодка перекачнулась на другой борт и скользнула за косу, где ветер и волны были помирней. Вынесло ее до половины корпуса на песок. Сразу десяток рук подхватили лодку и вытащили на берег.

Из нее выскочил босой парень в кафтане, туго подпоясанном веревкой. Парень спросил, где Шереметев. Ему показали. Пошел неспешно, вразвалку.

С фельдмаршалом он говорил смело, без обычных поклонов и величания. Борис Петрович, видимо, уже знал его. Внимательно слушал. Стоявшие поблизости могли разобрать, что речь — о ближних подходах к крепости, о возможных шведских заставах на берегу.

Парень вернулся к своей лодке. Солдаты рассматривали суденышко, ощупывали, дивились. Оно было слажено из еловых досок, без гвоздей. Доски сшиты толстой белой нитью, крепкой, словно вытянутой из железа,

Хозяин лодки постоял, почесал нога об ногу, улыбнулся, на красноватом обветренном лице блеснули зубы.

— Нет, ты не смейся, — сказал Логин, — объясни, как ты на этакой скорлупе в бурю по озеру ходишь?

— Так это же ладожская сойма, — добродушно ответил парень, — крепче судна нет.

— Ты впрямь шутишь, — даже обиделся пушкарь, — нитки сопреют либо перетрутся — и рассыплется твоя сойма, не соберешь.

— Какие нитки? — в свой черед и парень обиделся за недостаток уважения к суденышку. — Это — древесный корень, вичина... Ее у нас еще называют вечная. Иной раз дерево разлетится в щепы, а вичина цела. Ничего ей не делается.

Всюду поспевающий, где толпа и говор, Трофим Ширий ввернул вопрос:

— Ты сам-то откуда взялся?

— Это ты здесь откуда-то «взялся», — глянул на него босоногий, готовый постоять за себя, — а я на Ладоге родился... Окулов я, Тимофей Окулов.

— Очень уж ты бесстрашный, — сказал Трофим, желая загладить неловкое слово.

— Чем же я бесстрашный? — искренне удивился парень. — Вот батюшка мой, тот действительно, говорят, человек смелый.

— Кто твой батюшка?

— Видать, ты на Ладоге впервой, — олонецкого попа Ивана Окулова не знаешь...

Не в обычае ладожанина было сердиться, злобиться. Он посмотрел на просветлевшее небо и сказал:

— Буря на убыль пошла.

Для большинства солдат Тимофей Окулов — незнакомец. Между тем он хоть и не носил воинского мундира, был человеком необходимым в армии: на озере — лоцманом, на суше — проводником. Должность не пышная — знатец. А без него воеводам и шага не ступить.

Младший Окулов, один из немногих русских, бывал в Нотебурге. На сойме он за последние два года под видом рыбака обошел и Ладожское озеро и Неву.

Шведы хорошо знали этого улыбчивого простоватого парня, с копной нечесаных белокурых волос. Они называли его «русский Тим» и охотно покупали у него рыбу,

потому что парень не дорожился. Окулов неприметно ко всему приглядывался, запоминал расстояния, мерял глубины вод.

У Шереметева, приведшего войско к Неве, среди самых важных документов в ларце хранилась «сказка ладожан». В точности ее сверил у отца и старожилы не кто иной, как этот самый, столь бесхитростный на вид «русский Тим».

В той «сказке» в подробности был указан путь судам и войску:

«От Волховского устья до Птиновского погоста озером 20 верст, путь в добрую погоду свободен, а в ветры труден: суда разбиваются о берега и камни... От Птиновского погоста до Подкорельского 25 верст: ехать в соймах верстах в двух или трех от берега свободно... До Морского носа 40 верст: идти от берегу верст пятнадцать; иначе нельзя от каменных мелей. До Посеченого носа 35 верст: то же. От Посеченого носа до Орешка 3 версты: невским истоком с правой стороны мимо Орешка, подле самой стены и башни суда ходят в 10 саженьях; к берегу податься нельзя от мелей...».

Не счастье, сколько судов и сколько жизней спасено от потопления и гибели лишь потому, что написана «сказка ладожан», и этот босоногий парень первым прошел дорогу, по какой шагать петровской армии.

Сам он об этом говорил нехотя.

В виду крепости полкам велено было сделать дневку. Вперед теперь двигаться только ночью, чтобы до времени не выдать себя шведам.

Солдаты с любопытством смотрели на плывущий за туманами остров Ореховец. Что-то будет? Когда приступ начинать? Кому суждено сложить здесь голову?

Многим взгрустнулось. Думалось о родных селах, о матерях, о женах. Вот ведь в какую даль ушли их мужья и сыновья. Доведется ли свидеться?

Что бы ни говорили, а бывает час перед близким боем, час, когда солдату «душеньку защемит».

Все собравшиеся у окуловской соймы смотрели на затихающее озеро. Кажется, обо всем переговорено. А у каждого еще есть такое, о чем говорить не хочется.

Должно быть, Трофим Ширий сердцем почувствовал солдатскую думу. Он отошел в сторонку, оперся плечом

о замшелый тополиный ствол и, ни на кого не глядя, завел свою любимую, грустную:

Не белая березонька к земле клонится,
Не шелковая в поле травонька расстилается,
Стелется, расстилается полынь горькая.
Нет тебя, полынушка, горче в поле нет.

Трофим пел закинув голову, на шее двигался, дрожал крупный кадык. Логин Жихарев подхватил густым басом:

Горчее тебя, полынушка, служба царская,
Наша солдатская,
Царя белого Петра Первого.

Десятки голосов вторили песне. Она неслась над Ладогой, по-деревенски медленная, трогая теплой своей печалью.

Не днем-то нам — со вечера ружья чистить.
На белом свету солдатушкам во поход идти...

Когда Ширий поет, он выше кажется и совсем другим. Незаметными становятся острый нос, жесткие скулы. Глаза — глубокие, как черные колодцы. Сколько кручины в них, не измерить. Ширий слился с песней, живет в ней. Каждому, кто слушает или подпевает, хочется положить руки на плечи Трофима, сказать: «Спасибо тебе, спасибо». В такую минуту никому не взбредет в голову, как обычно, пошутить, посмеяться над Ширием.

Песня кончается протяжным вскриком, слившимся с плеском набегающих волн.

Все долго молчат.

Перед глазами, за широкой водной полосой — крепость. О ней и заговорили солдаты. То ли захотелось Окулову отблагодарить Ширия за песню, то ли просто решил он — тем, кто не сегодня-завтра пойдут на смерть у этих стен, надобно знать, что за штука Нотебург — Орешек.

Тимофей так и сказал:

— Крепость — штука серьезная.

Солдаты придвинулись поближе, так что Окулов ощутил их дыхание.

— Стены сложены из гранитных валунов да здешней плиты, — продолжал он, — прошибить их нелегко. Тол-

щина — две сажени, вышина без малого пять сажен. По углам — башни, на них пушки в три яруса.

— Ух ты! — протянул Жихарев.

— Погоди, еще послушай, — остановил его рассказчик, — главное дело — зацепиться за те стены трудно. У подошвы узкая полоска земли, троим встать тесно, не то что полку подойти.

— Со стенобитной машиной туда и не суйся, — озабоченно проговорил Жихарев, — ядрами колотить придется.

— И опять-таки не все еще сказано, — Тимофей Окулов задумался; не хотелось ему до времени пугать ратников, да пусть лучше заранее знают, что дело предстоит смертное, — ну, стены разобьем, либо ворота разнесем, ворвемся в крепость. А там... опять крепость. Есть у шведов хитрость: угол крепости, что к озеру, обнесли они двумя стенами. Снаружи не видать. Называется — цитадель. Напоследок могут они в ней держаться.

Трофим подступил к ладожанину. Ширяй был пониже его ростом и смотрел снизу вверх.

— Ты прямо скажи — взять эту крепость можно?

— Велят — можно, — ответил ладожанин.

Был бы Тимофей Окулов поученей, знал бы, что за несколько лет перед тем здесь, в верховье Невы, побывали знаменитые фортификаторы чуть не со всего света. Они осмотрели остров, сооружения на нем и решили: «Нотебург — неприступнейшая крепость в мире».

Но ладожанин не мог знать о том, что было напечатано в иноземных ведомостях. И слушатели согласились с ним:

— Коль прикажут — нельзя не одолеть.

Троха — ну и въедливый же этот сиповщик! — опять пристал к Окулову:

— А можешь ты про Орешек все как есть нам поведать? Как в старину воевали тут? Как его ворогу отдали?

— Про то не могу, — честно признался Тимофей, — вот батя мой рассказал бы. А я не могу.

Отдыхать бы солдатам, ночь будет боевая. Они же толпятся у соймы, толкуют о Неве, об озере, о крепости.

Летят тучи над полями и долами.

Древняя земля Ладожская, Орешек — слава русская.

2. «ЗЕМЛЯ ОТЧИЧ И ДЕДИЧ»

«Ходили новгородцы с князем Юрием Даниловичем в Неву и поставили город на устье Невы, на Ореховом острове».

Такая запись сделана в летописи в 1323 году. Это год рождения Орешка.

Князь московский Юрий Данилович возвращался в то лето с новгородскими дружинами из похода на Выборг...

Появление крепости у истоков Невы было приметным событием в отечественной истории.

Здесь пролегал великий водный путь «из варяг в греки». Корабли, груженные товарами, из Варяжского моря выходили в Неву. Плыли по ней в Ладожское озеро, дальше по Волхову поднимались в озеро Ильмень, оттуда — в реку Ловать. Волоком тащили суда до верховьев Днепра. По Днепру спешили в Черное море, к Царьграду.

Водная дорога связывала север и юг, народы двух морей.

При том пути возрос и достиг могущества Новгород на Волхове — «Господин Великий Новгород». Существовал он издревле. Арабы называли его — Славия, скандинавы — Хольмгард, греки — Немогард.

Отважные новгородцы держали в своих руках едва ли не весь север России. Купцы и промысловый люд на утлых судах ватагами хаживали в Обонежье, и дальше — на Терский берег и на Двинскую землю, в Заволочье, богатое пушиной и рыбой. Повсюду жили данники Новгорода. Владения его простирались в Печору, Самоядь, Югру и, перевалив Урал, тянулись по низовьям Оби.

На землях, захваченных неисчислимо богатыми боярами и купцами, работали смерды. Они давали все, чем жил, торговал и славился город на Волхове: рожь и лен, меха и кожи, воск и мед.

С одного берега реки в быстрые воды смотрелись купола Софийского собора и башни обширного, хорошо укрепленного кремля — детинца. На другом берегу высились амбары и лавки торго со своими церквями. В именитейшей среди них — церкви Ивана на Опоках — хранились вощаные товары, безмены для меда, гири — взвешивать серебро, «иванский локоть» — мерять шелка,

Торговые дворы, в особенности Готский и Немецкий, своими глухими стенами и стражей в башнях напоминали скорее крепости. У причалов с кораблей выгружались фландрские и английские сукна, нидерландские полотна, шведская медь, богемское железо.

Здесь же, недалеко от торгового, висел над помостом вечевого колокола. По его звону собирались жители новгородские. Важно шествовали бояре и купцы, сбегались «черные люди», мастеровые с Плотницкого конца — щитники, серебряники, котельники.

У вечевого колокола решались городские дела, быть войне или миру, общим приговором скреплялись законы. Гордые новгородцы сами выбирали посадников и тысяцких, призывали либо прогоняли князей. Неудобному говорили с помоста на Ярославовом дворище: «Ты, княже, сам по себе, отъезжай, а мы промыслим себе другого князя».

Как реки питают озера, так древний водный путь питал могущество «Господина Великого Новгорода». То, что происходило на Волхове, на Ладожском озере, на Неве было делом кровным для города, который хотя и существовал с незапамятных времен, а все назывался новым.

На великом пути и столкнулась Русь с сильной Швецией. Уже в 1164 году скандинавы напали на город Ладогу. В 1240 году на Неве одержал знаменитую победу над шведами князь Александр Ярославич.

В 1300 году здесь же, на Неве, произошло очень важное событие, о котором летописец рассказывает:

«Придоша из заморья свеи в силе великие на Неву, приведоша из своей земли мастера, и из великого Рима от папы мастер приведоша нарочит, поставиша город над Невею, на усть Охты реки, и утвердиша твердостию несказанною... нарекоша его Венец земли».

Венец земли, или Ландскрона, — так называлась крепость, поставленная ради господства над Невею. В стародавние времена на этом месте был русский рыбацкий поселок. Новгородцы не медля большой ратью пришли на Неву. Они опустошили Ландскрону, оставили дымящиеся развалины.

Но теперь Новгород на знал покоя, пока не утвердил свой передовой пост на Неве. Это сделал князь Юрий, поставив крепость на острове Ореховом. Вначале кре-

пость выглядела просто — за земляными валами несколько хат.

Ждали нападения на остров. Но произошло неожиданное. Шведы заговорили о мире. Так в год основания крепости на Неве, 1323-й, был заключен первый в российской истории письменный мирный договор. Назывался он Ореховецким.

Князь Юрий с шведским королем Магнусом Эриксоном, или, как его именовали по-русски, Манушем Ориковичем, «заключили мир вечный и крест целовали». Определилась граница между двумя государствами. «А развод и межа: от моря река Сестрея, от Сестреимох, среди мха гора, оттоле Сая река, от Сае Солнечный камень, оттоле на Чермную щель...» Нева оставалась за Русью.

Открывался свободный путь кораблям: «Гости гостити без пакости из всей немецкой земли, из Любека, из Готского берега и Шведской земли по Неве и Новгород горою и водою... так же и нашему гостю чист путь за море...».

Подписавшие договор поклялись: «А кто изменит крестное целование, на того бог и святая богородица».

Но прошло немного времени, и шведы напали на Орешек, где дана была клятва. Так начались сражения за крепость у входа в Неву, не стихавшие веками.

Меж битвами Орешек строился. Взамен земляных валов возвели каменные стены. Снарядили костры — башни с бойницами. На острове менялись воеводы. Однажды ореховцы восстали против нерадивого Патрикия и, «созволив» вече, изгнали его.

Крепость часто горела и отстраивалась. Голод и мор, постигавшие Новгород, не миновали и Ореховец. Не раз шведы брали крепость и не раз бежали, возвращая ее русским. Битвы у ее стен всегда были упорными и кровавыми.

В 1478 году Новгород и с ним Орешек склонили голову перед набиравшей силу Москвой. А борьба со шведами продолжалась. В Ореховце прославились московские воеводы. Это они поднимали защитников острова против Якова Багге, который привел шведский флот в верховья Невы. Ореховцы мужественно выдержали осаду.

Когда же вражеские корабли — «бусы» — приблизились к крепости, дружина вышла из-за стен, приняла бой и погнала корабли. Одну «бусу» взяли в плен. Об этой победе ореховцев Иван Грозный писал: «Мы казнили шведов за то, что король сгрубил нам».

Шведы ждали терпеливо и неотступно. Они ждали, не качнется ли стрелка истории в их сторону. Не обнаружит ли Россия слабость. И нельзя ли будет тогда битву в верховье Невы решить одним ударом.

3. «КРАСНЫЕ СОСНЫ»

В незапамятные времена приневский край составлял Ижорскую землю, где жили племена — ижоры, водь.

Позже этот край образовал Водскую пятину Новгорода. В Водской пятине одним из самых важных при-судов, или уездов, был Ореховецкий: главный город Орешек и «присудные» ему, то есть приписанные судом и данью, селения на всем протяжении Невы от истока до взморья.

На самом берегу реки, ближе к Ладожскому озеру, есть место, которое зовется «Красные Сосны». Сосны там растут самые обыкновенные, стройные, с густыми кронами и шелушащейся коричневой корой. В народе сохранилось о них предание.

Деды рассказывали сыновьям и внукам, а те — своим сыновьям, что однажды на холме, склоны которого уходили в Неву, после похода лег отдохнуть полководец шведского войска. Пока он спал, над ним выросла сосна и пригвоздила его к земле. С великим трудом удалось освободиться от крепких корней. В страхе он бежал с берегов Невы. Он понял, что нельзя завоевать страну, где непокорны не только люди, но и деревья.

В невских притоках издавна местами виднеются полу-гнилые черные столбы. В окрестных болотах и лесах тянутся неизвестно где начинающиеся забытые дороги; на них рядами лежат почерневшие стволы и валежины. Пожалуй, никто уже не знает, когда сделаны те гати. Но жители ближних сел непременно скажут, что это «Понтусовы дороги», а о смоленых столбах скажут, что это остатки «Понтусова моста».

Кто же он, чье недоброе имя сохранилось в поколениях? Кто он, полководец, пригвожденный к земле, которую пришел завоевать? Горе и беды невского поморья, вероломство, предательство, жестокость, алчность, — все выражено в одном имени — Делагарди.

Понтус Делагарди не был шведом. Он был французом, фамилия его писалась «де ла Гарди». Позже, когда забылось его происхождение, забылось и французское написание фамилии. Он принадлежал к тем рыцарям, которые продавали свою шпагу.

Понтус Делагарди покинул отечество, чтобы служить Англии, потом Дании. К шведам он попал в плен в битве при Вардберге. И сразу согласился служить шведскому королю.

Полководец он был умелый. В короткое время Делагарди покорил многие города Ижорской земли, придвигаясь все ближе к Новгороду.

На пути завоевателя стал Орешек. Осенью 1581 года Делагарди осадил крепость. Он расставил лодки вплотную, борт к борту, от берега до острова. По ним послал войска на приступ. Шведы поднялись уже на стены, но ореховцы отбросили врага и погнали его с острова. Это было первое поражение полководца. Первая неудача, предвестие заката.

Началась распутица. Дороги стали непроходимыми. Шведам нечего было думать о покорении Новгорода. Они согласились на встречу и мирные переговоры с русскими. Во время этих переговоров случайно Делагарди утонул. Как писали в донесении, — «выволокли из воды Пунцу».

Но у Понтуса подрастал сын Яков. Тот был удачливей отца.

Наступило грозное для России «смутное» время. Возцарился ставленник Польши Лжедмитрий. Шведы, враждовавшие с Польшей, предложили Борису Годуну, а потом и Василию Шуйскому, войско. Легко ли было согласиться на помощь исконного врага? Но иного выхода не было.

Шведский король дал России три тысячи пеших солдат и две тысячи конных за большое жалованье и город Корелу на Ладожском озере. В наемном войске кроме шведов были французы, англичане, шотландцы. Командовал ими Яков Делагарди.

С самого начала среди наемников началось недовольство. Им не позволяли грабить освобожденные города. Не вовремя платили жалованье. В битве под Клушином большая часть этого войска перешла к полякам.

Яков Делагарди свиделся с шведским королем и убедил его, что пришла пора утвердиться на Неве. Он строит крепость на излучине Невы, там, где еще виднелись руины Ландскроны. Грабит русские корабли и города на Ладожском озере. Осаждает Орешек.

И в то же время ведет переговоры с русскими послами. Он предлагает посадить на российский престол шведского королевича. Швеция готова снова дать московитам войско. Но взамен требует под свою власть Орешек, Ям, Копорье.

Послы ответили: «Лучше умереть на своей земле, чем искать спасения таким путем».

Но спасения для приневских земель уже не было. В 1612 году, после тяжелой осады, армия Делагарди взяла Орешек. Именно тогда защитники крепости совершили бессмертный подвиг; они дрались, пока из всего гарнизона не остались два человека, да и те были изранены так, что не могли держать оружие.

Пали Ям, Копорье, Корела, многие русские города.

Мир, подписанный в 1617 году в деревне Столбово, на полпути между Тихвином и Ладогой, узаконил этот захват. Войска Делагарди дали Швеции то, к чему она давно стремилась, — безраздельное господство на Неве.

Орешек шведы переименовали в Нотебург. Весь край был отдан в собственность Якова Делагарди. Он получал доходы со всех пристаней, смоляных варниц, верфей, хмельников. На свой счет содержал гарнизон Нотебурга.

Небольшая крепость, заложенная Делагарди на месте Ландскроны, разрослась в крупный купеческий город Ниеншанц. Это была вторая твердыня шведов на Неве.

Богатели шведские купцы и воины. У коренных жителей Ижорской земли они отнимали надель. Требовали отказа от православия. Под властью иноземцев невозможно было добиться правды в судах.

Большинство русских не могло смириться с неволей, с запретом говорить на родном языке, с поруганием древних обычаев. Многие тайными тропами уходили

в Россию, переплывали речку Лаву, которая по Столбовскому договору обозначила шведский рубеж.

Девяносто лет — великий и конечный срок в человеческой жизни. Но ни земля, ни люди не покорились порабощению.

Борьба за приневский край была непримиримой, вековой. Здесь тучнели семьи завоевателей. Сначала — Делагарди. Потом на смену ему пришли другие помещики и рыцари. Шлиппенбахи. Пиперы. Они были еще жадней, еще беспощадней.

Но добрый свет надежды уже проблеснул над Невой. Ижорская земля ждала своего освобождения...

В числе первых воевод Орешка был Наримонт, порусски — Глеб, сын великого князя литовского Гедимина. Через сотни лет сюда же, к стенам старой крепости, пришел потомок этого рода, князь Михайла Голицын, командир Семеновского полка петровской гвардии.

Героем последних битв за Орешек, битв, в которых отвагой русских восхищались даже шведы, был воевода Семен Шереметев. Миновали десятилетия — и к истоку Невы привел русскую армию его правнук, фельдмаршал Борис Шереметев.

Решался вековой спор.

Народное сказание о «Красных Соснах» сбывалось по-новому. Россия готовилась пригвоздить врага к захваченной им земле.

4. «КРотовья ВОЙНА»

Ночным переходом войска продвинулись по левому берегу Невы, до невысокой горы, которую называли Преображенской.

Голицын со своими семеновцами шел по кромке берега. Михайла Михайлович распорядился выставить у самой воды кордоны. Гонцы, посылаемые из Нотебурга, исчезали сразу, как только высаживались на берег.

Дорог каждый час, когда еще можно скрыть от врага грозящую ему опасность. Командант Нотебурга Густав Шлиппенбах, брат Эрика Шлиппенбаха, разбитого под Эрестфером, знал о приближении русских войск.

Первую тревожную весть он получил от пограничной стражи на Лаве и дал знать о том в Корелу и Нарву. Он ждал помощи. Но ему казалось, что главные силы русских еще далеко. Появившиеся подвижные отряды счел авангардом.

Шлиппенбах готовил крепость к бою, но так, как это делают, когда противник еще далеко. Дорого же заплатил за свою ошибку шведский полковник.

Русские действовали с неожиданной быстротой. Прежде чем Шлиппенбах мог опомниться, они оказались рядом. Осадный корпус развернулся фронтом к крепости. Ставка фельдмаршала находилась позади линии войск, в «Красных Соснах».

Всю ночь с 26 на 27 сентября в шатре с откинутым пологом горели свечи. Здесь допрашивали захваченных гонцов из крепости. Определялись позиции каждого полка и каждой пушкарской команды.

Полуполковник Голицын рано утром возвращался из шереметевской ставки. Он думал о сражении, которое, собственно, уже началось.

Михайла Михайлович был сторонником полевой войны. Когда в поле встречаются две армии, есть где разгуляться. Полк с полком столкнутся грудь к груди, и тут уж победа за тем, кто осилит в честном, прямом поединке.

Зато уж в осадном, крепостном бою все спутано, ни в чем не разберешься, все навыворот. Тут сметливый может одержать верх над смелым. И побеждает далеко не всегда тот, у кого больше солдат.

Битва у стен крепости неизменно напоминала Голицыну схватку человека в панцире с человеком в простом домотканом кафтане. Один подставляет под удар грудь, закованную в железо, другой — живое, незащищенное тело. Те, кто в крепости, прикрыты каменными стенами. У тех, кто идет на приступ, одна защита — беззаветная смелость. Здесь стремительность воюет с упорством. Михайла Михайлович называл все это «кротовьей войной».

Да что толку думать о том, что уже определено самим ходом времени и что изменить не можешь. Для Голицына это было не первое сражение. Он казался спокойным,

Полуполковник был очень молод. Его радовала свежесть утра, и то, что старый брюзга Шереметев на сей раз без спора поставил семеновцев в первую линию, и сознание, что он, князь Михайла, идет к своему полку, где все будет сделано в точности, как он прикажет: на приступ — так на приступ, норы рыть — так норы рыть!

В полку Голицын застал переполох. Вызван он был прибытием окольного Ивана Меньшого Оглоблина.

Солдаты обступили рыдван, любопытствуя, как добралось сюда это чудовище и сколько же лошадей тащили его по ухабам.

Оглоблинская челядь отгоняла бесцеремонных солдат. Но те все же успели разглядеть и пуховики, и погребцы с домашними яствами и вином. Посмеивались, спрашивали, куда собрался боярин, на войну или на свадьбу?

Началась уже драка между оглоблинскими «казаками» — им было лет по тридцать — и гвардейцами, которые норовили пощупать пуховые перины.

В это время появился Голицын и разогнал озорников. Он подошел, скрипя широкими раструбами ботфорт-ов. Резко повернулся, услышав бабий, дрожащий голос.

Рядом, на пне, покрытом ковром, сидел окольный. Его толстые щеки побагровели и так обвисли, что касались ворота дорожного полукафтана, расшитого жемчугом. Совсем необычным для него тонким голосом он жалобно стонал, растирая спину и поясницу:

— Господи, за что такая мука? Всего разломило, каждая косточка гудет.

Меньшой Оглоблин не понимал, что происходит вокруг. Чего гогочет это мужичье, без страха, без должного почтения к роду и знатности?

Ведь так ездил к войску покойный отец, верный государев слуга, первейший у трона. Так и он приехал — иначе немисливо. Кого бы тут порасспросить? Хоть словом перекинуться с кем-нибудь... Здесь не сразу отличишь генерала от ратника. Все в коротких мундирах, все с выбритыми подбородками, чуть не все — усачи.

Вдруг увидел грязные, заляпанные глиной сапожищи, топающие напрямик к нему. Отшатнулся, поднял глаза и узнал Голицына. Обрадовался, как родному:

— Князь Михайла, что делается? Или уж свету конец?

Мокрыми губами чмокнул Голицына в жесткую, плохо выбритую щеку. Тот не отвечал, щурил зоркие глаза под высокими, густыми бровями.

Меньшой Оглоблин встал и, важно поклонясь, протянул полуполковнику бумагу:

— Прими, князь, государев рескрипт.

«Рескрипт» представлял собою неровно оборванный кусок серой, толстой бумаги.

Этот обрывок еще ночью Петр вручил окольному. Оглоблин разыскал царя у пушки, которая никак не становилась на бревенчатый настил. Царь ругался черными словами и, не понимая, пучил глаза на рыхлого толстяка.

— Пошел ты отсюда! — рявкнул и снова занялся пушкой.

Но так как толстяк не уходил, молитвенно лепетал непонятное, Петр поманил его пальцем, нагнув голову, выслушал. Вспомнил. Понимающе хмыкнул. С треском разорвал бумажный пороховой картуз и, примостив обрывок на спине подскочившего пушкаря, размашисто написал две строки.

Полуполковник Голицын читал эти пляшущие короткие строки и хохотал так заливисто, что засмеялись и стоящие рядом, еще не зная, в чем дело. Даже у Оглоблина расплзлись в улыбке губы.

Улыбаться ему как раз не следовало. «Рескрипт» был беспримерно короток: «Окольного и его холопей — в солдаты. Знатность — по годности считать».

Спустя минуту Голицын уже не думал ни об окольном, ни о его странной судьбе.

— Ребята! — крикнул он семеновцам. — Начинаем шанцы делать. Бери лопаты!

Рыть землю — дело свичное мужицким рукам. Родион Крутов и Ждан Чернов работали с радостью. Пусть хоть и не под посев, и не сошкой, а боевым железом, все ж хорошо поднять землю.

Голицын показал, где рыть шанцы, где кетели. Ходы ложились все глубже в грунт, ветвились, незримо близились к крепости. Но из Нотебурга не могли видеть этот спорый и грозный труд. Его прикрывал густой лес. Местами деревья начали валить и делать из них срубы,

Полуполковник за этим не следил. «Кротовья» работа казалась ему карой божьей. К нему подошел незнакомый прежде новик, назвал себя Жданом и спросил:

— Дозволь, князь, слово молвить?

— Валяй, — повернулся Голицын к рыжему солдату с пронзительно смелыми глазами.

Ждан бойко сказал, что он высмотрел, где лес подходит вплотную к Неве. Там шанцы надо вывести на самый берег. Потом, когда все будет сделано, можно срубить лес.

— Толково, — согласился полуполковник, — тебе же и работать на берегу. Но от пули хоронись. Шведы меткие стрелки.

Самый трудный шанец делал Ждан Чернов со своими земляками, оглоблинцами. Чем ближе к берегу, тем опасливей работали. В прокопанной скользкой щели стояли на коленях. Землю выбрасывать было нельзя — блеск лопат выдаст.

Ждан и Родион, плечом к плечу, пробивались первыми, землю откидывали без размаха стоящим позади, а те следующим, и так до конца хода. Здесь же впервые в жизни, поистине в поте лица, трудился Меньшой Оглоблин.

Так как во всем полку не нашлось солдатских штанов по его брюху, он остался в своих шароварах и боярском полукафтани, только опоясался веревкой, чтобы полы не разлетались. Он добросовестно набивал мешки землей и оттаскивал их в лес. Прислонится к дереву отдышаться, но тут же пугливо оглянется и побежит опять к шанцам. Над обидой, над поруганной гордостью — злая мысль: «Ослушаешься — голова с плеч». Характером государь крутенок...

Пришлось бы Оглоблину совсем худо. Но пожалели свои же крепостные. Не сговариваясь, они поставили его там, где было полегче. Все же бывший окольный не мог справиться. Земля скапливалась высоким бугром. Тогда подходил Родя. Безмолвно отстранял его и, взвалив на спину мешок, уносил. Возвращался за другим.

То ли опасность выстрожила людей, то ли времени было в обрез, никто из оглоблинцев не трунил, не издевался над боярином. Разве только иной изумленно

посмотрит, как он мечется, размазывая по лицу пот, и протянет с недоумением:

— Экая неумель. Животину небось порастрясешь...

Окольный не отвечал. Он принимал все это, как дурной сон, как казнь, и покорствовал ей.

В конце дня оглоблинцы работали на самом берегу. Ждан поплевал на ладони и повел шанец глубже, чтобы тут, на виду у врага, надежней укрыться в земле.

От Невы тянуло холодом. Ждан то и дело высывался взглянуть на речную ширь. Он первый и заметил, что из озера вошли в Неву два корабля и поплыли вдоль берега.

Работы прекратились. Солдаты во все глаза смотрели на корабли с незнакомыми темными парусами на косых реях. На берег прибежал Голицын, с ним — офицеры. Толпились, вытягивали шеи. Бледнея, как всегда перед боем, князь сказал:

— Господа шведы пожаловали для досмотра, кто к ним в соседство пришел... А ну, мушкатерию сюда!

Корабли проплывали близко; видна была беготня матросов на палубе. Слышно, как упали бортовые люки. Ядро раскатисто прогудело в воздухе и переломило сосну. Сразу задымились, затрещали мушкеты на берегу.

Ждан стрелял, будто делал обыкновенную работу, неторопливо, на совесть. Аккуратно выбирал цель на палубе, старался свалить ее с первого выстрела. Досадовал, что весь берег затянуло дымом и стало труднее смотреть перед собой. На хлестко шлепающие в землю ядра старался не слишком обращать внимание.

Чернов услышал громкий, насмешливый голос полковника:

— Не трусь, рыжий! Иное ядро, что свинья, любит землю рыть.

— Некогда мне трусить-то, — ответил новик, — мне бы вот того черта добыть.

Выстрелил в показавшуюся за дымом судовую корму, в стоявшего на ней сизолицего раскоряку. Промахнулся.

— Плечо небось болит? — уже без насмешки, сочувственно спросил Михайла Михайлович.

— Саднит, сил нет, — признался Чернов.

Плечо распухло, чуть не вывороченное из суставов отдачей мушкета.

— Сначала всегда так,— ободрил Голицын,— ну, с первым тебя боем, рыжий!

На берегу кричали весело и яростно. Несколько человек по пояс вошли в воду, потрясая над головой оружием. Шведские корабли грузно разворачивались и уходили.

Теперь Ждан мог оглянуться на земляков. Он не узнал их. У всех черные от пороха лица, лишь зубы блестят. Меньшой Оглоблин с остановившимися глазами дышал раскрытым ртом, как рыба, выброшенная на сушу.

Ждан выпрямился и тем же голосом, каким сейчас разговаривал с ним Голицын, чуть насмешливо и дружелюбно поздравил товарищей:

— С первым боем, братцы!

Помедлив, добавил тихо, словно раздумывая, про себя:

— Ничего, и швед под пулей падает...

В воздухе сильно пахло гарью. Полуполковник Голицын в своей палатке писал донесение фельдмаршалу о первой стычке с врагом. Писал, как должно, почтительно, все же с легким озорством:

«Противник раковый ход восприял».

Отнести бумагу в ставку велено было Чернову. На посыл всегда гоняли новиков. Ждану это на руку. Ему во что бы то ни стало надо повидать Бухвостова.

В первый день, когда в полку внезапно появился Меньшой Оглоблин, на него наткнулся Васек Крутов. Правда, бывший окольный не признал в Васкё Васену. Но на всякий случай барабанщика, как малолетку, хорошо бы отослать в полковой обоз к княжеским поварихам.

Обо всем этом нужно было поскорей посоветоваться с Сергеем Леонтьевичем.

5. «ПЕРВЫЙ РОССИЙСКИЙ СОЛДАТ»

Бухвостов почти постоянно находился при Петре. Отлучался лишь по его приказу. Во всех сражениях был рядом. При дворе неразговорчивого сержанта называли «собственным государевым стрелком».

Его недолюбливали за крайнюю незнатность рода. Отец Бухвостова был дворцовым конюшим, и сам он пребывал в той же должности с пятнадцати лет.

Чванливые вельможи трудно мирились с присутствием «худородного». До сих пор с сочувствием, прикрывавшим злобу, ему поминали унижительную челобитную конюшат, как писалось в той челобитной: «Живем мы, холопи, у государских лошадей, жилые и гулящие месяцы безпеременно, платышком ободрались и сапоженки обносились... Царь-государь, смилуйся!» — и как «другим не в образец» выдали конюшатам «по портищу сукна амбурского».

Быть бы ему тем довольным, радоваться бы. Так нет, залетела ворона во дворец. Царь без него — ни шагу. Почему? Зачем?

«Собственный государев стрелок» чаще всего молчит, сжав тонкие губы. О чем молчит?

Близость Бухвостова к государю началась с события, казалось бы, малозначительного.

Зимой 1683 года к десятилетнему Петру пришел широкоплечий, могучего сложения детина. Поклонился до земли и степенно сказал, что «самохотно» просит записать его в «потешные солдаты».

Тогда в селе Преображенском и соседнем — Семеновском — Петр затевал невиданные игрища со своими «потешными». Он забросил листки-картинки, разрисованные веницейской ярью, позабыл о луках-недомерочках с яблоневыми стрелами, простился с маленькой своей кареткой — четыре крохотных лошади в упряжи, четыре карлика на запятках. Все игрушки — в сторону. Вместо них — походы, штурм земляных городков, драки до крови.

Немногие понимали, что в той игре — начало нового войска.

Сотоварищами Петра были его однолетки, боярские дети. А тут просится в «потешные» настоящий взрослый молодец. Петр недоверчиво, исподлобья смотрел на парня, — не шутить ли осмелился? Бухвостов же — это был он — видел перед собой царя-мальчишку, долговязого и тощего, одно плечо выше другого, на длинных руках с черными ногтями — синяки, на коротком, ширококрылом носу — царапина.

Кажется, они понравились друг другу. С тех пор

Петр не расставался с Бухвостовым, дав ему необычное звание — «первый российский солдат». Мальчишка-царь кликал думных бояр и князей Гришками, Алешками, Митьками. Вчерашнего конюшонка — только так: Леонтьич.

Бухвостову ведомо было о молодом государе то, что от иных было скрыто. Он спал с царем в одной палатке, хлебал щи из одной миски. Если, случалось, в походе Петра продует, шею на сторону своротит, не вздохнуть, — лекарям ни слова. Леонтьич грел для него кирпичи, прикладывал их вместе с горячими отрубями к больному месту, в бане на высоком полке нещадно хлестал жаркими вениками. Домашние средства помогали. Утром Петр уже носился по полям, командовал гусиным, хриплым голосом.

У Бухвостова хранились за пазухой и тетрадки Петра. Набегается он досыта, растянется на траве, уткнет округлившиеся глаза в неровные, как худой солдатский ряд, строки, от старания язык высунет, твердит буквицы и цифирь.

По тем листкам, на досуге, и Сергей Леонтьевич понемногу учился. Арифметике:

«Буде хочеш розныя сметы сколько нибудь вместе сложить, что их будет и ты стафь хоть 1000, хоть 100, хоть 10, и оп том не думай, хоть многое число наперед, хоть малое, только чтобы правая сторона была равна, а в выкатке стафь те слова, которыя сверж десятку...»

Или артиллерии:

«Когда стрелять, отведасть перва так: сколько положишь пороху записать, так же на скольких градусах мортир поставить записать же, потом смерять сколько далече бомба пала...»

От тех ребяческих листков, порванных, захватанных грязными руками, исписанных неразборчивыми каракульками, и началась у Петра жадность к пониманию, к науке. Тогда в кремлевском «верху» всякое учение почиталось делом зазорным, не боярским, не царским.

При Бухвостове, бывало, Петр отпрашивался у матери, Натальи Кирилловны, на богомолье в Переяславский монастырь. Но сворачивал к озеру и там до кровавых мозолей тесал доски, рубил бревна, слаживал первые свои корабли. Топор в царских руках — виданное ли дело!

Когда стала известной причина частых отлучек на озеро, не таился. Пропадал там месяцами. Отдельвался от материнских забот коротенькой цидулкой, посланной с Леонтьичем:

«В Москве я быть готов, только гей-гей дела есть, и то присланной известит явнее».

Бухвостову всегда казалось, что Петр далек от матери, от ее тихих теремов, неусыпных забот и тревог. Но когда Наталья Кирилловна умерла, Петр три дня не выходил из покоев. Один лишь Сергей Леонтьевич видел его тоску и слезы.

Оплакивал мать уже не мальчишка, а великий государь, безудержный в своих страстях, жестокий и беспощадный на пути к цели.

Люди, близкие к царю, никогда не забывали о своей выгоде. Его денщики становились генералами и сенаторами. Бухвостов же не выходил из солдатского звания.

Как-то незаметно для себя он утратил право на жизнь, отдельную от Петра. Стал и в самом деле его «тенью», привычной до неприметности.

Петр бывал сватом и кумом на свадьбах и крестинах почти у всех своих гвардейцев. Но когда Сергею Леонтьевичу приглянулась девица такого же, как он сам, незнатного рода и он заговорил о женитьбе, Петр уставился на него, словно впервые увидел.

— Помилуй, что это тебе в голову взбрело? — спросил с гневом. — Нам в Воронеж ехать, а ты жениться надумал.

Потом надо было спешить в Псков. Потом — в Архангельск. Затем как-то случилось, что девицу просватали за другого. Над неудачной женитьбой Бухвостова долго шутили на пирушках. Прошло время, и шутки позабылись. Самому Сергею Леонтьевичу тоже стала казаться странной мысль, что он может жить своим домом.

Так остался он бессемейным. С судьбой своей примирился. В самом деле, когда солдату о семье думать?

Но встреча с Васеной все всколыхнула, и «первому российскому солдату» впору было завывать от тоски. Конечно же, у него могла быть такая дочь. Ее сиротская участь трогала и волновала. Хотелось защитить этого ребенка, заслонить от всех бед. Никому не рассказывал,

какие думы будила в нем ясноглазая девочка, переодетая пареньком.

Оглоблинцы давно поняли, что сержант Бухвостов — их первый союзник в задуманном укрытии «беглой крепостной девки».

С той минуты, как началась перестрелка на невском берегу, сержант на находил себе места. Человек, по своему ремеслу привычный к ядрам, пулям и смертям, он теперь вздрагивал, услышав зловещий посвист. Ему все казалось, что каждое ядро летит в Васену. Он, наверно, сам побежал бы в полк, но увидел Ждана Чернова.

Ждан хитрил. Подробно рассказывал о выкопанных, но не вполне законченных шанцах, о своем разговоре с Голицыным, о том, как шведские корабли удирали от мушкетного огня.

Сергею Леонтьевичу почудилось, — Ждан умышленно мелет обо всем подряд, чтобы не сказать о страшном.

— С Васенкой что случилось? Говори!

Чернов прикрыл ладонью невольную улыбку. Подумал: «Хватит мудрить, сержант. За девчонку тревожишься не меньше нас». Уже без лукавства сообщил об опасной встрече Васены с Оглоблиным.

Что ж, пока и голицынский обоз для нее подходящее место.

Но Сергей Леонтьевич твердо решил, что при первом случае сам отвезет девчонку в Ладогу, приищет старуху-бобылку, умолит ее приютить Васену.

Ждан Чернов ушел. Снова, снова горькие мысли об одиночестве. Только то и хорошо, что одному помирать легче. Никто над тобой слез не прольет.

6. ВОЕННЫЙ СОВЕТ

Надо было торопиться. Несомненно, шведы готовились к битве. Промедление могло дорого стоить.

В «Красных Соснах» собрался военный совет. Главное — закрыть врагу все пути для «сикурса», для подмоги. На Ладожском озере — наша довольно большая флотилия. Зато со стороны Невы, от Ниеншанца, корабельной защиты нет.

Значит, часть нашего флота надо переправить с озера в Неву, ниже крепости. Тогда Нотебург окажется зажатым в клещи. Но как это сделать?

О том и спорили в «Красных Соснах». Петр, по своему званию бомбардирского капитана, молчал. Он курил, наполняя шатер едким табачным дымом.

Старшим на совете был Шереметев. Полководец смелый, даже отважный, когда войско лавиной идет на противника, Борис Петрович заметно терялся, едва лишь бой принимал непривычный, «неправильный» ход. Так было и сейчас. Фельдмаршал зябко кутался в плащ, поглядывал с недовольством на собравшихся в шатре и время от времени напоминал дребезжащим старческим голосом:

— Прошу ваше мнение, господа военный совет!

«Господа военный совет» представляли собой картину занятную. Поближе к Шереметеву на раскладных стульях сидели генералы, командиры полков. Некоторые были одеты просто, по-походному, другие — в мундирах, расшитых золотом по обшлагам и на груди. В отдалении же, у входа, затянутого полотнищем, толпились военные в небольших чинах и простые люди, знатцы, которые могли понадобиться на совете.

Среди них выделялись двое: Михайла Щепотев — высоким ростом и веселой независимостью, сквозившей в посадке гордой головы, даже в том, как он курил, пуская дым через плечо, и Тимофей Окулов — красным смышленным лицом и босыми ногами с закатанными до колен штанинами.

Генералы косились на эту компанию, обменивались негромкими замечаниями.

Сложность положения не нарушала степенности совета. Генералы превосходно знали, что в таких случаях безвыходность решалась лихим наскоком, удачным ударом, в котором сгорали сотни или тысячи жизней. И фельдмаршал понимал, что ничего другого придумать не удастся: ладьи выйдут из озера в протоку и через нее в Неву. Для этого надо будет пробиться через огонь, который шведы, конечно, откроют из крепости.

Борис Петрович, прищурясь, глянул поверх голов. — Тимофей, поди сюда.

Окулов подошел, смущенный тем, что приходится босыми ногами ступать по ковру, брошенному на землю. Поклонился, руками взялся за опояску.

— Какой протокой надобно идти? — спросил Шереметев.

— Правой, — коротко ответил ладожанин, — она глубже.

— От башен нотебургских судам далеко ль держаться?

— Недалеко, Борис Петрович, — вздохнул Окулов, — так недалеко, что местами — совсем вплотную. Протока узка, мелей много.

— Пройти можно?

Тимофей молчал. Шереметев повторил вопрос:

— Пройти можно?

В шатре тишина. В свечах вокруг фитилей трещит воск.

— Отчего ж не пройти, — не поднимая головы, сказал, наконец, Окулов.

Фельдмаршал задумался, крепко растирая ладонью морщинистые щеки. В упор посмотрел на Тимофея:

— Тебе ведомо, сколько пушек у шведов в башнях. Много ли судов при той атаке потопить могут?

— Половина прорвется — считай, счастливая звезда нам светит.

— Ты сам поведешь ли первую ладью?

Тимофей выпрямился, и в эту минуту никто не смотрел на его по-рыбацки босые, грязноватые ноги.

— Пойду кормчим, — твердо произнес ладожанин и потрянул русыми волосами.

— Ступай, — отпустил его Шереметев.

Генералы беседовали тихо. Они явно склонялись к прорыву через протоку. Велика жертва. Но и Неву незакрытой оставлять нельзя.

В эту минуту над едва слышным, почтительным говором дерзко и громче, чем надо бы в тесной палатке, прозвенели слова:

— Флот можно провести в Неву, не потеряв ни единого судна!

Все повернулись на голос. Слова эти были сказаны Щепотевым. Он, улыбаясь, смотрел на обращенные к нему лица. Из чубука, отнесенного от губ, вилась легкая струйка дыма. Сержант поклонился Петру:

— Господин капитан бомбардирский знает, что корабли не только по воде, но и по суше ходят.

Петр дернул головой. Шагнул к Щепотеву.

— Разве что на архангельский манер? Волоком?

— Прошли же мы этак от Белого моря до Онеги, — сказал сержант, все еще улыбаясь.

Улыбка его была такая открытая и душевная, что верилось, — человеку этому должно все удаваться. Капитан бомбардирский все же заметил:

— Не забывай, Михайла, тут неприятель поблизости. Волоком-то волоком, да огонек рядом...

Петр посмотрел вверх. Макушка шатра была откинута, чтобы дать выход табачному дыму. Сквозь проем виднелись звезды. Капитан бомбардирский тихо сказал:

— Добро.

Кивнул Шереметеву и, отбросив парусину, вышел на берег Невы. Река катила тугие, посеребренные луной волны.

«Господа военный совет», негромко переговариваясь, шли от «Красных Сосен» к полкам...

В ближайшую ночь началась передвижка флота. Сержант Щепотев накануне днем подбирал команды к ладьям — самых крепких, сильных и смелых солдат. Показывал им, как тесать бревна — катыши.

Весь предстоящий путь выровняли и слегка углубили. Пролегал он в низинке, не видной со стороны крепости.

К вечеру в озерной бухте, глубоко врезанной в материк, первые суда были поставлены на катки. Тимофей Окулов подошел к Щепотеву:

— Михайла Иваныч, возьми меня в свою команду. Подсобить хочу.

— Становись к головной, — согласился Щепотев и махнул рукой солдатам: — Двигай!

Никто не произнес больше ни слова. Слышно лишь, как кругляши скрипят, мочалются под тяжестью, да сотни людей от натуги дышат трудно.

Окулов шел в лямке при первой ладье. Он изо всех сил упирался ногами, руками же едва не касался земли.

Когда впереди проблеснула Нева, Тимофей горстью смахнул со лба пот. Ладья с берега шлепнулась о воду, зарылась в нее носом, выровнялась, легко поплыла. Из темноты уже надвигался второй крутобокий корпус,

Суда тянули одно за другим, со всею оснасткой. На них можно было, не теряя ни минуты, плыть, куда надобно, воевать.

Щепотев замыкал это ночное шествие. Перед рассветом, встретясь с Окуловым, на радостях стукнул его по плечу так, что тот пригнулся:

— Правду говорят — храбрым бог помогает.

Из крепости по судам не было сделано ни единого выстрела. Шведы не знали о «Государевой дороге», протянувшейся от Архангельска до окутанного осенними туманами озерного края. Ничего не могли они знать и о том, что та дорога отважно продолжена у самых стен Нотебурга.

Тимофей Окулов медленно и громко, чтобы слышали стоящие рядом, сказал сержанту:

— Разумом своим, Михайла Иваныч, спас ты сегодня много солдатских душ. Да и мою тоже. Спасибо тебе.

На это Щепотев ничего не ответил.

— Ты смотри, — промолвил он, — смотри!

По Неве, розовато освещенной первыми лучами солнца, плыл флот в пятьдесят вымпелов.

Видели это и шведы с нотебургских стен. Белое облачко взлетело над островом. Ядро, дымясь и разбрызгивая воду, упало среди ладей. Запоздалый выстрел не причинил вреда. Флот отошел за излучину.

Над одной из башен крепости появился флаг с короной. Шведы вывесили королевский штандарт в знак осады и призыва на помощь. Бело-голубое полотнище расстиралось по ветру.

7. ВСТРЕЧА СО СМЕРТЬЮ

«Кротовья война» продолжалась с прежним упорством. Но теперь то и дело ядра, посланные из крепости, рвались среди работающих. Слышались стоны. Раненых и убитых относили поодаль.

На берегу Невы, против крепости, был врыт в землю целый городок. Скрещивались подземные ходы. Неприятные со стороны, широкой полосой раскинулись укрепления.

Ходы начинались на опушке леса, в 650 саженях от Нотебурга. Глубокими зигзагами они вели к реке, расходясь здесь двумя ветвями, в общей сложности на полверсты.

На выдвинутом вперед мыске — мортирная батарея, которой командовал Петр. Рядом — другой редут, на котором также виднелись пушки с задранными в небо стволами.

Некоторые из них вели ответный огонь. Другие еще только ставились на выровненные площадки.

Солдаты работали, не замечая грохота летящих ядер. Ждану Чернову приходилось трудно. Стоя по пояс в земле, он наотмашь кидал лопатой вязкую глину. Когда Ждан уставал, его сменял Родион Крутов.

Они прокладывали ход к шанцу, где возились со своими громоздкими детищами пушкарки. Родион и Ждан рыли землю близко от шанца и ясно слышали громкий говор.

Новики — после того, как они повидали врага, походили под огнем, их так называли изредка, — с последними взмахами лопат ввалились к пушкарям. Не успели осмотреться, слышат: в только что прорытом ходу кто-то ругается, человек, пригнувшись, спешит. По черному плащу с разлетающимися полами узнали Голицына.

Михайла Михайлович выпрямился, крикнул пушкарям:

— Видали, как ядра летят? Откуда шведы стреляют, не пойму.

Пушкарки ответили вразнобой:

— О том и спорим.

— Стреляют-то, вроде, вовсе не из крепости.

— Зря глотки дерете, — прикрикнул полуполковник, — давно бы уж надо посмотреть, откуда бьют.

Огляделся и полез на огромный вяз — его толстый окаменелый ствол не поддавался топорам. Одинокое дерево высилось среди поваленных сородичей, разбросавших по земле еще не увядшие ветви. Редут тылом упирался в этот вяз. Его корни дыбили землю под орудийными лафетами.

Голицын забрался невысоко, не удержался, заскользил по стволу вниз. Лизнул языком ссадины на ладонях, зло глянул на хохотавших пушкарей, на Ждана и Родиона, смеявшихся вместе со всеми.

— Чего гогочешь, рыжий? — Михайла Михайлович повернулся к Ждану.

— Не княжеская сноровка — по деревьям лазать, — ответил Чернов и дернул за рукав немого земляка, — подсади-ка, Родя!

Ждан вскочил на плечи товарища, ухватился за сук, ловко перекинул свое сильное тело с ветки на ветку. С высоты крикнул завистливо следившему за ним Голицыну:

— Чего надо смотреть-то?

— Гляди, где дымки родятся! — велел полуполковник.

Шведы стреляли нечасто. Чернов аккуратно сообщал:

— От средней башни! От правой!

Залез он на самую крону. Неловко было сидеть на прогибающихся ветвях.

— Слезать, что ли? — спросил он Голицына, убедясь, что враг больше не стреляет.

Михайла Михайлович все это время не отходил ни на шаг.

— Гляди хорошенько, — требовал он.

— Да есть уж больно хочется, — пожаловался Ждан.

Родя закинул ему на дерево краюху хлеба. Как раз в это время гроыхнуло, и Чернов закричал сверху:

— С нового места стреляют. Похоже — из-за острова!

Опять гроыхнуло. Чернов крикнул уверенно:

— Точно! Из-за острова!

— Теперь слезай! — разрешил Голицын.

Зашуршала по-осеннему пестрая листва, затрещали ветки. К подножию вяза скатился Ждан с краюхой в зубах. Не было времени доестъ ее.

Полуполковник озабоченно разговаривал с бомбардирами. Несомненно, у шведов сильные батареи не только на острове, но и за его пределами, на правом берегу. Их заслоняла всем своим массивом крепость.

Чернов спешил к Голицыну рассказать о том, что видел с вершины вяза. Но до редута не дошел. Прозвенел хлесткий, как удар бича, свист. Ждан услышал крик полуполковника:

— Ложись! Все — ложись!

Земля под ногами Чернова странно вспучилась и поползла в сторону. Больше он ничего не помнил...

Полковой обоз размещался в березовой роще. Лошади были выпряжены. Телеги стояли с поднятыми оглоблями.

Васена, увидев брата, побежала навстречу. Лишь вблизи заметила, что Родион несет на руках безжизненное тело солдата. Очень трудно было пройти эти шаги, отделявшие ее от Родиона.

Он поправил затекшие от тяжести руки, голова солдата мотнулась, и Васена узнала Ждана. Лицо его стало каким-то чужим, бледное, с закатившимися белками глаз.

— Сюда, сюда! — крикнула брату и показала на телегу, до половины набитую сеном.

Васена ни о чем не расспрашивала Родиона. Его разорванный, заброшенный землею мундир, одичалые, странно косившие глаза яснее всяких слов говорили о том, что сейчас на Неве солдаты повстречались со смертью.

Казалось, в одну эту минуту Васена выросла, стала старше, строговато-серьезной. Она сбросила с себя суконный, военного покроя кафтан, подсунула Ждану под голову. Расстегнула пуговицы его мундира, припала ухом к груди. Дышит ли? Бьется ли сердце?..

Вот уж который день девушка была на войне. Но облик смерти оставался неведом ей. Васена была так молода, что опасность казалась невозможной, неестественной и для нее самой, и для близких людей.

Издали она слышала, как воют летящие ядра, как стреляют мушкеты. Но просто не думалось, что в эти минуты обрывается чья-то жизнь.

И вот перед нею — неизвестно, живой ли, убитый ли Ждан, Жданушка, который умел так хорошо петь деревенские песни и плясать. На теле его не было ран. Но все оно холодное, жалостно беспомощное.

Васена с трудом уловила слабое биение сердца. Встрепенулась, будто сама ожила. Кому-то крикнула, чтобы принесли горячей воды. Принялась растирать Ждана, кипятить травяной взвар в котелке.

Она действовала решительно, уверенно. Никто не мог бы объяснить, почему именно нужна горячая вода и какое зелье замешивает она над огнем. Но все, кто был поблизости, спешили делать, как она велит, и все верили — от этого зависит жизнь человека.

Бережно и так умело, что можно было только дивиться, девушка приподняла голову солдата, влила несколько горячих капель в запекшиеся губы.

Ждан открыл мутные глаза. Увидел Васену. У него по-ребячески задрожал подбородок. Он опять закрыл глаза. Грудь его ровно поднималась и опускалась.

— Спит, — прошептала Васена, точно невеста какое чудо происходило у нее на глазах.

И снова она почувствовала себя маленькой, слабой девчонкой, разревелась, причитывая. То, что она была одета в мужскую солдатскую одежду, ничуть не мешало ей плакать. С первого дня в полковом обозе княжеские стряпухи поняли, что маленький барабанщик вовсе не мальчишка. Девушка без утайки все рассказала этим незнакомым женщинам. Они очень горевали над ее несчастной судьбой. Посочувствовали, ласково приветили...

Васена не успела успокоиться, как вдруг услышала:

— Барабанщик Василь Крутов! На войне слезы лить не положено.

Она узнала притворно сердитый голос сержанта Бухвостова.

— Дядь Сергей! — и прикоснулась щекой к жесткому царапающему шерстяному рукаву.

Неумело и стыдась глядевших на него людей, сержант пригладил коротко остриженные белые волосики.

— Ну, чего ты? Ждана ведь не убило, только оглушило ядром, всего и делов. Через день-другой на ноги поднимется.

Васена кулачишками вытерла глаза. Но стоило узнать, что Сергей Леонтьевич пришел за нею, чтобы отвезти в Ладогу, разревелась снова.

— Нет, нет, — твердила она.

Так как Бухвостов молчал, она, всхлипывая, повторяла:

— Куда мне ехать? Зачем? Зачем?

Двуконная повозка въехала в рошу, остановилась у того места, где лежал Ждан.

— Собирайся быстрее, — стараясь не глядеть в серые, заплаканные глаза девушки, сказал сержант.

Она перестала плакать.

— Что собирать? У меня ничего нет.

Подошла к Родиону. Поцеловала его. Подошла к спящему Ждану. Подумала. И его поцеловала,

Сергей Леонтьевич укутал Васену в армяк с высоким воротом. Посадил ее рядом с собою, под меховую полость.

Подбежала одна из стряпух, низенькая, дородная. Она сунула в руки Васены узелок. В нем был ржаной калач. Девушка безучастно взяла узелок. Стряпуха дрожащей рукой погладила ее опущенную голову.

Лошади рванули с места и помчались по дороге к Ладоге.

— Перестань хныкать, — сказал сержант, — и без того тошно.

Васена не ответила.

8. НА ПРАВОМ БЕРЕГУ

Весь следующий день прошел так тихо, что, казалось, война ушла с Невы. Ни с берега, ни из крепости не стреляли.

Солнце светило не по-осеннему. Рыба, ушедшая в глубину, снова поднялась на поверхность. Темноперая плотва играла: взлетев в воздух и блеснув влажной спинкой, шлепалась в воду. По реке плыла палая листва, она кружилась над омутами, сплошь покрывала тихие заводи, раскачивалась на волне.

Тимофей Окулов вывел свою сойму к дальнему плесу. Караульные солдаты, стоявшие здесь, видели, как он укладывал в суденышко вершу и длинные, гибкие удилища. Не иначе, рыбачить собрался. В кормовую каморку сунул мешок с хлебом, тулуп, сапоги. Значит, не на один день уходит.

Тимофей не спешил оттолкнуть сойму. Он ждал кого-то. К удивлению караульных, на берегу появился Михайла Щепотев. Но узнать его было нелегко. Сержант начисто сбрил усы. Одет он был в мужицкие порты и поддевку. Густые темно-русые волосы разносило ветром. Шапка сбилась на затылок, но он не поправлял ее, руки заняты. На плече нес туго набитый мешок.

Щепотев подмигнул ладожанину, бросил мешок в сойму и широко шагнул с берега.

На прощание Окулов махнул рукой солдатам и повел сойму на быстрину. Было видно, как он ловко и сильно тянет шкоты, поднимая парус.

Суденышко бежало против волны. Брызги разбивались о нос, блестили и гасли в отвесных солнечных лучах. Сойма становилась все меньше. Вот уже только парус скользит над водой. Вот и он исчез.

Разошлась зыбкая дорожка. Будто не было на ней соймы. Синяя даль качается у синего неба.

После полудня, как это часто бывает на Ладожском озере, подул шелоник. Заходили тучи. Волны ударили в берега.

В такую непогоду все живое старается найти кров, переждать свирепый ветер...

Этой же ночью, когда деревья тревожно шумели и гнулись, полк, приведенный Шереметевым из Новгорода, был поднят и поставлен в строй.

Капралы придирчиво смотрели, как свернуты палатки и связаны котомки. В чистоте ли мушкеты? Не отсырел ли порох в запалах?

Трофима Ширия от ночного холода пробирала дрожь, зуб на зуб не попадал. Он крутился меж рядами, покрикивал, передразнивал капралов:

— Стой не шатайся, ходи не спотыкайся!

Солдаты ворчали:

— Экая злая ночь.

— Подняли, не пожалели.

— Хоть накормили бы в дорогу.

Трофим, как все, был голоден. Как все, недоспал. Но задиристо скалил щербатые зубы:

— Нам все ништо, из пригоршни наьемся, на ладони пообедаем.

Маленький, быстрый, он сыпал смешливые слова, притопывал, наигрывал на берестовой сипке.

Полк колыхнулся, двинулся лесом. Шли недолго. Свернули. Опять показалась Нева. Ничем она не напоминала дневную тихую реку. Тускло блестевшие волны осыпали белые гребешки.

Только тут поняли солдаты—шагать им по другому берегу.

— Сейчас, робята, горячее начнется,—пообещал Ширий.

Он посунулся ближе к реке, чтобы разглядеть, что

делается под обрывистым берегом. От удивления, от несомненной близости боя зябко поежился.

На берегу были приготовлены полувытащенные из воды ладьи. Тут же покачивались другие суда, которые не сразу можно было узнать — так изменился их вид. Каждое несло на себе длинный бревенчатый настил.

Стучали плотницкие топоры. Суда выравнивались бок к боку уже на середине Невы. Так это же мост, летучий мост! Не приведи боже пройти по такому, пляшущему на волнах, сооружению.

Внезапно невдалеке встало багровое зарево, погасло и снова вспыхнуло. Вокруг заухало. Вода взметнулась к черному небу.

Солдаты заспешили. Побежали к ладьям. Оступаясь в воду, отталкивали их от берега. Уже на плаву, скинув котомки, взялись за огромные весла — пòтеси.

Гребли поперек течения. Потеси гнулись, трещали, того и гляди, обломятся. Гребли долго, руки закаменели, и казалось, не будет края ни ночи, ни реке.

Прошуршал песок под днищами. Ладьи ткнулись в берег. Солдаты выскакивали, держа мушкеты над головами.

Капраны не дают отдохнуть, кричат:

— Бегом! Бегом!

Изо всех сил мчится Трофим. Слышит, как рядом, спереди и сзади топочут товарищи. Бегут по правому берегу Невы. Прямоком на зарево, на воющие пушки шведского штерншанца. Зарево начинает тускнеть. Оно опадает, уступая мгле.

Долго ли еще бежать? Сердце колотится, мешает дышать. Впереди раздалось протяжное, будто поднимают тяжесть:

— Ра-а-а! Ра-а-а!

Крик вырывается из сотен глоток, разрастается, крепнет.

Солдаты взбежали на насыпь, ударили в штыки — багинеты. В ночи ничего не разобрать. Кто-то тягуче стонет. Кто-то во все горло вопит:

— Теперь шанец наш!

Только до времени, видать, обрадовался. Шведы крепко вцепились в свои окопы. Бросились к пушкам. Ширий почувствовал, как его схватили за руки. Он спросил сам себя, не понимая:

— В плену я, что ли?

Но от Невы снова нарастает, близится!

— Ра-а-а!

Опять рядом — знакомая, родная речь, руготня. Солдаты рассыпались по всему обширному шведскому штерншанцу. Еще раны не перевязали, не отдышались — раздается команда:

— Насыпай вал!

Окопы меняют фронт, поворачиваются дулами и жерлами к крепости.

Никто не заметил, когда начало светать. Неожиданно увидели, что небо просветлело, а вода в Неве все еще темная. И посреди нее сурово и громоздко поднимаются стены Нотебурга.

Но теперь солдаты видят крепость с другой стороны, от квадратной ворóтной башни. Темнеют глубокие бойницы.

Через Неву переправились пушкарки. Логин Жихарев ощупывал первые взятые с боя орудия. Одно шведы успели заклепать, одно утопили в протоке, спеша переправиться на остров.

Жихарев выбирал место для своих мортир. Он облюбовал небольшую плоскую поляну вблизи штерншанца. Пушкарки торопились, копали ходы, разворачивали лафеты, подтаскивали ядра.

Всем мешал Трофим Ширяй. Он путался среди пушкарей и жалостливым голосом рассказывал:

— Я же у шведов в плену был.

— Ври больше, — посоветовал ему Логин.

— Вот те крест, — клялся Троха.

Вместе со свитой на завоеванный штерншанц прискакал Шереметев. Черный жеребец под ним перебирал копытами.

Фельдмаршал, грузно трясаясь на размашистой иноходи, подъехал к берегу. Жеребец, раздувая ноздри, вошел в воду по колена. Борис Петрович вытащил трехсуставчатую подзорную трубу. Долго смотрел на Нотебург. С угловой башни выстрелили. Пуля слегка взбуравила воду. Черный жеребец вынесся на берег.

Фельдмаршал подъехал к штерншанцу, поблагодарил солдат:

— Молодцы, лихо вышибли шведов!

Через минуту плащи Шереметева и его свиты черными крыльями взмыли над протоптанной уже дорогой к переправе. Спешили вернуться в ставку.

О событиях этой ночи в поденном «юрнале» было записано:

«В 1-й день октября о 4-х часах по утру, тысяча человек... в суда посажены, и на другую сторону Невы посланы, где неприятельский шанц и окоп стояли, дабы оныя взять, и проход на другой стороне занять, и в том шастливое споспешество получено».

После полудня загрели барабаны на левом берегу. Дробь подхватили на правом.

Солдаты повывезали из окопов. На стене крепости появились шведы и среди них — высокий старик в железном шлеме под длинным, развевающимся пером. Наверно, это был сам Шлиппенбах, комендант нотебургский. Рядом с ним стояли офицеры, их можно было различить по золотым шнурам на мундирах. Офицеры показывали Шлиппенбаху на группу всадников на левом берегу Невы.

Один всадник спешил, отстегнул шпагу и сел в лодку. С трудом выгребая против течения, поплыл прямо к крепости.

Шведы ушли со стены.

С берега видели, как на острове встретили лодку. Посланного повели за башню, в ворота.

Шереметев подъехал к батарее на мысу. Сняв жесткую, обшитую позументом треуголку, приветствовал командира той батареи Петра Михайлова. Они совещались, посматривали в сторону Нотебурга.

Посланный от Шереметева увез в крепость письмо к Шлиппенбаху.

Так как Нотебург обложен русскими войсками со всех сторон, говорилось в письме, так как защита острова приведет только к напрасному кровопролитию, шведам предлагалась немедленная и почетная сдача.

Ответа не было. Посланный не возвращался.

Бомбардирский капитан Петр Михайлов сказал Шереметеву:

— Поверь, Борис Петрович, задержать не осмелятся.

Но когда фельдмаршал отъехал, велел пушкарям зарядить мортиры.

Солдаты на обоих берегах Невы хорошо понимали значение всего, что происходило. Они тревожно ждали, когда появится парламентар. Ловчей приманивали мушкеты. Досылали пули в ствол.

Трофим Ширяй все допытывался о судьбе парламентаря у своего капрала:

— К шведам попал... А ежели не отпустят?

— Авось обойдется,—успокоительно произнес капрал.

— Авосью не вовсе верь,—ввернул Троха, но тотчас остерегся, поотодвинулся. Начальство не очень жаловало его прибаутки, капрал только покосился.

— Пойду-ка я к своим пушчонкам,—сказал Жихарев, слышавший этот разговор.

Он направился к мортирам, которые уже стояли на полянке ровной линией.

Солдаты на правом берегу первыми заметили парламентаря. Ширяй, с удобством растянувшийся на макушке холма, сообщал тем, кто был в шанце и из-за вала не мог все видеть в таких подробностях:

— Ведут... В лодку посадили... Оттолкнули лодку...

Шереметев поспешил встретить парламентаря. Долго слушал его, наклонив голову. Потом вместе с ним отправился на батарею к Петру.

Комендант Шлиппенбах на требование о сдаче отвечал уклончиво. Сам он своею властью столь важный государственный вопрос решить не может. Он просил четыре дня, чтобы дожидаться совета и разрешения от старшего по чину, коменданта Нарвской крепости.

Петр криво усмехнулся маленьким жестким ртом.

— Старая лиса, этот Шлиппенбах. Знаем, зачем ему надобна отсрочка. Толковать с ним больше не о чем. Дозвольте, господин фельт-маршалк, начинать...

Мортиры капитана Петра Михайлова первыми начали прямой обстрел Нотебурга. Подали громовые голоса и соседние и заречные батареи.

О том в боевом журнале — новая запись:

«Понеже о сем комендантовом вымысле о продолжении времени у нас дозналися, того ради соответствовано ему на сей комплемент пушечною стрельбою и бомбами со всех наших батарей разом, еже о 4 часах после полудня начато...».

С этой минуты рев пушек на Неве не умолкал.

9. «ПИЛЬНАЯ МЕЛЬНИЦА»

В нескольких верстах от взятого штерншанца находилась «пильная мельница». Она стояла на речке, впадавшей в озеро, и, как видно, работала до последнего времени.

Речка во всю ширину была запружена разнятыми плотами. Замшелые, влажные колеса, наверно, еще вчера принимали на свои ступицы напор воды, а железные пилы со скрежетом вгрызались в бревна. Свежена-резанные доски штабелями лежали на дворе.

Место было глухое. Лес начинался от самой изгороди. Единственная дорога огибала мельницу и уходила в сторону шведской крепости Ниеншанц.

На эту пильню был поставлен караул, состоявший из сотни солдат.

В первые же часы Трофим облазил все закоулки, и на чердаке нашел смертельно перепуганного старика шведа, здешнего пильщика. Углы под скатами чердака были в густой паутине. Повсюду валялось какое-то тряпье, начисто обгрызенные кости. Старик забился в угол. Глаза его светились, как у кошки ночью.

Трофим вытащил шведа, тот все закрывал лысую голову, боясь, что его ударят.

— Экой ты жалкий, — посочувствовал солдат, — да, поди, и голоден.

Пильщик затряс головой, показывая на беззубый рот. Ширяй вытащил из-за пазухи кусок хлеба, густо посыпанный солью. Разломил его. Половину отдал старику.

Он жадно жевал окостеневшими деснами. По-русски говорил плохо. Трофим понял, что старик решил остаться на пильне. Он знает, что русские добрые люди, они не обидят бедного, слабого человека.

— Русска карош... карош... — говорил старик, давась солью.

Соль ранила десны, но выплюнуть ее он боялся.

У Трохи маленький, острый носишка вверх задрался. Солдат покровительственно хлопает пильщика по костлявому плечу:

— Вот ведь как оно бывает: кому — страсти-напасти, кому — смехи-потехи... Не горюй, старичок, я тебе уже поснедать принесу.

Ширяй рассказал товарищам о своей «находке». Несколько человек слазили на чердак взглянуть на старого шведа. Очень он был безобиден и жалок...

К вечеру караульные на конях объездили весь лес поблизости и берега речки за пильней. Нигде — ни дыма, ни души.

Речка оказалась рыбная. Толстых, ленивых сомов можно штыком, как острогой, бить. Сварили вкусную, жирную похлебку.

На ночь, кому посчастливилось, в горницу забрались, остальные на дворе, на досках, как куры на нашестве, задремали.

Сиповщика из горницы капрал выставил. Пришлось на крыльце улечься, среди молодых солдат. Их ко сну не клонит. Всегда рады пошуметь, пошутить. Пристали к Ширяю:

— Расскажи басенку.

Ворчит Трофим. Сон совсем уж было сморил его. Да ведь знает: от этих настырных парней так просто не отделаешься.

— Ладно, ребята, слушайте.

Солдаты теснятся. Примолкли, ждут.

— Расскажу вам, — начинает Ширяй, — как я давеча на шведском шанце от пули бегал.

Кое-кто уж заранее похохатывает — уж этот Троха, сейчас потешит. У других лица серьезные. Видели — сиповщик на штерншанце лихо дрался. Может, и дельное скажет. А Ширяй глаза округлил, вспоминая, страшится:

— Слышу — летит пуля, свищет, проклятая, около меня. Я туда — свищет. Я сюда — свищет. Беда, думаю. Влез на березу, сижу — свищет. Ан это у меня в носу.

На крыльце хохочут солдаты. Капрал высунулся из двери:

— Неймется вам, зубоскалы!

Троха совсем уж дремлет, голова опустилась на грудь. Вдруг вздрогнул. Забыл, вовсе забыл про обещанное старику. Протянул к котелку руку — там гуща на дне. Годится. Посмотрел с крыльца на круглое чердачное окошко. Светится. Что за чертовщина!

Оступаясь на узких ступенях, Ширяй полез на чердак. Откинул дверь и отшатнулся. Почудилось — пожар.

По покатым стенам ходили красные отсветы. Душно. Жарко.

Не сразу Ширий разглядел старика, возле оконца, согнувшегося над железной жаровней. Горели в ней щепки ярким огнем.

Старик испугался Трофима, вздрогнул и даже тоскливо заскулил.

— Холодна... Греться... — можно было разобрать в его бормотании.

Он принялся так усердно гасить жаровню, что солдат улыбнулся.

— Поешь-ка, — сунул он в трясущиеся руки пыльщика котелок.

Сон у Трофима пропал. Всю ночь беспокойно ворочался на крыльце. Только задремлет — словно кто его в бок толкнет, проснется. То мнится — вся мельница огнем занялась, то шведы, таясь за деревьями, ползут.

При утреннем свете ночные страхи всегда кажутся смешными. Солдат наклонился над речкой, скроил рожу своему отражению, пригоршнями побросал в лицо холодную воду. Потоптался, чтобы согреться.

Вдруг послышались крики в лесу. Ширий махнул рукой: опять невесть что чудится. Да нет, стреляют. Слышно — выстрелы ближе.

Все, кто был на пыльне, кинулись в лес на гул нарастающего сражения.

Шведы подошли совсем близко. Видимо, они спешили из Ниеншанца на помощь осажденным в Нотебурге.

Неравный бой принял передовой лесной пост. Никто из постовых не остался живым. Шведы их окружили, всё суживая кольцо. Те, кто бросился на выручку, не сумели пробиться.

Ширий показалось, что шведов множество. На каждого нашего солдата не меньше четырех-пяти вражеских. Они вываливались из леса, как овес из тугой торбы.

Нечего было и думать о том, чтобы остановить их. Солдаты отступали к пыльне, надеясь удержаться за стенами.

Прошло не больше получаса с начала стычки. Каждое окно пыльной превратилось в амбразуру. Раненые, кто не мог стоять на ногах, заряжали мушкеты,

Шведы не торопились, уверенные в исходе боя. Они обложили мельницу. Конные спешили, отвели лошадей за деревья. Шведы приближались к пыльне, расчетливо укрывались за буграми.

Горсточка солдат, засевшая за бревенчатыми стенами, понимала, что долго здесь не продержаться. И уходить некуда. Заранее простясь с жизнью, дрались отчаянно.

Вражеская пуля содрала у Трофима кожу на руке, от запястья до локтя. Но он не хотел никому отдавать свой мушкет. Выл от боли, но целился медленно, плавно. Рывок мог увести пулю в сторону.

Грохот, очень близкий и громкий, потряс всю пыльную. Солдаты не сразу догадались, что это двинулись ее водяные колеса. Железные полотна, блестя острыми зубьями, пронизывали камору. То была машинная камора, и в ней находились все, кто мог стрелять. Проклятый старик, он успел пробраться к плотине и пустить воду!

Тряска мешала целиться. От гула разламывалась голова.

Шведы стреляли метко. Среди русских солдат не было ни одного не раненого.

Капрал, лежавший на гряде соломы с раздробленной ногой, подозвал Ширия и велел ему достать кремь и трут из кармана. Но карман намок кровью. Трут отсырел. Капрал слабеющей рукой сгреб сухую солому, скрипя зубами, шепнул Трофиму:

— Бей огниво!

Ширий попятился:

— Ты рехнулся, сгорим ведь!

— И так в живых не останемся. Теперь надо про шанец думать!

Мысль эта была тяжелой. Если шведы займут пыльную, нашим в штерншанце грозит неминуемая опасность. Шведы нападут на них внезапно и снова станут хозяевами на правом берегу.

Нужно дать знать в полк о беде. Конечно, огонь и дым над лесом — самый верный сигнал нашим. Но на пыльне никто не спасется. Не хотелось погибать так бестолково.

— Не спеши помирать, — сказал Трофим капралу, — помрешь, так прощай белый свет и наша деревня. Чего спешить-то?

Трофим придвинулся, зашептал на ухо. Капрал недоверчиво посмотрел на сиповщика, как и всегда смотрели те, кому доводилось слышать от него слова, сказанные всерьез.

— Коль не вернусь, коль шведы сюда вломятся, вот тогда давай свой сигнал! — произнес Трофим громче.

В последний раз взглянул он на товарищей, на капрала и вложил в его руку кремень и трут.

Смелое дело задумал сиповщик.

Он выбрался из мельницы через проем, в котором ходили пилы, — сторонился от сверкающих железных ножей, вжимался в трухлявые доски. Первый раз в жизни поблагодарил он бога за свой малый росточек и удобу.

Очутился в подполье. Долго полз в темноте, натыкался на лежалые опилки и камни. Впереди забрезжил свет. Отдушина.

Радостно вдохнул солдат прохладный свежий воздух. Невдалеке услышал конское ржанье.

Трофим быстро, по-змеиному, не отделяясь от земли, шмыгнул в лес.

Шведы считали судьбу пильни решенной. Они пустили лошадей пастись, только стреножив их.

Ширий выбрал крайнего в табуне пегого коня, здоровой рукой схватил его за подуздок, зубами развязал путы на ногах и повел подальше в лес; ползет в высокой траве, коню не дает головы поднять, будто тот мирно траву пощипывает.

Трофим привстал. Никого поблизости нет. Кровь стучит, дыхание распирает грудь. Чуть подскочил, и он уже верхом на неоседланном коне. Помчался, не выбирая дороги. Припал к гриве, бьет коня кулаком. Ветер свистит в ушах. Горит нахлестанное ветвями лицо...

Сколько времени прошло? Наверно, около часа. Полторы сотни всадников, сверкая клинками, промчались от штерншанца к пильне.

Шведы не выдержали атаки, откатились от мельницы. Не удалось им зацепиться и за берег речки. Они бежали в Ниеншанц. Конница преследовала их неотступно.

Ширий остался на пильне. Капрал был жив, но в беспамятстве. Он сжимал огниво с такой силой, что отнять его было невозможно.

Лишь поздно вечером вернулись конные. Они вели в поводу забрызганных пеной лошадей. Впереди шли пленные, в их числе и старый пыльщик. Оказалось, что он не так уж стар. Вышагивал понуро, но твердо. Приметив Трофима, сказал ему на чистом русском языке: — Твою похлебку я не доел, солдат.

На допросе пленные показали, что действительно пришли из Ниеншанца для поддержки Нотебурга, и привел их майор Леон. Из отряда уцелели немногие, они ушли неизвестно куда.

В походном журнале петровской армии обо всем случившемся записано так:

«О 10 часах поутру явился неприятельский подъезд в четырехстах человек, да в роте драгунской состоящъ, с четырьмя полевыми пушками на стороне Невы реки у пыльной мельницы... Неприятели жестоко напали так, чтоб есть ли наших стапятидесяти человек на помощь не пришло, тоб они победу одержали и мельницей овладели... И как неприятель равенственную силу перед собою увидел, обратился он в побег... Но из наших сыскались некоторые охотники, которые за неприятелем гнались, и те были толь щастливые, что у неприятеля одного капрала и 7 рядовых в полон взяли и три пушки да два барабана и несколько орудий и шпаг, купно с шестью лошадьми отняли...».

С шведским майором Леоном русские солдаты повидались еще раз, и так же неожиданно, как в первый.

Караул на пыльне был сменен. Убитых похоронили в песчанике. Всех остальных перевели на штерншанц отлеживаться от ран.

На рассвете следующего дня постовые с Невы сообщили, что в Нотебурге происходит что-то непонятное.

Гарнизон штерншанца подняли по тревоге. Солдаты прибежали к Неве. То, что они увидели, вызвало сначала недоумение, а потом раздался дружный хохот, некоторые за животы держались.

За скосом башни, по стене, на веревках ползли одна за другой серые фигурки. Одежда была изодрана, лишь немногие волокли за собой оружие.

Дело ясное: шведы, отступив по берегу Ладожского озера, взяли в какой-то рыбацкой деревеньке суда, на них добрались до острова. Так как ворота крепости

были наглухо заклепаны в ожидании штурма, шведам ничего другого не оставалось, как перелезть через стену на веревках и блоках.

На берегу задымились мушкеты. Но пули только напрасно царапали стену. Округлость башни прикрывала ползущих.

Солдаты на берегу говорили:

— Вот изловчились!

— Смелые дьяволы, надо правду молвить.

Последним поднимался по веревке шупленький человек; лишь свисавшие с плеча золоченые шнуры показывали его офицерское звание. Это и был майор Леон.

На берегу смеялись так оглушительно, что шведский офицер слышал, зашпешил на своей веревке и неуклюже перекинулся по ту сторону стены.

Трофим Ширяй сказал насмешливо:

— Принимай подкрепление, Нотебург!

10. СНОВА В ПОЛКУ

Почти каждый вечер Родион Крутов приходил в полковой обоз к Ждану. Если Родиона не пускали, он садился в стороне на пенек и издали смотрел на земляка скучными глазами; кто-нибудь непременно сжалится и скажет немому:

— Ладно уж, иди к своему дружку.

После контузии Чернов поправлялся хорошо. Как-то с вечера он предупредил Родиона:

— Завтра к своим потопаю. Я уж вовсе крепко стою.

На следующий день немой с утра торчал в обозе. Ждан заметно исхудал, вытянулся. В пути, хоть и недалеко, Родион бережно поддерживал земляка. Ждан часто отдыхал. Заметив тревожный взгляд товарища, сказал:

— Ничего, расхожусь. Понимаешь, непривычное для нас дело — на боку валяться...

Если и раньше Родион и Ждан были дружны, то теперь стали совсем неразлучны.

Беспокойство за Васену сблизило их еще больше. Прежде они часто виделись с нею. По крайней мере,

знали, что она рядом. С тех пор как ее увезли в Ладугу, надежды на встречу не было никакой.

Сержант Бухвостов неотлучно находился на петровской мортирной батарее. Едва лишь началась осадная битва, Петр с ближними людьми перебрался из ставки в «Красных Соснах» на передовой редут.

Ждан и Родион о Васене с сержантом не разговаривали; ни о чем его не расспрашивали.

Сергей Леонтьевич не мог выдержать их укоряющих взглядов. «Думаете, обманул я вас, — говорил он мысленно, — знали бы, как мне-то тяжело».

Бухвостов часто вспоминал тот день, когда простился с Васенкою в Ладогe. Поместил он ее у пожилой женщины, швеи при зеленом амбаре. Она с утра до вечера шила мешки для пороха.

В амбаре всеми делами заправляли служилые инвалиды. Называли их «безногой командой». Правда, безногих среди них не было. Только урядник сильно хромал, — след плохо зажившей раны.

Сергей Леонтьевич строго приказал ему, чтобы никакой обиды мальчонке Василию не было. Кормить досыта. Работой не томить. Разве что пусть мешки от швеи подносит да за амбаром присматривает.

— За мальчишку ты передо мной в ответе, — сказал Бухвостов уряднику.

Васена была молчаливой, ко всему безразличной. Но когда застучали лошадиные копыта, стремглав выбежала за ворота. Сергей Леонтьевич оглянулся на нее, тоненькую, в солдатском широком мундире. Васена не уходила, пока повозка не скрылась за холмом.

С этого часа подросток Василь Крутов числился на работах при Ладожском зеленом амбаре.

Но спокойствия сержант не нашел. Все время видел он перед собой Васенку, как стояла она, маленькая, одинокая, и смотрела вслед...

Утешительно одно — теперь не грозят ей ни ядра, ни пули. На Неве же воздух, казалось, раскаляется от летящего свинца и железа.

Стреляли с берега и из крепости. Часто, настойчиво. Как будто запертые в крепости хотели сказать осаждающим: «Мы на острове и уходить не собираемся». А осаждающие отвечали: «И мы тут, на берегу. Посмотрим, кто кого». Так и шла эта железная перебранка,

На батарее капитана Петра Михайлова — порядок, как на смотре. Бомбардиры щеголяли этим порядком.

Мортиры выравнены в ряд по линейке. Выстрелит пушка, все вокруг застелется черным дымом. Полыхнет огонь. Зло просвистит в воздухе. Пёкло, настоящее пёкло.

Но ветром разнесет гарь. Мортира — на месте, хоть сейчас снова стреляй. И пушки тут же, подзакоптились малость, но вид отменно бодрый. Подносят новое ядро, на жердинах, в вервяной «люльке». Жердины прогибаются. Бомбардиры нарочно идут не в ногу, чтобы «люлька» не раскачивалась, не прибавляла тяжести.

Нередко случается, шведский снаряд-каркас вскинет землю, забросает пушки грязью. Но через несколько минут площадка опять выровнена, медные жерла блестят.

На батарее крепко боялись командира. Боялись его не как государя. Не напрасно ведь говорится: «До царя что до бога — далеко». Боялись именно как капитана. Он тут, близехонько. Может дубиной по загривку пройти, а то протянет лапу и за ухо выдерет, как нашкодившего кутенка. Петр Михайлов любил порядок.

Сержант Бухвостов находился при фланговом орудии. От других солдат Сергей Леонтьевич отличался только сединой в висках.

Он старательно следил, чтобы вовремя засыпали порох в дуло. Сам крепко укладывал его деревянным тяжелым прибойником. Ставил тугой тряпичный пыж. Помогал бомбардирам поднять ядро. С некоторою торжественностью принимал горящий пальник, подносил его к фитилю.

Ладонью затенив глаза, следил, как ядро падает на крепостную стену. Могучая стена. Пылится, не крошится. Но пушки — народ упрямый.

— Давай ядро! — кричит сержант солдатам.

Привыкли бомбардиры к огню, привыкли к проносившейся над головой опасностью.

Бухвостов командовал громко, все делал отчетисто. Он старался хоть в бою отдалиться от мыслей, не дававших покоя.

В этот день случилось событие, истинное значение которого было скрыто почти от всех.

На батарее появился человек странного вида. Его широченные плечи распирали поповский подрясник. Наперсный крест с оловянной цепью болтался на груди.

— Э-эй! — совсем не по-священнически крикнул вновь прибывший. — Не видал ли кто моего сына Тимошку?

Все, кому хоть раз доводилось встречать Тимофея Окулова, сразу узнали его отца. С сыном они были, что называется, на одно лицо. У олонецкого священника Ивана Окулова была такая же докрасна обветренная кожа, облупившийся нос и зычная речь. Только седые, даже пожелтевшие, волосы отличали его от сына.

Появился он на батарее неожиданно. Сначала никто не заметил пришедшего с ним солдатики. Тот жался к стороне, утирал коротковатый нос обшлагом рукава, в котором утопали пальцы.

Священник взял солдатику за плечо, поставил перед собой и объявил громогласно — иначе говорить не умел:

— От самой Ладоги везу молодца. Со слезами умолил, говорит — необходимейшее у него дело к сержанту Бухвостову. Я лошаденку хлестнул, а он за мной версты две вприскок бежал, пока не упал на дороге. — Окулов закашлялся, точно в бочке загрохотало. — Кто тут Бухвостов?

Сергей Леонтьевич давно уже разглядел солдатику. Хотел подбежать к нему, да вовремя сообразил — этого делать нельзя.

Наверно, все обошлось бы. Но на громкие голоса из холщовой палатки выглянул сам бомбардирский капитан. Он выполз на четвереньках. А когда выпрямился, оказался на голову выше всех стоявших рядом.

Васенка даже на цыпочках не достала бы до верхнего кармана его лосиного камзола.

— Ты кто? — спросил Петр.

Солдатык, вытянувшись и задрав подбородок, пропичал:

— Барабанщик Василь Крутов!

Васена не знала, кто этот великан. Она удивленно смотрела на него, на толпившихся вокруг солдат.

В эту минуту поблизости заухало ядро. Бухвостов бросился к барабанщику, прижал его к земле, закрывая русую головушку.

Петр взглянул на сержанта и с укором пробасил:

— Во многих баталиях видал я тебя, Леонтьич. А вот как струсил, вижу впервой.

Бомбардирскому капитану не хотелось позорить «первого российского солдата», и он снова повернулся к маленькому барабанщику. Длинным протабаченным пальцем прикоснулся к его лбу, сказал неодобрительно:

— Смазлив, как девчонка.

Бухвостов заговорил торопливо:

— Совсем ребяенок. Его бы в обоз отослать...

— Зачем? — спросил Петр. — Нечего ему за бабий подол держаться. Вчера у Голицына барабанщика убило. В полк!

Бомбардирский капитан не смотрел больше ни на солдатика, ни на растерявшегося сержанта. Он разговаривал с Иваном Окуловым:

— Издалека ли пожаловал, батюшка?

— В Ладоге был, у владыки, — ответил священник и повторил вопрос, с каким появился на батарее: — Не знаешь ли, господин офицер, где мой сын, Окулов Тимошка?

11. НЕВО-ОЗЕРО

В тихой безлюдной бухте сойма переждала бурю. Она не совсем еще стихла, когда сурового полотна парус вынес деревянное суденышко на простор Ладожского озера.

Тимофей Окулов и Михайла Щепотев плыли, зорко поглядывая, но не таясь. От берегов отошли далеко. На горизонте пустынно. Не видать ни рыбацких шняв, ни военных бригадин. То ли буря всех разогнала, то ли начавшаяся война заставила одних отсиживаться в хатах, других научила осторожности.

Кажется, во всем мире, меж водой и небом, только и есть одна живая, движущаяся черточка — окуловская сойма.

Тимофей, сидя на корме, правил парусом. Веревку намотал на руку. Тяжелая переключина, оттягивавшая полотно, время от времени проносилась над головой. Тимофей чувствовал перемену ветра загодя; еще не подуло, а кормчий уже поставил парус. Щепотев, растянувшись на днище, смотрел, как ловко Окулов «берет ветер».

— Ну что, сержант, — спросил Тимофей, — не жалеешь, что отправился со мной? Дорога-то далекая, не гладкая...

Щепотев бросил в ответ:

— Состарюсь, облысею, зубы порастеряю, тогда и стану выбирать дорожку поближе, поглаже.

Как-то не верилось, что Михайла Иванович когда-нибудь состарится, его кудрявые волосы поседеют, блестящие глаза поблекнут, трубный голос охрипнет. Нет, невозможно это. Таким ему до последнего часа по жизни шагать, удачливому, веселому и бешено смелому. Солдаты до старости не живут.

Окулову пришел на память разговор с Шереметевым за несколько дней до похода на озеро. Фельдмаршал сказал:

— Выбирай, с кем пойдешь. Дадим тебе любого.

Ладожанину захотелось поймать Шереметева на слове. Вовсе не веря в сбыточность, скорее шутки ради, он назвал сержанта Щепотева. Михайла Иванович пришелся по душе Окулову с того часа, как услышал его на военном совете, а потом увидел во время ночной передвижки ладейной флотилии по берегу, из озера в Неву. Да, с таким сотоварищем не пропадешь, такой не выдаст, из любой беды выручит.

Конечно, Тимофей предвидел ответ фельдмаршала:

— Щепотев нам здесь крепко надобен.

Лицо у Бориса Петровича стало неприятно отчужденным. Задумался, точь-в-точь — скупец над своими сундуками. С этим червонцем расставаться жаль, да и тот рублевик уж очень хорошей чеканки. Сказал со вздохом:

— Дело твое великой важности... Ладно, пойдет с тобой сержант Щепотев.

Михайла Иванович негодовал, зачем его отсылают из-под Нотебурга, когда здесь со дня на день должен начаться штурм. Справедливо считая, что во всем виноват попович, он даже немного поругал его. Но потом смирился.

Хорошо было лежать на дне соймы и смотреть в небо. Уже вдали от берегов, сержант сказал примирительно:

— Что ж, можно и по озеру погулять.

Тогда Тимофей произнес с суровостью в голосе:

— Дай бог вынести нам головы из этой прогулки.

Щепотев знал, что попович не из робких. Глубокая серьезность сказанных им слов заставляла подумать о

многом. Правда, что Ладога шуток не любит. Правда и то, что приказ, полученный Окуловым, был из тех, какие надо либо выполнить, либо умереть.

С начала войны, и в особенности когда она переместилась вплотную к Ладожскому озеру, русские разведчики во всех подробностях просматривали Приладожье и Невское поморье. Искали гавани, подсчитывали расстояния, нащупывали подходы к шведским бастионам.

Уходящим в разведку Петр самолично либо через воевод указывал, «чтобы побывал в Орешке, и буде в него нельзя, хоть возле его. А место тут зело нужно: проток из Ладожского озера в море.. и зело нужно ради задержания выручки».

Накануне штурма Нотебурга это стало делом первостепенным — задержать выручку осажденным, не дать врагу внезапно подбросить подкрепление. Крепко памятно было, как под Нарвой неожиданно появившиеся резервы дали победу шведам и вырвали ее из рук русских.

Нельзя было упускать из виду подступы к месту боя.

Таким важнейшим подступом было Ладожское озеро.

Кому могло прийти в голову, что крохотное суденышко, бороздящее озерные воды, несло трудную боевую службу, а две пары неусыпно бодрствующих глаз были глазами русской армии?

Окулов и Щепотев решили, что будут выдавать себя за рыбаков. Попович хорошо знал язык карелов, издавна населяющих этот край. Приладожье было его родиной, а на родине каждое дерево и каждый камень помогают...

Окулов спросил сержанта, приходилось ли ему бывать в Новгороде.

— Бывал, и не раз, — ответил Михайла Иванович.

— Значит, ведома тебе и святая София под золотыми маковками?

— Ведома.

— А видел ли ты Сигтунские врата?

— Ворота как ворота, только железные, — высказал свое мнение Михайла Иванович. — Чего ты их вспомнил?

Тимофей не сразу ответил. Он смотрел, как меркнут вечерние краски, высвеченные уходящим солнцем. Горячая ярь переходила в пепельный цвет, похоже — угли в погасшем костре...

Было у Ладожского озера, называемого в несторových летописях Нево *, еще одно старинное имя, данное карелами — Вением мери, Русское море.

Необозримые просторы Ладоги, ее бурные воды стали школой русской морской славы. Здесь в далекие времена впервые столкнулись русские и шведские корабли. Пираты под бело-голубым крестовым флагом приходили грабить ладожские села. Отсюда шведы возвращались с добычей, в трюмах фрегатов — пушнина, холсты, на палубах — связанные полонянки.

У мирных жителей Приладожья не было иной защиты, кроме русского войска на ладьях. Кровавые бои с неслыханным ожесточением разгорались на озере-море.

Из столетий долетела молва о том, как тысячи новгородских ладей преследовали шведскую судовую рать, которая выжгла все западное побережье озера. Шведы бежали в Неву и, по преданию, «заковали ее в цепи».

Тогда русские высадились на берег и стали валить сухой сосновый лес. Из тех сосен связали огромные плоты. Зажгли их и пустили по течению. Плавающие плоты бились о железные цепи, протянутые от берега к берегу реки. Высокое пламя отражалось в воде, где, стоя в рост на судах, дрались русские и шведы.

Многие битвы на Ладожском озере сохранились в памяти народной. В скандинавских сагах поется о том, как много веков назад рыцари короля Эрика напали на Гардарики **, разорив окрестности Альдейгобурга — Ладоги.

Русский летописец в 1164 году писал: «Придоша сее под Ладогу, пожогша ладожане хоромы своя, а сами затворишася в граде...». На помощь подоспела дружина из Новгорода. Врага гнали через все озеро. Шведский флот насчитывал полсотни судов. Больше сорока были захвачены либо потоплены.

Спустя несколько лет отважные русские морепроходцы решили проучить врага. На озере были собраны суда, оснащенные для дальнего плавания.

* Отсюда и название единственной реки, вытекающей из озера — Невы.

** Гардарики — страна городов, страна крепостей — так называли скандинавы Русь.

Они вышли в Варяжское море, обогнав тревогу, поднятую пограничными кордонами. Русские с боя взяли древнюю столицу Швеции — город Сигтуну.

По преданию, Сигтунские ворота были с торжеством привезены в Новгород и прилажены к белым стенам Софийского собора.

Напрасно сержант Щепотев сказал о них — «ворота как ворота». Поистине то было одно из чудес света. Ковка — немецкая, магдебургская. Сбоку от створов — звериные морды, зажавшие в клыках тяжелые поручни. Все огромное поле — в дивном узоре. Трудно поверить, что кузнечным молотом и в литейной форме можно таким искусством сотворить из металла лики и целые сцены священного писания. Внизу же, то ли кощунственно, то ли прославления ради, выкован портрет простого человека с молотом и клещами в руках. Над головой — надпись: «Мастер Авраам». Скорей всего, новгородский умелец, собравший на месте Сигтунские врата, хотел сказать: такое чудо и нашим рукам доступно запросто.

С тех пор кто ни приедет в Новгород, любуется прекрасными воротами, старинным трофеем российских побед...

— Ведаешь ли, Михаила Иванович, кто показывал мне этот трофей в Новгороде? — спросил Окулов Щепотева. — Полковник Иван Тыртов, покойный друг мой — вот кто. Не знаю в точности, тем ли путем ворота из Сигтуны попали в Новгород, так ли оно все было, как рассказывал полковник Иван. Но древние деды наши говорят — так... Тыртов ведь сам из новгородских. Прошлую зиму мы с ним вместе по детинцу ходили. А нынешним летом я на его шняве знатцом плавал...

Сержант Щепотев, услышав известное по всему Приладожью имя Тыртова, насторожился. Михаила Иванович не сводил глаз с ладожанина, увлеченный его рассказом.

...Было это не века назад, а в позапрошлом месяце. «Плавной караван» полковника Ивана Тыртова первым схватился с врагом, когда еще петровское войско только стягивалось к Ладоге.

На озере разбойничала эскадра адмирала Нумерса. Каждый год ранней весной она приходила из Выборга и уходила поздно осенью. Так было и нынче. «Шведский вице-адмирал Нумерс, — сообщалось по русской армии, —

с шнявами и большими ботами, в 5 судах, ходил на Ладожском озере от Кексгольма и от Орешка для разорения по берегам Ладожского озера наших сел и деревень и монастырей».

Во время этого набега нападающим пришлось самим защищаться. Эскадра Нумерса столкнулась с тыртовским «плавным караваном», который насчитывал тридцать ладей.

«И сошлись с оным вице-адмиралом, — говорилось в том же сообщении, — на озере в тишь, и имели бой, на котором бою, хотя оный полковник от неприятеля из пушки картечем и убит, однако ж наши люди из тех шкут шведских 2 сожгли, 1 потопили, 2 взяли».

— Стоял я тогда у кормила, — рассказывал Тимофей сержанту, — полковник упал на мои руки. Картечь пробила ему грудь... Слабым голосом Тыртов попросил поднять его. Двое солдат держали его, не давали упасть. Он командовал абордажем до последней минуты... Увидел, как горят шведские шкуты, увидел лодку, удиравшую на полудюжине весел. Успел прошептать: «Это Нумерс... Уходит, уходит...». Больше мы не слышали ни слова...

— Геройская смерть, — тихо, как будто боясь разбудить спящего, проговорил сержант.

— Теперь наша с тобой забота, — сказал Окулов, — дознаться, куда подевался этот самый Нумерс...

Ночи на озере бывают тихие, с легким береговым ветерком. Тимофей показал Щепотеву, как держать парус, а сам натянул на себя тулуп и улегся на днище.

— Через два часа сменю, — пообещал он сержанту сквозь дрему.

Плыли они до рассвета, попеременно держа кормило.

По расчету Окулова, должно было показаться устье Свири. На горизонте внезапно обозначился двухмачтовый. Он быстро приближался. Вскоре можно было различить реи, несущие паруса, и жестяную флюгарку на грот-мачте. Низко сидящий в воде кубовастый корабль походил на хату, спущенную на воду. У него и окна были, как у хаты, с некрашеными, стругаными переплетами.

Сержант, поглядывая на странное судно, вынул спрятанные под сетями два ножа, один протянул ладожанину. Но он его не взял.

— Наши это. Дозор несут.

Тем временем корабль подошел совсем близко. С него закричали:

— Эй, сойма! Давай сюда!

Тимофей подвел свое суденышко к двухмачтовику, закрепил канат и вместе с Щепотевым легко перескочил через высокий борт.

Видно было, что корабль построен недавно. Еловые доски еще источали смолу.

Задержанных повели на корму. Окулов и сержант спустились по отвесной лесенке вниз. Хотя их немилосердно подталкивали в спину, они не могли не улыбнуться. Отрадно было на воде, среди озера, вдруг очутиться подле жарко натопленной кирпичной русской печи. На полу стояли глиняные горшки. Пахло щами и хлебом.

Окулов взглядом разыскал шкипера, молодого бровастого парня, сидящего за столом. Подошел и на ухо шепнул тайное слово — пропуск.

Шкипер потеснился на скамье, кивнул на ложки, разбросанные вокруг котелка, сказал радушно:

— Милости просим.

Тимофей и сержант подвинули к себе котелок и перекрестились на икону в переднем углу. Щепотев смотрел на икону расширенными глазами, пальцы застряли у правого плеча.

Таких икон сержант никогда не видывал. Была она старого письма, на грунтованной доске. За святительским венчиком нарисованы голубые волны, по ним плыли ладьи...

Окулов толкнул товарища:

— Чего глаза таращишь? Мы озерные люди, и бог у нас тоже вроде озерный. В народе говорится, — ладожские мужики — корабельщики, на воде рождаются.

Сержант все смотрел на икону.

Где же ему было знать, что здесь, в устье Свири и на других ближних реках, из поколения в поколение живут русские судовщики, построившие и те фрегаты, что ходили под Сигтуну, и те шнявы, на которых воевал Иван Тыртов, и этот гальот, напоминающий добротную избу, где сейчас сидел и нежился в тепле он сам со своим другом-поповичем.

Очень не хотелось покидать неуклюжий, но такой теплый и приветливый гальот. И день показался студе-

ней обычного. И тучи, закрывшие небо, не предвещали ничего хорошего.

Поеживаясь от холода, Окулов, а за ним и Щепотев спрыгнули в сойму. Гулко шлепнул о воду отвязанный канат.

Шкипер простился обычным моряцким пожеланием:

— Глубокой вам воды под килем!

Тимофей спросил:

— Как звать тебя, добрый человек?

— Если будете у нас на верфи, спросите мастера Федоса, — ответил судовщик.

Сойма отчалила.

Ставя парус, Окулов сквозь крепчающий ветер прокричал Щепотеву:

— Ночью Чертову лахту пройдем. Вот тут настоящее начнется.

12. ТАЙНА УЗЕРВЫ

Сойма пересекла озеро и уже в темноте вошла в Чертову лахту. На всем западном побережье, начиная от Орешка, это был первый залив, глубоко вдающийся в материк.

Лакhta оправдывала свое мрачное название. Берега отвесно обрывались в воду. Она казалась черной. По ней плыли лунные тени. Тимофей привязал к веревке камень, бросил за борт. Камень не достал дна.

Окулов и Щепотев торопливо рас снасти суденышко. Паруса убрали. Мачту повалили. Вдели весла в уключины.

От Чертовой лакhtы до Корелы (по шведскому наименованию — Кексгольм) верст двадцать. Если до сих пор встреча с вражескими кораблями могла произойти лишь случайно, теперь надо было готовиться к ней наверняка. Шли прямо в лапы к шведам.

Тимофей спустил за борт вершу и сказал сержанту:

— Гребь, Михайла Иваныч.

Щепотев взмахнул веслами. Он с первого дня путешествия по озеру как бы признал за ладожанином право приказывать. Для гребли сойма была тяжеловата. Грузно раскачиваясь, вышла она из лакhtы.

Плыли вблизи берега. Все чаще попадались хаты. Но

без людей. Окулов потянул сеть. По днищу потекли струйки воды. Живое серебро трепыхалось, билось на смоленых досках. Судаки, щучки, лососи подскакивали, норовили перемахнуть через борт.

За рыбацким делом путешественники не заметили, как наступил рассвет. Впереди показалась невысокая грива, нагромождение камней, уходящее в воду.

За гривой вырисовывались очертания двух шведских сторожевых бригадин. Они стояли на якоре. Ничего неожиданного в этом для Окулова не было. Ладожанин спокойно смотрел на корабли и правил кормовым веслом.

— Гребь, по сторонам не оглядывайся, — негромко предупредил он Щепотева.

С озера, со стороны открытой воды, показалось еще несколько лодок. Тимофей правильно рассчитал время. Рыбаки-карелы возвращались с ночной ловли.

Сойма шла прямо к шведским кораблям. С палубы одного из них что-то хрипло прокричали. Окулов ответил по-карельски. Размахнулся и швырнул на палубу самую большую рыбину. Там громко, оживленно заговорили, и снова все смолкло.

Тимофей вел сойму уверенно. В Кореле он бывал часто. На воде не существовало для него неизвестных течений, на берегу не было незнакомых деревень.

По тому, что в борта перестала стучать размашистая озерная волна, сержант понял, что теперь плывут они рекой. Прежде чем Щепотев успел спросить, попович подтвердил его догадку:

— Примечай, мы в Узерву вошли *.

Река протоками как бы обнимала городок с замшевыми стенами и приземистыми башнями под шатрами островерхих крыш. По крепостным стенам ходили шведские солдаты. Изредка покажется офицер, посмотрит в подзорную трубу на озеро и опять скроется.

Посад, когда-то большой и шумный, раскинулся по берегам реки. Покосившиеся домишки казались безлюдными. Окна забиты. О том, что здесь живут, можно судить только по дымам, клочьями нависшими над трубами, да по неводам, растянутым на кольях для просушки.

* Узерва — старинное наименование реки Вуоксы.

Жизнь пряталась за ставнями. Люди хоронились в своих жилищах. Так бывает только в городах поработанных.

Корела несколькими десятилетиями старше Орешка. Обе крепости — на озере, обе суровым ликом, каменными бойницами повернуты к врагу. Похожи они на двух сестер, протянувших руки друг другу через воды, леса и поля. В Орешке сторона, обращенная на север, называлась Корельской. В Кореле южная окраина именовалась Ореховской.

И судьбы двух городов были схожи. Равные в мужестве, делили они воинскую доблесть и кровавую беду поражения...

Сойма медленно плыла по реке. Тимофей Окулов подвел ее к обширной, но такой низенькой хате, что казалось, у нее нет стен, а только крыша, своими застрехами почти лежавшая на земле.

Возле хаты — никого. Тимофей подергал дверь. Она была закрыта изнутри. Постучал — не слышно ни шагов, ни ответа. Тогда он приблизил губы к щели и отчетливо сказал по-карельски:

— Тимка Окулов приехал к дедушке Шемену.

Звякнул засов, дверь приоткрылась.

В хате было полно и взрослых и ребятишек. От едва тлеющего камелька тянуло дымом. Узко прорубленные окна давали мало света. Идти приходилось на ощупь.

Кто-то взял гостей за руки, повел к камельку. Здесь обоих посадили на чистое рядом, насыпали перед ними горку вяленой рыбы.

Не сразу глаза привыкли к полумраку. Не сразу Окулов разглядел, что рядом с ним сидит сам дедушка Шемен.

— Будь здоровый, Тимка, — прошамкал старый рыбак, — и друг твой пусть будет здоровый.

В Кореле все знали дедушку Шемена. Но никто не мог бы сказать, сколько ему лет. Дети его давно уже стали стариками, а правнуки переженились. Кожа на его лице была серая и дряблая, мускулы щек и рта ослабли. Лицо его никогда не меняло выражения. Жили только выцветшие глаза, светлые, как вода. Дедушка был единственным жителем Корелы, помнившим битву со шведами и сдачу города. Жил он уже второй век.

Несмотря на тяжесть прожитых лет, старик все еще ходил на озеро и в ловле был удачлив. По-русски говорил хорошо, но, как и большинство карелов, не выговаривал букву «с». Звали его Семеном. Сам же он величал себя Шеменом; к этому привыкли, и все считали ломаное имя настоящим.

— Издалеча ль приплыли? — спросил дедушка. — Неужто от Орешка? Шмелые же вы люди...

Разрывая зубами вкусную, просвечивающую жирными боками рыбу, Окулов выкладывал вопрос за вопросом, все, что его интересовало. Он ни о чем не предупреждал старика. Знал — все сказанное ему с ним и умрет.

Дедушка Шемен рассказал, что адмирала Нумерса в Кореле нет. Он еще до осады Нотебурга ушел водой в Выборг за новыми кораблями взамен потопленных. Слышать, вооружает большую эскадру. Все же раньше, чем к будущей весне, не поспеет...

После нападения тыртовского «плавного каравана» шведы в Кореле переполошились и долго опасались выводить суда из гавани. Только раз ходили на двух кораблях к невскому горлу, обстреляли русские войска и вернулись обратно...

Тимофей пожал руку старика. Радость проблеснула в глазах ладожанина. Озеро свободно от вражеских кораблей, и отныне нет дороги, какой шведы могли бы дать «сикурс» осажденному Нотебургу.

Да так ли это? В самом ли деле нет такой дороги? Еще рано радоваться, «русский Тим».

Дедушка Шемен хорошо понимал, что именно хотят знать его друзья. Он рассказывал тихо, словно песню пел, и раскачивался в лад словам. Тонкие, прозрачные веки прикрывали блеклые глаза.

Что знает русский друг об Узерве, о ее течении, о тропах ее долины? Ложе Узервы каменисто, порожисто, иссечено водоскатами? Это так. Долина непроходима, завалена скалами, заросла вековым лесом? И это правда. Но пусть русский друг послушает, что расскажет старый Шемен.

Гости затаили дыхание. Перед ними раскрывалась тайна реки, похороненная под толщей времени.

Нет, кипящая на подводных грядах, прекрасная и капризная Узерва не всегда текла так, как она течет сейчас. В давние годы, оставившие память в песнях,

Узерва несла свои воды двумя руслами. Одно поворачивало к морю, к тому месту, где сейчас высятся стены Выборга. Другое русло устремлялось к Ладожскому озеру.

Люди знали о причудах реки. Когда-то шведские дружины этой водной дорогой приходили из-под Выборга напрямик к Ладоге. Сохранилось даже имя предводителя одной из разбойных дружин — Сиге Лакке.

Хаживали той дорогой и новгородцы на своих ладьях. Случалось это, когда Неву плотно перекрывал враг и оставался лишь этот путь к морю, опасный, доступный только смельчакам.

С годами морской рукав Узервы пересох, остался только озерный.

— Но ты пошлушай, Тимка, — прошепелявил старый карел, — там, где когда-то текла река, может сейчас пройти человек? Подумай, Тимка.

Окулов вскочил на ноги. В камельке зашевелились и сникли языки пламени.

— Едем, Михайла Иванович, едем! — заторопил он.

— Вот ведь неугомонный, — проворчал сержант.

— Пойми, нельзя медлить, — настаивал Тимофей.

Он распоряжался уже у причала.

— Парус оставим, на реке не понадобится, — говорил Окулов. — Дедушка, сижиные сачки у тебя есть? Давай сюда. Если кого повстречаем, скажем — едем к камням сигов ловить...

Отчалили. На сойме доплыли до первого порога. Дальше отправились пешком.

Такой дикой, даже страшной в своем величии красоты, Щепотеvu никогда не приходилось видеть. Казалось, идут они по окаменевшей сказке.

Громоздились скалы. Местами они перегораживали русло. Узерва свирепо вскидывала измельченную в пыль воду. Она бросалась в стороны, как конь, не знающий узды.

Пересохшие старицы открывались взгляду мрачными ущельями. Каменная порода здесь одна — гранит. Но каких красок, каких затейливых форм был этот гранит! Разведчики шли то голубовато-серыми, то красными, как кровь, то зелеными, в золотистых струях, отрогами.

Щепотев видел перед собою зубцы каких-то башен, застывший вихрь, нагромождение безмолвных чудищ.

Встречались камни, странно похожие на огромное живое лицо, запрокинутое к небу, и другие — похожие на бегущего человека. Сержанту даже почудилась впереди неподвижно застывшая армия. Лишь подойдя вплотную, разглядел ровные ряды полуушедших в землю валунов.

Наверно, он долго разглядывал бы гранитные громады. Но вдруг донесся человеческий крик, заставивший его встрепетаться.

Сержант побежал вперед, куда за несколько минут перед тем ушел Тимофей. Окулова нигде не было видно, хотя теперь уже ясно, что голос его и что он зовет на помощь.

Еще шаг, и Щепотев полетел бы в прикрытую зарослями кустарника расселину. Он попятился в ужасе. Лег на землю, подполз к краю пропасти и увидел ладожанина, вцепившегося обеими руками в каменистый выступ.

Сержант схватил друга за рубаху. Медленно отползая, вытащил его из расселины.

Тимофей попробовал встать, но сразу же упал.

— Нога! — простонал он сквозь сжатые зубы.

Михайла Иванович ощущал ногу. Она была вывихнута при падении.

Окулов лежал на земле не двигаясь. Боль приутихла.

— Как мыслишь, — задал он сержанту всего больше тревоживший его вопрос, — могут тут пройти шведы?

— Наши солдаты прошли бы, — ответил Щепотев.

Следовало дальше разведать пересохшее русло. Но сейчас это невозможно. Тимофей не мог и шага сделать. Сержант взвалил его на спину. Двинулись обратно тихо, с осторожностью.

До соймы добрались уже в темноте. Здесь ждал их дедушка Шемен.

— Беда, — коротко сказал старик, — шпашаться надо!

Оказалось, вся Корела поставлена на ноги. Шведские солдаты набрели на припрятанный парус с соймы. Сразу разглядели, что он московской выделки. Теперь повсюду ищут русских. Бригантины вышли в озеро. Солдаты бросились вверх по Узерве. Старый рыбак обогнал их по известным ему одному тропам. С часа на час они будут здесь и найдут сойму.

— Шкорей шпашаться надо! — повторил старик.

Не обращая внимания на стоны Тимофея, он стащил сапог и ощущал посиневшую ногу.

— Парень, — повернулся карел к сержанту, — зажми Тимке рот, не шибко орал бы.

Сознание Окулова померкло от невыносимой боли. Но когда очнулся, с радостью ощутил, что может твердо стоять на вправленной ноге. Только чуть прихрамывал.

— Шкорей, шкорей! — торопил дедушка.

Он вывел их к берегу озера далеко от селения. Тихонечко свистнул. Из темноты вышел один из внуков старого рыбака. Только подойдя к самой кромке воды, можно было заметить качающийся на волне челн. Он был выжжен из цельного дуба. На днище лежали мешок с едой, кое-какая одежонка и залатанный парус.

На прощанье в последний раз посидели со стариком на бережку.

— Дедушка, — сказал Окулов, — ты тут гляди хорошенько. Вроде как постовой остаешься. Особенно следи, не появились бы шведы со стороны Узервы. Если что, дай знать на Неву. Кого-нибудь из сыновей пошли...

— Где же им, — печально усомнился карел, — шовшем дряхлые штали. Я внуков пошлю. Шкажу — умрите, а вешточку передайте... Ты не тревожьша, Тимка.

Еще старик сказал, чтобы русские друзья не плыли прямо к Орешку; на всем пути к Неве шведы будут их искать. Пусть русские друзья спасаются у полуночи*.

Вместе с внуком он оттолкнул челн.

Едва слышно плеснули весла. Челн неразличимо слился с ночью.

13. РУСАЛОЧЬЯ БУХТА

Помня совет старого карела, Тимофей по звездам направлял челн на север. Когда рассвело, взгляду представилась самая мирная картина. Спокойная вода тянулась до самого горизонта. Крича, пролетели чайки. Снова тишина.

Ветра не было. Но озеро вдруг всколыхнулось зыбью, как будто на глубине кто-то заворочался. Щепотев спросил:

* У старых русских плавателей были свои названия румбов компаса: север — полуночник, северо-восток — меженник, юг — полуденник, юго-восток — зимняк, юго-запад — шелонник, восток — восток.

— Откуда зыбь?

— Далеко где-то зимняк подул, — ответил Окулов, — ветер не сильный, сник, а зыбь до нас дошла...

— Тимоша, — вдруг горячо сказал сержант, — поворачивай к Неве, к нашим. Все, что надо, мы проведали... Гляди, тишь какая. Право, на веслах дойдем. Поворачивай, что ли?

Окулова тоже тянуло «домой». Там — жаркое времечко. Может, уж на приступ пошли.

Ничего окончательно не решил, а весло кормовое уже переложил в другую руку. Но в это время на горизонте показались мачты. Нет, старый рыбак знал, что говорил, когда советовал уходить на север.

Тимофей молча кивнул в сторону внезапно появившегося шведского корабля. Заметили ли там затерявшийся среди озерной глади челн? Попытка проскользнуть мимо была бы напрасной. Среди гладких южных берегов при погоне укрыться негде. Другое дело — глубоко изрезанные шхерами северные берега.

Шведы все же заметили одинокую лодку! Паруса на корабле по-прежнему обвисали на безветрии. Но с борта спустили две шлюпки. Вот уже видно, как пенится вода под веслами.

— Михайла Иваныч, — крикнул Тимофей, — выноси из беды!

Окулов сел рядом, схватил второе весло. Челнок рванулся. Заурчала вода, раскидываемая на две стороны.

К берегу. Спасение в том, чтобы поскорее дойти до береговых скал. Там лодку не найдут. Только бы не сломались весла.

Лесистый берег все ближе. Видны уже темные тени под скалами. Челнок на всем ходу скользнул в узкую горловину. Обогнули один островок, другой.

Тимофей торопит. Весла откидывают на весь взмах. Кожа на ладонях стерта до крови. Разведчики дышат громче кузнечных мехов. Одежда взмокла, отяжелела от пота.

— Загребай, Михайла Иваныч, загребай! — требует Тимофей.

Челнок, надламывая ветви, скользнул под нависшую с берега вековую иву. Весла упали, до железных уключин не дотронуться, обжигают. Нет больше сил грести.

Разведчики прислушиваются. Тихо. Стук сердец мешает слушать. Что это? Плеск весел. Торопливый плеск весел. Он приближается. Затих. Снова прозвучал. Но уже дальше. Еще дальше.

Так до позднего вечера играли со шведами в прятки. Самые тревожные часы переждали под укрытием берегов. Челн уходил все дальше на север...

Изумленными глазами вглядывался Щепотев в водную даль. Ему казалось, что чудеса, лишь вчера виденные на сухопутье, в долине Узервы, продолжают здесь, на озере, стократно умноженные.

Сержант раньше даже представить себе не мог, что Ладожское озеро так огромно, и в особенности — что северная его часть так не похожа на южную. Будто это два озера в разных краях света, где природа не только не повторяет себя, но во всем противоречива. На юге — болота в чахлом кустарнике. Глаза устают смотреть на однообразные перелески, на песчаные отмели, уныло ровные берега. На севере, после Корелы, вдруг из воды вырастает большущий, чуть покатый, похожий на стол, камень красноватого гранита. И дальше идут скалистые бухты, глубокие заливы. Необитаемые острова — как драгоценное узорочье, рассыпанное по голубому бархату.

В мыслях Щепотеву рисовался великан, сотворивший это дивное озеро. Будто бы начал он свою работу молодым, жадным ко всему прекрасному и не знающим усталости. Во весь размах мощных рук громоздил он острова и скалы, одним рывком сдвигал горы, поднимал сушу с озерных глубин, буйно играл каменными глыбами.

Но с годами сила покидала его руки, тускнели глаза, и земля уже не пела и не радовалась под его пальцами. Тут выведет пологий мысок, там ткнет можжевельниковый кустик; лениво набросал повсюду песчаные перекаты.

Великан шел с севера на юг. Молодость и силы его иссякали...

Тимофею Окулову здесь, в полуночном краю озера, все было знакомо так же, как и в полуденном, — каждый островок, каждый береговой изгиб. Ладожанин сказал товарищу, не перестававшему удивляться чудесам Ладоги, что тут навряд ли сыщется такая бухта, где бы он не передал раков бортами своей соймы.

— Немало я плавал на соймушке, — сожалея, как в разлуке с близким существом, проговорил Тимофей, — не знал, что придется оставить ее врагу. Теперь когда-то новую слажу... А насчет здешних чудес много мог бы я тебе поведать...

Окулов коротал время, рассказывая другу то о Ладоге — какая она бескрайняя и во всем неожиданная, то о соймушке — какая она была ловкая, быстрая, послушная. Говорил проникновенно.

Вот отсюда в жаркий день плыл он однажды к Валааму, и хотя знал, что еще далеко и остров не может быть виден, он отчетливо увидел и луковичный церковный купол, и тихие воды обширнейшей бухты, и крутые, в трещинах, черные скалы... Повернул сойму к острову. Но сколько ни плыл, он все отдалялся, а потом начал меркнуть, таять в дымке и наконец совсем исчез.

— Рыбакам нередко случается видеть обманные острова, — говорил Тимофей, — а то еще бывают обманные корабли: плывут под парусами, и догнать их никак нельзя. Или видишь вдруг над водою город с башнями и распахнутыми воротами... Но не вздумай войти в этот город. Старики у нас говорят — от зноя марá рождается...

А вот за тем островком, — его называют Змеиным, потому что там змеи живут целыми выводками, ступить нельзя, — за тем островком как-то весною встретил Окулов необыкновенную льдину. То есть на вид льдина была самая обыкновенная — невеличка и над водой чуть возвышалась. Но на глазах ладожанина она столкнулась с огромным полем плавучего льда. «Сейчас раздавит невеличку, раскрошит ее», — решил Тимофей. Но льдинка разрежала поле надвое, прошла насквозь, как нож через масло. Подплыв совсем близко, ладожанин увидел, что невеличка-то вся под водой, сажен на шесть уходит в глубину.

Такие потаенные горы льда намерзают на отмелях. Прибылые воды срывают их и носят по озеру. Веснами рыбаки больше всего боятся столкнуться с подобным странствующим льдом...

В другой раз, весною же, Тимофей увидел такое, что запомнил на всю жизнь. Было это вот за той лесистой косой, недалеко от берега. На солнечный угрев выбрались тюлени. Неуклюжие, круглоголовые, шлепали

ластами по льду. Ветер дул с озера. Голодной волчьей стае удалось незаметно подойти и напасть на тюленей. Волки, как настоящие разбойники, душили, рвали зубами и когтями. Самые сильные самцы-тюлени пробовали отбиться клыками... Рыбаки — Окулов был с олонецкими добытчиками — прогнали стаю. После того боя волков и тюленей в Олонце на полный год запаслись ворванью.

— Ладога наша с причудами, — говорил Тимофей сержанту, — загадок не оберешься... Это еще старики приметили, что семь лет на ней в межень* вода высокая, а другие семь лет — низкая. Почему? Не знаю... Или вот еще: ты на Волхове бывал, знаешь — там вода мутная. Свирью плавал, также знаешь — после того, как она примет Оять и Пашу, течет до дна взмученная. В Сяси вода темно-красная. В Олонке — дочерна болотная... Десятки рек несут в Ладожское озеро глину, грязь, песок. А вытекает всего одна река — Нева. И вода в ней чистая, прозрачная. Я такой вкусной воды нигде не пивал... Почему так? Не знаю.

Щепотев внимательно слушал. Сколько чудес на белом свете!

— Как же вы, ладожцы, плаваете по озеру-мору? — спросил сержант. — Как дорогу находите?

— Вот уж это, брат, твердо знаю, — ответил Тимофей, — эту науку на Ладоге с материнским молоком пьют... Ночью по звездам плывем. Днем — по ветру, по водяным и береговым приметам. А далеко ль прошли, считаем по времени. А время считаем днем — по солнцу, ночью — по огарку.

— Как по огарку? — не понял Щепотев.

— Проще простого, — усмехнулся попovich, — запалю сальную свечку, скажем, в Сермаксе. Я уж знаю: до половины сгорит — прошли Тайпалу.

— Ну, а случается, что заблудишься на озере? — любопытствует Михайла Иванович.

— Это бывает. Даже частенько бывает. В таком ра-зе — плыви к берегу, ищи людей. Выйдет к тебе мужичок-серячок. Невидный такой, а растолкует понятно: когда вздунет подсиверный, скажет, тогда держи на восток, а впереди, знай, камни — мечи прочь, а испове-

* Межень — средний уровень реки или озера после половодья.

дывши воду, будешь на доброй глубине... Так и иди, ладожскому мужику верь, не сомневайся...

— Всё тут, как в сказке, — зачарованно промолвил сержант, — наверно, и русалки есть.

— Конечно, есть, — обнадежил ладожанин, — только карелы зовут их по-своему — импи...

Долго Щепотев и Окулов плыли по озеру и прислушивались. Должно быть, шведские шлюпки потеряли след и вернулись к кораблю. На озере звуки катятся по воде гулко, как горошины на железном листе. Но сейчас не слышно ни голосов, ни скрипа весел.

Челн обошел еще один остров. Озеро пустынно. К вечеру становилось холодно. Налегли на весла. Согрелись. Ветер задувал с юга. Этот ветер, как объяснил Тимофей, карелы зовут «мучным». Потому что с ним сюда, где люди живут озером, рыбной ловлей и не растят пшеницы, сюда приходили из Новгорода барки с мукой и хлебом...

Чтобы уберечься от знобкого «мучника», Окулов и Щепотев ввели челнок в продолговатую бухту. Проплыли через щель, как бы высеченную в горе.

Бухта была окружена высокими скалистыми берегами. Поперек ее виднелась отмель, похожая на тушу какого-то морского зверя. Тимофей обогнул отмель. Челнок замер на спокойной воде.

Смеркалось. Потемнели скалы. Щепотев вдруг услышал — в бухте кто-то протяжно стонет. Под шапкой зашевелились потные волосы.

Никогда ничего не боявшийся сержант почему-то шепотом спросил:

— Слышь? Стонет?

— Русалка стонет, — равнодушно ответил ладожанин.

— Не морочь! — рассердясь, громко сказал Щепотев, но тотчас снова убавил голос.

В заливе слышалось отчетливое, мерное:

— О-о-ох! О-о-ох!

— Знаешь, в какую бухту мы с тобой приплыли? — спросил Тимофей. — В Русалочью! Импилахти... Назвали ее так в память о великой и несчастливой любви...

Ладожанин замолчал. Сержант упрасивал, как мальчишка:

— Расскажи, Тимоша. Право, расскажи.

— Невдалеке отсюда, — начал Окулов, — есть карельская деревенька Хунукка. Жили там парень и девушка.

Они крепко любили друг друга. Да парень-то был беден. Старики выгнали его из деревни. А девушку заперли дома. И вот в страшную ночь, в бурю, девушка сломала дверь, выбежала на обрыв и кинулась в озеро. Но она не умерла, а стала маленькой импи. С того времени — миновала же не одна сотня лет — каждую ночь импи всплывает и плачет о своей несбывшейся любви...

Над бухтой тише, чем прежде, но все же явственно проносились долгие вздохи:

— О-о-ох! О-о-ох!

Все еще шепотом сержант спросил о легенде:

— Неужто правда? Было так?

Тимофею некогда отвечать.

— Ветер поворачивает, — заторопил он, — давай выбираться из Русалочьей бухты.

Совсем стемнело. Только вода поблескивала.

Когда огибали отмель, Тимофей поднял весла.

— Гляди, — повернулся он к Щепотеву, — вот разгадка Импилахти... Волны прорываются сюда сквозь горловину, шевелят песок и камешки. Так бы ничего не услышать, да в скалах эхо сильное... А сказка про маленькую импи верная. Была такая любовь...

Ладожанин и сержант поставили парус. Челн бортом черкнул воду, выпрямился и легко поплыл. Они прижимали свое суденышко к восточному берегу озера. Надо было на дальнем расстоянии и непременно в темноте пройти Корелу.

Им все время казалось, что ветер слишком слаб и дырявый парус недостаточно быстро несет челн.

Мысленно разведчики были уже с боевыми товарищами на Неве, у Ореховца. Окулов и Щепотев представляли себе, как ввалятся в палатку Шереметева и скажут, что Нумерса на Ладожском озере нет, что шведский флот в Кореле невелик и что за долиной Узервы неотступно следят верные глаза... Фельдмаршал выслушает, велит налить храбрецам по чарке пенника и громко крикнет. Борис Петрович всегда крикает, когда другие пьют...

Сержант и ладожанин кинули жребий, кому держать вахту, кому спать. Впервые можно было вздремнуть.

Сквозь осенние тучи светились и гасли звезды. Челн плыл к полудню.

14. КАЛЕНОЕ ЯДРО

Осадные орудия с обоих берегов Невы били по крепости. Но не причиняли ей приметного вреда. Ядра дробили крепкий плитняк. Стены стояли несокрушимо.

Правда, удалось проломить кровли башен. Ядрами снесло козырьки бойниц. Результат слишком ничтожный.

Шведы безбоязненно ходили по стенам. На русском языке выкрикивали ругательства, насмешки.

Ожесточившийся Петр велел не жалеть пороха и ядер, бить кучно, меж двух башен. Поудня над стеной висело облако измельченного камня. Когда оно рассеялось, увидели — наконец-то сделан пролом. Но был он так мал и на такой высоте, что никак не мог облегчить штурм.

Шведы разгуливали по стенам как ни в чем не бывало.

Бомбардирский капитан поносил пушкарей последними словами. Не могут-де как следует прицел взять. Он съездил на правый берег, чтобы обругать батарейцев штерншанца.

— Вот же ходят, — Петр тыкал пальцем в сторону острова, — смеются над нами. Чем ответим?

Пушкарни от тех слов, от несомненных неудач ходили мрачные, злые. Им, бомбардирам, начинать приступ. А зачина-то и нет. Похоже, ядра отскакивают от Нотебурга.

Трофим Ширий отводил душу, вышучивал закадычного своего приятеля Жихарева:

— Хороша слава — «железный нос». А что толку? Долбишь, долбишь, все не впрок.

— Так ведь стены-то какие? — оправдывался Логин. — Нашей, российской, кладки. Одно слово — Орешек.

— У хренова воина все так, — язвил Ширий, — что ни хватъ — то ерш, то еж.

Вдоволь насмотрится Трофим, как приятель пыхтит, фырчит. Скажет веско:

— Насчет городка этого ты правду сказал. Крепость важная. Про нее на Руси издавна пословица ходит: «Орешек и перца горчае».

Муторно на душе у пушкаря. Понимал — упреки заслужены. Да разве в том дело, что Троха над ним потешается? Вот загвоздка: как достать врага, схоронившегося за крепкими стенами?

От дум Жихарев стал еще лохматей и на вид страховитым. Не говорил — огрызался. Глаза от бессонницы покраснели и распухли.

Никому ничего не объясняя, Логин за ракетником поблизости от штерншанца начал рыть неглубокую ямину. Принялся подтаскивать жженный уголь: у кашеваров этого угля — горы. Стал прикидывать, как мехи соорудить.

Трофим тут же вертелся. Спрашивал:

— Чего задумал?

Литец отмахивался, словно от надоедливой осы.

— Курчавый волос — кудрявые мысли, — донимал Троха.

Теперь он зубоскалил реже. Помогал приятелю. То березовых поленьев нарубит, то из старых ржавых багинетов крючья соорудит. Но всего дороже был для литеца кусок парусины, которую Ширяй стащил у кого-то на левом берегу.

Парусину Логин скатал в трубу, зашил ее с одного конца. Получились мехи на славу.

Многие дивились — чудит литец. Мастерскую с горном соорудил под носом у шведов. Но пушкари поопытней давно уже сообразили, в чем дело, и одобряли товарища.

Мехами Жихарев раздул горн. Потом вкатил в него ядро. Когда металл раскалился и по нему загуляли белые звезды, ядро выхватил самодельными крючьями, подтащил к пушке.

У орудия Жихарев остался один. Даже пушкарям, даже Ширяю велел отойти прочь. Так как Трофим его не послушался, а убеждать не было времени, литец дал ему такого тумака, что он выкатился за шанец.

Ширяй ныл и на все корки ругал этот чертов «железный нос». Пушкари урезонивали:

— Дурья голова, он же тебе жизнь спасает. Уходи подальше.

Троха лег за бугорок и расширенными глазами следил за каждым движением Логина.

Тот заглянул в дуло, для чего-то пощупал его рукой, вытер руку о порты. Нагнулся к раскаленному ядру и поддел его железной снастью.

Закряхтев от натуги, литец выпрямился и вкатил ядро в пушку.

От мгновенного удара дрогнула земля. Все затянуло дымом. Пламенно-красное ядро, разгораясь все ярче, летело к крепости. Перемахнуло через стену и исчезло среди покатых крыш.

Пороховое облако отнесло в сторону. Жихарев ползал вокруг сдвинувшейся с места пушки, ощупывал ее теплое медное тело.

— Цела, родимая, — шептал он, — выдержала, матушка.

Некогда было стирать гарь, густо покрывшую лицо и руки. Этаким чертом литец бросился к горну и принялся калить второе ядро.

Стрельба теперь шла спокойно, размеренней. Жихарев допустил помощников. У пушки орудовали трое, четверо.

По остерегающему оклику Логина «бо-ойся!» все находящиеся поблизости падали на землю. Огненный шар, прокладывая в воздухе искристую дугу, летел в Нотебург.

После второго ядра шведы перестали прогуливаться. Но результатов обстрела заметно не было.

Лишь после четвертой посылки возле башни, обращенной к Неве, дым и пламя взлетели к небу.

На правом берегу закричали:

— Ура-а-а!

На левом тысячами глоток подхватили.

Пошли в ход каленые ядра. Дело это было не в диковинку. Калить железо умели давно. Сейчас огневое это мастерство пришлось в самую пору.

Нотебург пылал.

Через некоторое время на стене крепости появился шведский барабанщик. Видно было, как мелькают палочки в его руках. Но дрови не слышать. Лишь когда стихла стрельба, слабо долетел многократно повторенный сигнал к посылке парламентаря.

Шведы хотят говорить. Знак добрый. Солдаты, радуясь тому, что хоть какое-то время можно не опасаться летящего со свистом железа, высыпали из окопов.

Лодка под белым флагом поперек течения поплыла от крепости к левому берегу, к петровской батарее.

Шведский офицер церемонно снял треуголку, склонясь, помахал ею и вытащил из-за отворота мундира бе-

лый листок. Решив, что самый высокий среди обступивших его артиллеристов и есть главный начальник над русскими, он передал ему листок.

Это было послание от шлиппенбахши, жены нотебургского коменданта.

Петр велел толмачу громко читать и переводить. Офицер почтительно заметил, что письмо адресовано благородному господину фельдмаршалу.

Петр не менее почтительно объяснил офицеру:

— Мы тут все благородные.

И уже сердито крикнул толмачу:

— Читай!

С первых слов на батарее раздался хохот, который не смолкал до конца чтения. Шлиппенбахша в жалостных выражениях писала о «великом беспокойстве от огня и дыму», о «бедственном состоянии, в котором обретаются высокородные жены господ офицеров». Супруга коменданта просила, чтобы их выпустили из крепости.

— Припекло шлиппенбахшу!

— А чего они сюда, как блохи, прискакали? Сидели бы в своей Стекольне!

— Жиреют на чужой земле!

Гневные голоса пушкарей неслись со всех сторон. У Петра шевелились усы. Маленький красный рот скопился и поехал к уху.

Шведский офицер понял свою ошибку. Он снова попросил, чтобы письмо было передано Шереметеву.

— Не имею времени разыскивать его, — сказал Петр, — но знаю доподлинно, что господин мой фельдмаршалк не пожелает опечалить супругов разлукой.

— Господин капитан! — швед поднял руку, готовясь произнести речь.

Но Петр не стал слушать.

— Ежели высокородные офицерши желают покинуть крепость, — бросал Петр жесткие слова, — никто не будет чинить им противства. Но пусть они заберут с собою и своих любезных мужей.

На батарее снова грянул хохот, словно взорвалась мортира. Швед закусил губу. Бомбардирский капитан подмигнул. Здоровенный пушкарь черными от пороха лапищами поднес парламентару наполненную до краев чару. Швед поперхнулся, но выпил до дна.

Неотрывно глядя на великана с шевелящимися уса-

ми, парламентар попятился к лодке. Кажется, он понял, с кем разговаривал.

Едва лодка под белым флагом скрылась за башней, барабанщик сошел со стены крепости, и сразу же там зарывали пушки. Произошло это так скоро, что ясно было: во все время переговоров шведы держали на прицеле петровскую батарею.

«Сей комплемент знатно осадным людям показался досаден, — отмечалось в поденном «журнале», — по возвращении барабанщика тот час великою стрельбою во весь день на тое батарею из пушек докучали паче иных дней, однакож жадного урона не учинили...»

Ядра вздымали землю, рвали ее. В какой-нибудь час превратилась она в поле, по которому прошло стадо диких кабанов. Пушкарки сплевывали пыль, набившуюся в рот.

— Снаряжай зажигательный каркас, — распоряжался бомбардирский капитан, закиданный грязью с головы до пят, — господам шведам, вишь, жара не нравится!

В самый разгар пушечной перестрелки на озере показался парус. Первым заметил его олонецкий священник Иван Окулов, оставшийся при войске ждать сына. Батюшка большую часть времени проводил на береговом посту, высматривал сойму.

Увидел парус, обрадовался:

— Тимошка идет.

Через минуту встревожился. Стариковскими зоркими глазами разглядел, что это не сойма, которую он строил вместе с сыном. Да и парус незнакомый.

Постовые подняли тревогу. Дюжина ладей понеслась на озеро. Вернулись они, держа впереди обшарпанный челнок с дырявым парусом, к которому для убыстрения хода снизу были подвязаны две обыкновенные, только сильно изодранные рубахи.

В заросшем щетиной парне священник не сразу признал сына. А тот, поцеловав его руку, наклонил голову.

— Здоров ли, батя? Не чаял свидеться.

— Сойму-то потерял, что ли? — спросил отец.

— Зато голова цела. И то выгода.

Щепотев топтался, приплясывал на берегу, разминал плечи, говорил громовым голосом:

— От земли отвык. Все в глазах плывет... Нет, как ни кинь, на земле все лучше.

Для полного уверения, что находится не на текучей воде, а на бережку, раза два изо всех сил стукнул сапогом по твердой, схваченной ранними заморозками комковатой почве.

— Что тут у вас? — спрашивал сержант подбежавших солдат. — Знатной салютацией встречаете нашу лодчонку... А огонь-то в крепости, огонь! Мы его с озера еще ночью разглядели. Что, думаем, за дьявольщина: заря, вроде, не на месте подымается.

От шереметевского шатра к берегу озера уже бежал посланный с приказом явиться немедленно. Отдохнуть потом. Мыться, переодеться потом. Спешить к фельд-маршалу.

Вот и сам он, не дождавшись, бежит, по-стариковски отдувается. Мешки под глазами трясутся. Протянул руки.

— Живые, живые вернулись!

Несколько часов спустя младший Окулов и Щепотев парились в бане, врытой в землю на речном берегу. Они хлестали друг друга вениками, поливали горячей водой из ушатов. Потные, красные, с налипшими на тело березовыми листочками выбежали под вечеряющее небо.

Тимофей с разбега — бултых в Неву, по которой уже плавали первые льдистые ломкие иглы. Сержант поехал. Но попович схватил его за ногу, потянул в воду:

— Знай нашу ладожскую баньку!

У обоих усталость словно ветром с плеч смахнуло...

Тем временем к устью Свири спешно ушли два судна. Они везли указ — держать на озере сильную заставу против Корелы.

15. ПЕРВЫЙ БРОСОК

Надо было испытать, как шведы держатся в ближнем бою. Бомбардирский капитан отдал «под руку» Бухвостову батальон голицынского полка и сказал:

— Валяй, Леонтьич!

Между мысом, где окопалась батарея, и Нотебургом, ближе к берегу, тянулся продолговатый остров. Был он без единого деревца, облизанный волнами, гладкий, как тюленья голова. Солдаты прозвали его «голыш»,

Сержант Бухвостов весь день не сводил глаз с «голыша», прикидывая расстояния до него от берега и от крепости.

Едва за вечерело, на Неве, за мысом, солдаты сели в лодки. На первой — вместе с Бухвостовым Родион Крутов и Ждан Чернов.

Все это происходило в такой близости от врага, что разговаривать можно было только шепотом. Команды отдавались вполголоса. Лопаты, дула мушкетов были прикрыты тряпьем, чтобы ничто не звякнуло. Гребцы держали весла на весу. Так и грести станут, без уключин.

Родион и Ждан хорошо помнят слова сержанта, сказанные накануне:

— Как подойдем к «голышу», помните — у каждого в руках жизнь товарищей. Громкое слово либо стук могут выдать нас шведам...

Стемнело. Вода не видна, а слышна. Внятно плещут набежавшие с озера валы.

Сергей Леонтьевич коротко командует:

— Отчаливай.

Лодки вынесло на быстрину. Крутов и Чернов бесшумно, быстро работают веслами, борются с течением. Ни впереди, ни с боков ничего не разглядеть. Где-то в этой чернильной мгле, рядом, другие лодки, и на них гребцы так же, сцепя зубы и обливаясь потом, одолевают реку.

Гребут долго. Так долго, что Ждан не выдерживает: наклонясь к Бухвостову, спрашивает шепотом:

— Не заблудились мы? Не пройти бы мимо «голыша».

Сергей Леонтьевич с силой толкает его:

— К веслам!

Лежа на носу лодки, Бухвостов до боли в глазах всматривается в ночь. Опасность «промахнуться», не заметить низкий, сливающийся с поверхностью реки остров очень велика.

Полыхнула зарница. Прогремел гром. Выстрелила пушка в крепости. На мгновение черный полог раздернуло и вновь схлестнуло. Этой светлой секунды было достаточно, чтобы разглядеть остров. Но одна тревога сменилась другою. Не заметил ли враг плывущие лодки? Второго выстрела не последовало,

Под днищем зашуршало. Корму сразу занесло. Втроем выскочили за борт, втащили лодку на остров. Постепенно подходили и другие.

Бухвостов проверял людей, считал лодки. Одной не хватало. Пересчитал снова. Одна к «голышу» не пришла. Сержант долго прислушивался. Ни звука, ни голоса. Только волны плещут.

Солдаты уже рыли землю, вкапывались в нее как можно глубже. Мысль о тех, кто пропал еще до начала боя, жалила сердце. Но, может быть, они от берега не отчалили? Может быть, не найдя острова, вернулись обратно?

Едва стало светать, Сергей Леонтьевич глазами обшарил темно-серую, железного цвета реку. Смотрел он вниз по течению. А надо было искать выше острова.

Родион подполз к сержанту и показал на перевернутую лодку, вынесенную на отмель как раз в том месте, где озеро переходит в реку. Как лодка попала в озеро? Отчего опрокинулась? На эти вопросы уже никто не ответит. Ясно лишь, что солдаты, и погибая, не звали на помощь. Не звали, чтобы не раскрыть врагу плывущий по реке батальон.

Все снимали шапки в память о безвестно погибших...

Через мгновение ни у кого уже не оставалось времени, чтобы думать и сожалеть о случившемся.

Шведы разглядели, наконец, что на острове, между крепостью и берегом, произошло невероятное. «Голыш» изменил форму. Он уже не гладкий, как прежде, а весь вскопан, словно перевернут. За холмами земли то головы покажутся, то стволы мушкетов.

Зачастили орудийные выстрелы. Ядра летели так густо, что казалось — враг старается наверстать упущенное. Воду высоко вскидывало и бросало прямо в окопы.

Солдаты лежали на разжиженной влажной земле. Порох держали за пазухой, боясь замочить его.

У Ждана стучали зубы — от холода, от страха. После контузии он стал бояться ядер. Ему самому было противно это, но ничего поделать не мог.

Родион стащил с себя кожух, кинул его Ждану. Немой и мысли такой не допускал, что земляк струсил. Во всем виновата промозглая, леденящая сырость.

— Спасибо, Родя, — сказал Ждан.

Крутов кивнул. Ему нипочем были ни холод, ни истощающе визжащая над головой смерть.

Бухвостов, переваливаясь через бугры, пополз от окопа к окопу. Отстегнул от пояса баклажку и отдал ее раненым. Считал убитых. Живых ободрял своим бесстрашием.

— Надо держаться, — говорил он солдатам, — шведы увидят, что нас отселе не выбить, успокоятся.

Ошибался сержант. Из Нотебурга непрерывно стреляли весь день.

С «голыша» крепость виднелась отчетливой. Можно было даже разглядеть трещины в кладке и деревья, выросшие на стенах. Но особенное внимание сержанта привлекали суда, вытащенные на берег и прислоненные к крепостным башням. Бухвостов насчитал около десятка шкутов и шняв. Зачем они тут?

К ночи орудия в Нотебурге затихли. Шведские пушки давали им остыть. Сергею Леонтьевичу и его солдатам было не до сна. Ночную передышку они использовали для того, чтобы осмотреть свои лодки. Просто счастье, что больше половины из них уцелело. В тех, которые стояли под защитой островного берега, имелись небольшие пробоины, — их нетрудно заделать. Но те, что стояли на открытой воде, разнесло в щепы.

На острове никто не спал. Смотрели сквозь ночь, держали наготове мушкеты. Сергей Леонтьевич ждал, что шведы нападут, постараются сбить батальон. Не зря же в Нотебурге сберегли суда.

Но проходили часы. Враг не показывался. Солдаты принялись в темноте, на ощупь чинить лодки. Работали умело, быстро: ведь каждый, по деревенскому обычаю, был хорошим столяром либо плотником.

Сержант не видел лиц, но слышал дыхание десятков людей. Больше всего ему хотелось сейчас сказать им: «Отдохните, молодцы. Вы славно повоевали и заслужили отдых». Но никак не мог сказать им тех слов. Сказал совсем другое:

— Ну вот, вцепились мы в землю как есть под носом у шведов. А ведь это только присказка. Завтра самое дело будет...

Взошло солнце. Сергей Леонтьевич еще раз оглядел Нотебург. Возле башен по-прежнему лежали в непод-

вижности шляпы и шкуты. «Ладно же», — негромко промолвил он и вернулся к батальону.

Как всегда перед боем, сержант выпрямился во весь рост, не оберегаясь от пуль. Он смотрел на серые солдатские лица, на жилистые, темные от вьевшейся гари руки и думал: что еще в силах сделать эти люди? Лезвие ножа может притупиться. Мушкет от частого огня не стреляет, выплевывает свинец. На войне только людям нельзя уставать. Они сделают все, что надо сделать.

Распрямленный и помолодевший, Бухвостов громко, отчетливо выговаривает каждое слово команды:

— По лодкам! Не спеши, разбирай весла. Мушкеты изготovy!

На «голыше» остались только раненые. Сержант шагнул в лодку.

— За мной! — выкрикнул, не оглядываясь, твердо зная, что никто не замешкается.

Батальон плыл поперек Невы к Нотебургу. С сержантом на первой лодке, как и в начале броска, были Крутов и Чернов. Они сидели спиной к крепости и видели, как на берегу, на петровском редуте, пушкaри бежали к орудиям.

Шведы опешили. В Нотебурге, видимо, решили, что начинается штурм. Они стреляли по берегу, чтобы не допустить к Неве главные силы. Но никаких главных сил не было видно. А батальон уже высаживался из лодок, и вот — русские солдаты у самых стен крепости. Тут их ядром не возьмешь, разве — мушкетом, и то без прицела.

Солдаты опьянены собственной смелостью. Хватаются за камни, которыми до того любовались издали, из-за реки. Вот они какие, большущие, шершавые, холодные.

Ждану весело, как бывало только в мальчишестве, когда ранней весной, страхась еще не согретой солнцем воды, бросался в быструю жгуче-холодную речушку. Ему теперь совсем не страшно, он переломил в себе боязнь. Он в числе первых — у нотебургских стен.

Бухвостов бежит к шведским судам, лежащим на берегу. Но Родя обгоняет сержанта, хватает крайнюю шляпу, силится перевернуть ее — и не может. Что же это?

Позже, в фельдмаршальской ставке, при свече, писец, неторопливо скребя бумагу гусиным пером, запишет в походной тетради:

«Хотели было взять неприятельские шкуты и суда, стоящие под крепостью; но понеже сии суда на берег взволочены и цепьми прикреплены были, того ради не могли они сего своего намерения за великим огнем из крепости исполнить; но принуждены довольствоваться добычею, которую они в тех судах получили, а именно ветчину, масло, крупы и сухари, и те суда разрубили...»

Наверно, это были суда, на которых несколько дней назад пришел к крепости майор Леон.

Родя ломал шнявы и шкуты бревном-топляком, прибитым к берегу. Доски с треском разлетались под его ударами.

Бухвостов первый расслышал топот многих бегущих ног и вовремя остерег солдат:

— Садись в лодки! Быстрой.

Пока шведские воины спускались со стен, пока огибали башню, наши уже гребли на середине протоки.

По Нотебургу усердно палили бомбардиры с петровской батареи. Крепость остервенело отвечала.

Батальон Бухвостова плыл под навесом огня с двух сторон. Вернулись на «голыш». Снова залегли в окопах.

Вечер прошел тихо. И русские и шведы подсчитывали потерянных в бою. Главный же итог никакой цифирью не исчислишь. Крепость «раскрылась» в этом сражении. Теперь русские знали, чего ждать от шведов при штурме.

Ночью на «голыше» сменили батальон Бухвостова.

Солдаты причаливали к берегу Невы уже при утреннем свете. Многие — в кровавых перевязях.

Из последней лодки вышли сержант, Родион и Ждан. Чернов потерял где-то шапку. Его огненно-рыжие волосы виднелись издалека.

Храбрецов, героев первого броска, встречали с развернутым знаменем и барабанным боем.

Маленький барабанщик, вытянувшись в струнку, восторженно глядел на молодцов, устало бредущих от Невы. Палочки в его руках летали, неразличимо сливаясь в сплошную черту.

Бомбардирский капитан шагнул к Бухвостову, его черные выпуклые глаза увлажнились. Голос прозвучал хрипло:

— На смертное дело посылал я тебя. Но знал, что только ты и можешь свершить то надобное дело. Спасибо, Леонтыч!

Барабан заливался, захлебывался дробью. Васенка в эти минуты очень гордилась Жданом, братом и «дядь Сергеем».

Ждан, проходя мимо, бросил к ногам барабанщика куль со снедью, добытый в Нотебурге. Радуюсь тому, что дожил до этого прохладного утра, и тому, что видит Васену, весело крикнул:

— Отведай шведского сальца, дружок!

16. ПЕРЕД ГРОЗОЙ

«В сей день ничего знатного не учинилось», — так обозначено в походном «юрнале». А для Васенки и Ждана, кажется, во всю жизнь не было дня краше.

Солдатам, побывавшим в первом броске, дали целые сутки отдыха. Васена же на этот день отпросилась у капрала собирать лекарские травы.

Отпроситься было нетрудно. Васену в полку любили и баловали. Солдат радовало, что она, несмышлениш, ребяенок, вместе и рядом с ними. Это напоминало о доме, об оставленных семьях. Почти у каждого за тридевять земель отсюда была такая же сестренка или дочка. Не одному казалось, что Васенка очень уж похожа на его Клашку, Маришку либо Аксютку. Тоскуя по родному дому, люди дарили свою отцовскую и братскую любовь этой девчушке, таким тяжким путем попавшей сюда, в Приладожье.

О том, что маленький барабанщик — девчонка, в полку знали все. Впрочем, все, да не все. И это самое удивительное в судьбе Васены Крутовой. Правду о ней знали солдаты. Ничего не было известно офицерам, кроме Бухвостова. Голицын был твердо убежден, что в его полку барабанщик — мальчишка, подросток, как и в других полках.

Это был солдатский сговор. Никому и в голову не приходило выдать крепостную, бежавшую из села от злого боярина. А то, что она так неожиданно встретила его в полку, придавало сговору особенную значимость.

Окольный Меншой Оглоблин «за ненаuku», «за поносные слова государеву имени» находился в тяже-

лой опале. И еще должен был благодарить бога, что остался жив. Петровская опала чаще всего вела на плаху.

По сравнению с этим солдатская служба считалась милостью. От Оглоблина в строю было мало прока, и его вскоре отослали в обоз. Дело бывшему окольному дали самое милое. Он таскал в батальоны ведра с кашей.

Однажды при таком походе Оглоблин встретил маленького барабанщика и узнал Васенку. Мысль рассказать о ней Голицыну была заманчивой. Но только в первую минуту. Хотя опальный боярин отроду не был наделен мудростью, он без труда сообразил, что в таком случае немой Родион либо Ждан, а то и первый попавшийся солдат раскроит ему голову. И никто не станет придиричиво разбираться, отчего он погиб — от шведского ядра либо от русского тесака.

Васена же ничуть не испугалась встречи с Оглоблиным. Даже вызвалась помочь ему нести ведро.

Осмелела девчонка, знала — есть кому заступиться за нее...

В полку так привыкли к маленькому барабанщику, что обойтись без него казалось уж совсем невозможным. Солдат, услышав дробь барабана, мысленно говорил себе: «Тут она, Васенка-Васек, с нами, русая головка без косиц».

Когда начиналась перепалка, барабанщика прогоняли в обоз, а то укрывали за земляным бруствером. Никто не говорил дурного слова. Только однажды увидела девушка сердитое лицо Ждана и слышала его сердитый оклик.

В тот день шведы сильно донимали наших мушкетерным огнем. Васена слушала, как свистят пули. Стук — в дерево угодила, шмяк — в землю зарылась... Вдруг ее схватили за плечи и отбросили прочь. Это был Ждан.

— Уходи! — кричал он. — Видишь, что тут творится? Уходи скорее!

Васена очень обиделась, даже разревелась. Потом поняла, что Ждан уберег ее от пуль, и лицо у него было не только сердитое, но испуганное. Обида прошла.

Была еще причина, по которой Васенка очень быстро стала нужным человеком в полку. Это — унаследованное от отца и матери умение врачевать травмами. Многие ра-

ненные солдаты спешили к ней, а не к полковому лекарю. Дело тут, конечно, и в том, что у лекаря — безжалостные лапищи, у Васены же легкие, ласковые пальчики, и голосок срывается от жалости. Главное — хорошо помогали ее травы.

Вот почему капрал без лишних уговоров отпустил барабанщика в поля за травяным припасом.

Васенка и Ждан ушли на болота за речку Назию. Места тут неказистые. Кочкарник порос калиновыми кустами. Рябина светилась переспелыми, схваченными морозцем ягодами. Ольха под ветром трещала оголенными ветвями.

Все здесь неприметно, как бывает на болоте поздней осенью. Но Васена прыгает с кочки на кочку, как птица, сбоку поглядывает на Ждана и говорит без умолку. Ждан диву дается, когда она успела разузнать все про здешние поля, леса и болота. Словно тут родилась, и нет для нее окрест ничего скрытого.

— Смотри, смотри, Жданушка! — зовет Васена.

И молодой солдат таращит глаза, сам не понимая, как прежде не замечал такой красоты. Васенка носком сапога отбросила с тропинки черный, жухлый листочек, а под ним — другой, точно из серебра кованный, весь светится снежными звездочками.

Вот темно-зеленый мох — ягель, а рядом — глубокие, еще не залитые водой лосиные следы. Видать, недавно добрый зверь прошел. А там алеет клюква, как самоцветы, брошенные щедрой рукой.

У Васенки горсти полны темных, блеклых стебельков.

— Это — зверобой, — объясняет она, — это цвелый ландыш. А это — царские очи.

Молодому солдату невдомек, почему скукоженная на холоде травка зовется таким именем.

— Посмотрел бы ты, как цветут царские очи, — говорит девушка, — утром мимо пройдешь, не заметишь. А в полдень остановишься, как замороженный. Цветок этот раскрывается всегда в полдень... Старухи знахарки рассказывают — есть у него приворотная сила. Не знаю. А что он кровь вяжет, — правда...

Долго вдвоем бродили по болотам и перелескам. Время летело быстро. Ждан удивился, увидев предве-

черный туман на полях. «Хоть бы заблудиться», — подумал молодой солдат.

Но впереди уже виднелись огни лагеря.

Над Невой — тишина. Крепость посреди реки кажется высеченной из одного камня. И там тоже — ни выстрела. Как будто война кончилась...

Ждан рванул полог палатки, радостный, говорливый, нагнулся под холщовыми скосами.

— Тишина, как у нас в деревне бывало, — сказал он. — Похоже, людям воевать надоело.

В палатке на брошенной наземь шубе сидел Бухвостов. Он поднял голову, посмотрел на солдата и сказал внушительно:

— Зря тишине радуешься.

Бывалые воины тишины боятся. Она всегда перед грозой.

Сергей Леонтьевич только что вернулся из «Красных Сосен». Невеселые мысли тяготили его. Осада крепости шла трудно. Несмотря на сильный пушечный обстрел, несмотря на удачную первую вылазку, Нотебург держался крепко. Решимость шведов обороняться отнюдь не была поколеблена.

Все старые, испробованные во многих боях средства к взятию твердыни здесь, под Нотебургом, не годились. Попытались через протоку переправить стенобитную машину. Шведы ее потопили вместе с ладьями, на которых она была уложена. Но и переправили бы — какой от нее толк? Кромка суши у стен так мала, что машину не развернешь.

В старину верней всего брали крепости подкопом. Выкоп ход под землей, вкатят туда бочки с порохом, пустят к нему огненную змейку через пеньковую вервь. И взлетят в воздух башни и стены. Но как быть тут, на берегу Невы? Вырыть ход под речным руслом? Нашли обвалившиеся подкопы — им не один десяток лет. Пробовали углубить. Залило водой. Бросили. О таком деле и думать нечего.

Грустно Сергею Леонтьевичу оттого, что он знает — будет так, как и прежде бывало. Все решится кровью. То, что огнем и ядром не сделано, сделают человеческие руки. Те холопы загорелые и бессмертные руки, что пашут землю и поднимают города повсюду на Руси. Ты-

сячи жизней будут брошены в сражение, как стружка в костер...

Бухвостов много лет уже в безысходных боях и походах, а все не может привыкнуть к тому, как умирают люди.

Сергей Леонтьевич вцепился пальцами в шубную шерсть. Запах отсырелой овчины душит, душит...

— Господин сержант, а видал ты когда-нибудь цветок царицы очи?

Это спрашивает Ждан. Он сидит на земле, обхватив колени, и смотрит в темноту.

— Чего ты мелешь? — недовольно отзывается Бухвостов. — Какой еще цветок?

17. «ВЗЯТЬ ВЗЯТЬЕМ!»

Как только стало известно, что крепость велено «взять взятъем», то есть приступом, на обоих берегах Невы начали готовиться к большому бою.

Пожилые солдаты были торжественно серьезны. Переодевались во все чистое. Один у другого просили прощения в обидах вольных и невольных.

Ширий сидел на высокой кромке штерншанца, болтал ногами и с умильным видом приставал к Жихареву:

— Логаша, не попомни злым словом... Логаша, явил я тебя. Поверь, без умысла...

Жихарев, поглощенный работой, покосился цыганским глазом на Ширия. Приметил смешинку в его растянутых губах, сказал неодобрительно:

— Суеслов ты, Троха. Право, суеслов!

Пушкарь длинным банником будто нечаянно задел сиповщика. Он обиженно спрыгнул с краешка окопа, ушел.

На штерншанце пушкарни обхаживают своих медных красавиц, убирают и чистят, готовят к сражению, как невесту к свадьбе. Жихарев перекладывает горн, перешивает мехи. Значит, снова пойдут в ход каленые...

Повсюду в полках солдатам розданы приступные лестницы. Тонкие, длинные, на весу гнутся. Голицын учил солдат, как те лестницы переносить, ставить к

стенам, как бежать со ступени на ступень вверх. При-
слоненные к елям, легкие, едва сколоченные планчатые
лестницы падают, рассыпаются.

Михайла Михайлович бегаёт в своём развевающемся
плаще, сам лезет на ступени. С последней перекладки
размахивает клинком, лицо покраснелось, глаза —
огонь. Будто князь и в самом деле попирает стены Но-
тебурга.

Вдруг Голицын начинает ругаться. От гнева вздра-
гивают крылья тонкого носа, брови плотно сдвинулись.
Полуполковник то взбежит на лестницу, поглядит вниз,
то с подножия смотрит в высоту. Так и есть — недо-
мерок!

Голицын приказывает наращивать лестницы, прибав-
лять по две, по три ступени. Но многого сделать уже
нельзя. Темнеет.

С левого берега отваливают лодка за лодкой. Их
много. Не одна сотня. На лодках — набранные по всем
полкам удалцы. Михайла Щепотев — в мундире с па-
радной перевязью. Ярко начищенный эфес шпаги све-
тится в темноте. Щепотев во весь рост стоит на раска-
чивающемся суденышке. Командует гребцам:

— Навались!

На другой лодке — Тимофей Окулов. Он ещё у при-
чала; слушает последнее напутствие. Отец Иван пере-
гнулся, весь подался вперед, чтобы быть услышанным:

— Как камни минуешь, берегись мелей.

— Все упомяну, — покорно отвечает сын.

— Потом держи на Посеченный нос. Слышь? На По-
сеченный!

Лодка отошла. Отец Иван не выдерживает и, подотк-
нув рясу за пояс, прямо по воде делает два шага, от-
деляющие его от лодки. Грузно переваливается через
борт и усаживается на корме, рядом с сыном.

— Уж лучше я с тобой поплыву. Один бесприменно
на мель напорешься.

Окулов-младший знал, что так будет. Ничего не го-
воря, подсовывает батюшке сухие сапоги. Окулов-старший,
кряхтя, выливает из своих зачерпнутую воду.

Флотилия прошла по озеру несколько верст. В
ночной мгле развернулась. Ни шума, ни всплеска.
Гребцы чуть шевелят веслами, лишь бы не снесло те-
чением.

В тишине неестественно громко слышится голос Щепотева:

— Где ты, Тимоша?

В ответ раздается:

— Я тут, Михайла Иваныч.

Щепотев руками расталкивает ближайшие лодки, пробирается к Окулову, становится рядом с ним, борт к борту.

Все молча вглядываются в чернеющий впереди массив крепости, справа и слева сжатый водой...

В это время на левобережном редуте, размахивая длинными руками, крупным шагом вперед-назад расхаживал капитан бомбардирский. Он остановился, прищурясь, посмотрел на луну, желтым светом озарившую реку и окрестные леса. Потом повернулся к подошедшему Бухвостову:

— Леонтыч, давай сигнал!

Сержант выхватил шпагу, подбежал к пушкарям. Сталь на взмахе холодно блеснула, застыла над головой.

Пушкарки зажгли запальники.

Бухвостов взмахнул шпагой. Еще. И еще.

Согласно и могуче заухали орудия. Прогремели нетерпеливо ожидаемые всей армией «три выстрела из пяти мортиров залфом».

Минуту длилась тишина. Должно быть, на батарее эта пауза показалась нескончаемой. Петр с такой силой сжал плечо Бухвостова, что он невольно посторонился, пошевелил рукой, проверяя, целы ли суставы.

Но вот оглушительно заревели десятки медных стволов. Ночное небо прорезали ядра. С берегов реки и с озера, со всех сторон к Нотебургу приближались густой стайей лодки, челны, парусники. Началось!

Внезапно вся крепость осветилась яркой вспышкой. Что-то там взорвалось. Не пороховая ли казна? В черное небо летели бревна, остатки кровли, комья земли. Занялся пожар.

Когда флотилия с озера подходила к Нотебургу, высокое пламя отражалось в воде. Лодки плыли, словно сквозь огонь.

С ходу врезались в песчаник. Солдаты прыгали на остров. Тут же выгружали лестницы. Бежали с ними к стенам.

Впереди солдат огромными прыжками мчался Щепотев. Он слышал за собой топот ног. Бежали вдоль берега к проломам, черневшим посреди каменных стен.

Здесь уже валялись разбитые лестницы. Стонали раненые и обожженные варом, который потоком стекал с башен. Солдаты с правого и левого берегов первыми поспели на остров, к крепости, и первыми схватились с осажденными.

— Посторонись! — крикнул Щепотев Трофиму Ширяю, который юлой кружился на месте и ладонями прибивал на себе тлеющий мундир.

— Ну, силища, ну, страховито! — вопил Ширяй, дуя на руки.

По лестницам ползли в высоту, в клубящийся дым солдаты. Ползли и падали обратно, нередко вместе с лестницами.

Где-то рядом дрался со шведами Тимофей Окулов. Слышался его голос:

— Получай! Узнал «русского Тима»? Вот тебе, знакомства ради.

Щепотев заметил, как отец Иван, стоя у подошвы башни, крестом благословлял идущих на приступ. Потом сунул крест за пазуху, схватил тесак, вывалившийся из рук убитого, и сам полез на лестницу.

Сержант видел это уже с высоты. У него не было времени ни ободрить, ни предостеречь старика. Щепотев по лестнице поднялся почти вровень с краем пролома. Но шведы не давали шага сделать дальше. Пролом густо щетинился саблями и пиками. Оттуда летели камни. Почти в упор стреляли из мушкетов.

С другой стороны острова, на противоположном фланге крепости, вел на штурм семеновцев полуполковник Михайла Михайлович Голицын. В квадратной башне виднелись под аркой окованные железом ворота. Но пробиваться в эти ворота было бесполезно. Наглухо забитые, загороженные бревнами, они не поддавались никакому напору. К тому же ворота были сбоку башни, и солдаты не могли вломиться в них грудью, а непременно должны были повернуться, подставляя себя под удар.

Только один путь оставался в Нотебург — через стены. Приходилось взбираться на самый верх. А там стояли в ряд «железные люди», латники. В блестящих до-

спехах отражалось пламя. Они звенели под ударами, острия штыков оставляли на них только вмятины.

«Железные люди» опрокидывали лестницы, сталкивали со стен на штурмующих огромные камни, рубили мечами. Падал один латник — его место занимал другой.

Голицын бросал на стены батальон за батальоном. Успеха нет. Родион и Ждан уже по нескольку раз побывали на лестницах, и либо падали, либо спускались на ощупь, полуослепленные огнем и дымом. Отдышавшись, хватались за мушкеты, посылали в шведов пулю за пулей. Но целиться снизу было неловко, затекали руки. Ждан злобно глядел на латников. Они перемещались вдоль стен грузно, неспешно. Молодой солдат думал, что теперь в доспехах уж не дерутся. Так вот же они, гремят стальными рукавицами.

— Добраться бы до них, только добраться!

Чернову казалось, что он те слова не сказал, а подумал. Но в действительности прокричал их во всю глотку. Находившийся неподалеку Голицын услышал и ответил:

— Доберемся! Слышите? Слышите? Вот какую подмогу нам пушкари кидают!

Полуполковник обращался к семеновцам, желая их ободрить, бросить вперед, снова вперед, к стенам. В воздухе гудело, гремело, переливались густые звоны. С лязгом прокладывали себе путь двенадцати- и восемнадцатифунтовые ядра. Разбрасывая и крутя воздушные потоки, летели на цель трехпудовые бомбы. Все это рвало и кромсало сердцевину Нотебурга.

Бой, тяжкий рукопашный бой, накалялся у самых стен. Сколько времени длится битва?

Голицыну показалось, что пожар внутри крепости стих, языки пламени потускнели. Он огляделся и понял — давно уже кончилась ночь. И над горящим островом, над людьми, задыхающимися в кровавой схватке, багровым оком поднялось дневное солнце.

В отчаянии, что крепость еще в руках у шведов, и враг силен, и не удалось ни на шаг подвинуться к победе, Михайла Михайлович закричал семеновцам:

— За мной!

Снова, уже не считая, в который раз, Голицын повел солдат на приступ.

Ждан повернулся к Родиону.

— Посмотрим, какие они железные!

И первый кинулся к лестнице. Ее верхние перекладины горели неярким, чадным огнем.

18. СТРАШНЫЕ МИНУТЫ

От бомбардирского капитана, командовавшего на левом берегу Невы, к Шереметеву, который со своей свитой обосновался на правобережье, через летучий мост непрерывно мчались конные вестовые.

Плохие были вести. На всем протяжении крепостных стен не взято ни с аршин места. Пробриться в бреши не удавалось. Ломовая артиллерия не затихала. От частой стрельбы начали плавиться пушки. Шведы держались непоколебимо.

Да и не надо было никаких донесений от фельдмаршала, от командиров полков. Зачем? Вот она перед глазами — картина битвы. Смежить бы веки, не видеть ее.

На береговом откосе, у самой воды стучат барабаны. Барабанщики стоят шеренгой. Летают палочки в их руках. «Вперед — на приступ! Вперед — на приступ!» — выпевает неумолчная дробь. У самого маленького в шеренге, белокурого, тоненького, остекленели глаза, вздрагивают губы. Для одних барабаны бьют посыл в битву, для других — отходную.

Через протоку к острову напрямик сквозь всплески, вскинутые ядрами, плывут лодки с солдатами. Возвращаются лодки с убитыми и ранеными.

Солнце миновало зенит и клонится к закату. Баталлия у стен Нотебурга длится бесконечно.

У капитана бомбардиров землистое лицо, синие губы. Он видит, как гибнут его лучшие солдаты... Тень нарвского побоища витала над любимыми полками. Нельзя, нельзя допустить их разгрома!

Посреди быстрой реки высятся стены, которые и в самом деле кажутся заколдованными. Не разбить их ядрами. Не испепелить огнем.

Что же это? Снова поражение? Нет сил снести тяжесть этой мысли. Отбой! Отбой!..

Бомбардирский капитан сгибается под сковавшей все тело судорогой. Лицо с торчащими усами страшно. Голос неузнаваемо силен:

— Леонтьич!

Бухвостов становится рядом. Петр не может оторвать взгляда от крепости, над которой застыло облако дыма и измельченного камня. Сержант слышит слова Петра:

— Спешу на остров. Передай мой указ — отступить. Помедлив долгую минуту, повторяет:

— Да, отступить!

Потрясенный Бухвостов пятится. Потом поворачивается и бежит к Неве. Он садится в первую попавшуюся лодку. Должно быть, на ней только что привезли раненых. Кровь пятнами запеклась на досках.

Без гребца, один, Сергей Леонтьевич выплывает в протоку. Течение быстрое. Одолеть его нелегко. Ветер с озера холодит кожу.

За веслами, в пути к крепости, Бухвостов неотвязно думает о тяжкой, не укладывающейся в сознании сути приказа, который он должен сейчас передать.

Отступить от Нотебурга! Значит, оставить в руках врага древний Орешек? Значит, не плыть российским судам к морю? И девяти столетнему владычеству шведов над Невой конца не видать?..

Нет, с этим смириться невозможно. Понадобятся годы, чтобы снова собрать силы для удара по Нотебургу. Но нанести этот удар будет труднее. Шведам уже известен замысел Петра, они укрепятся, увеличат армию. Как тогда брать крепость?..

Невольно Бухвостов замедляет движение весел. Лодку сносит. Ее сильно всколыхнуло. Сбоку взлетел водяной смерч и упал, обдав сержанта с ног до головы. Он выравнивает лодку, гребет изо всех сил.

Свистят ядра над головой. В воздухе носятся черные хлопья. Слышна частая стрельба. Крики. Звон и скрежет мечей.

Лодку вынесло на остров. Бухвостов выскочил и прикрутил причальную веревку к стволу ивы, чуть не падающей в воду. Он силится разобраться в том, что происходит на острове.

На узкой кромке берега осадные батальоны — без малейшего укрытия. Оно и невозможно здесь. Раненых

перетаскивают к длинному, полуразвалившемуся сараю. Но он уже горит, и к нему не подступиться.

У солдат только один путь, чтобы избыть неминуемую гибель — схватить врага за горло. Для этого они бросаются в огонь, в сечу. Не вперед, а вверх. На стены.

Полки смешались. Не понять, где дерутся преображенцы, где семеновцы. Двое солдат ведут третьего, в окровавленной одежде. Он вырывается, кричит:

— Куда вы меня ведете? Пустите! К башне! К башне!

Но из рук его вываливается сабля. Подгибаются ноги. Бухвостов узнает тяжело раненного, обезумевшего командира преображенцев майора Карпова. Должно быть, старшим на острове остался Голицын. Ему сержант и передаст петровский указ. Но даже сейчас, в самом пекле битвы, в душе Сергея Леонтьевича все те же сомнения.

Что ему велит солдатский долг: именем государя отдать команду к отходу, который сделает напрасной всю пролитую до этой минуты кровь? Или... команды не отдавать? Суд не страшен. И казнь не страшна. Сержант останется на острове и погибнет со всеми в последнем бою...

Голицына Сергей Леонтьевич узнал по черному летящему плащу. Плащ обгорел. В нескольких местах пробит пулями. Князь бежал к берегу, где в эту минуту с лодок высаживались солдаты. Опущенная к ноге шпага дымилась. Голицын нетерпеливо бил ею по высокому ботфорту. Сейчас полуполковник с новым отрядом вернется в бой.

Бухвостов подошел и, как положено перед старшим, держа треуголку на отлете в левой руке, старательно чеканя слова, передал государев указ отступить.

Наверно, Голицыну показалось, что он ослышался.

— Повтори!

Сергей Леонтьевич молчал. Сейчас он больше всего боялся, что князь обрадуется его словам. По-человечески — кто не порадуется возможности сохранить жизнь и что аду этому конец?.. Голицын кинул шпагу в ножны и схватил сержанта за отвороты мундира. С трудом переводя дыхание, спросил:

— После всего этого — отступить?

Командир семеновцев коротко кивнул в сторону горящей крепости. В его черных, навывкате, глазах сверкало бешенство.

— Передай там, — выкрикнул он, — что я уже не петров, а богов. Прощай, сержант!

Голицын ногой толкнул в воду пустые лодки. На берегу оставалась только одна, та, на которой приплыл Сергей Леонтьевич.

— Прощай! — снова сказал Голицын.

Бухвостов нагнулся, шпагой перерубил веревку. Лодка качнулась, закружилась, поплыла по течению.

Бухвостов догнал Голицына, который, на ходу проверяя курки пистоли, шел впереди солдат.

Те, кто был на острове, выбирали меж победой и смертью.

19. «ШАМАД»

Среди штурмующих лишь немногие оставались не израненными. Кого задел осколок лопающихся с диким шумом шведских гранат, у кого сабля оставила на теле кровавую мету, у кого ожог алым пятном расплылся по лицу.

Только счастливчик Михайла Щепотев был неуязвим. Дрался он весело, приговаривая к каждому удару: «Держи, не просыпы!». Лез в самую горячую потасовку. Но пули, похоже, облетали его. А занесенную над ним саблю он перерубал своею — старинной, булатнойковки.

Отец и сын Окуловы по-прежнему держались вместе, оберегая друг друга. Старик потерял священническую камилавку. Его седые волосы намокли кровью.

Трофим Ширий лежал рядом с поваленным деревом и причитал. Мало того, что он обгорел, так его еще придавил подрубленный ядром клен. Трофим хныкал от жалости к себе и оттого, что никто не хочет ему помочь, все спешат к стенам, в бой. Насилу упросил старшего Окулова:

— Батя, приходит мой последний час. Отпусти грехи.

По пастырскому долгу, утирая кровь с рассеченного лба, отец Иван наклонился над сиповщиком, но увидел злые, колющие глаза.

— Рано тебе помирать, сыне, — промолвил священник и, подозревая Тимофея, вместе с ним приподнял дерево. Ширяй встрепнулся, вскочил и сразу упал, взыв пуще прежнего. Ноги не держали его.

— Эх, батя, помирать неохота. Неужто и то будет, что меня не будет?

У Окуловых нет времени слушать его причитания. Оба собрались уходить. Но Ширяй, вдруг перестав хныкать, попросил:

— Хоть мушкет подвиньте.

Заряды были у Трофима на поясе. Он перевалился на брюхо и стал стрелять по шведам, высовывавшимся из-за зубцов.

Вот в это время, среди оглушительного железного стука и скрежета, прозвучал громкий голос Голицына, зовущего на последний штурм:

— За мной, братья! Вперед, орлы!

Битва, неотвратимо жестокая и кровавая, развертывалась на высоте у края стен. Под ногами штурмующих — горящие шаткие ступени.

Родион и Ждан упали с лестницы. Ругаясь от обиды и ненависти, снова упрямо полезли вверх. Чернов — первым, Родя — за ним.

Немой солдат не понял, что случилось. Ждан вдруг выпустил лестницу и начал валиться назад, на его руки. Родион успел только увидеть тускнеющие глаза друга. И в то же мгновение, закрыв полнеба, блеснул широкий меч.

Немой отшатнулся, тело Чернова соскользнуло и с раскинутыми руками рухнуло вниз. Родя ужаснулся. Он завыл жалобно и тоскливо.

Неотрывно, снизу вверх, смотрел он на стену, на латника, нагнувшегося вперед. Латник обеими руками медленно поднимал тяжелый меч. Но не успел поднять, Немой метнулся к вершине лестницы, схватил шведа за ноги. Тот, громыхая доспехами, полетел на землю.

Родя был уже на стене. Он бессвязно кричал, кому-то жаловался, что земляка и друга нет рядом. Подбежали двое шведов, без панцирей, без шлемов. Один сразу упал, разрубленный до пояса тесаком. Другой, закрыв лицо руками, бежал.

Мундир на плечах Родиона треснул по швам. Немой сбросил его, остался в рубахе.

Эту стычку на крепостной стене видели сотни солдат и на лестницах, и на каменистом берегу острова. Из края в край прокатился торжествующий клич.

Немой отбивался от наседавших шведов. Его теснили к кромке стены. Следующий шаг — над пропастью.

Но на стене уже Щепотев. А вот — и Голицын с Бухвостовым. Шведы бросаются к ним.

Что же происходило в пылающем Нотебурге?

Полковник Густав Вильгельм Шлиппенбах был опытным военным, посевшим в многих битвах. Гарнизон крепости он расставил так, чтобы каждый вершок стены держать под защитным огнем.

Основные отряды, которыми командовали майоры Леон и Шарпантье, оборонялись в башнях, каждая из которых сильно выдвинута вперед. Эти же отряды обстреливали подступы к куртинам. Все остальные дрались на стенах. Латники были использованы только в первые часы штурма. Сталью своих панцирей они как бы наращивали боевые зубцы.

Три пролома, сделанные в стене петровскими пушками, были невелики и никак не могли стать открытыми воротами в крепость.

Шлиппенбах надеялся вполне подтвердить неприступность Нотебурга. Но то, что произошло, оказалось несравнимым ни с одной из осад, известных полковнику.

В развернувшемся приступе было мало от военного искусства. Полковника поразили непрерывность и упорство, а всего больше — «чисто варварское», как он считал, презрение русских к смерти.

В Нотебурге, в общем, все шло отлично. Шведские солдаты были храбры и исполнительны. Офицеры аккуратно присылали рапорты в кабинет коменданта — огромное помещение с узкими стрельчатыми окнами, пробитыми в толстых стенах.

Но вдруг все изменилось. Полковник не мог определить, когда наступил перелом. С тех ли минут, как русские пробились на верхушку стен? Или после того, как в крепости взорвался «огненный шар»? Это было не ядро и не обычный каркас, к которым шведы привыкли.

Пламя мгновенно охватило деревянные постройки. Оно неудержимо приближалось к пороховым погребам.

Пожар, не сравнимый с тем, что уже пришлось пережить шведскому гарнизону, разрастался. В эти часы у Нотебурга оказалось два врага. Один по штурмовым лестницам лез на стены. Другой бушевал внутри крепости.

Полковнику Шлиппенбаху пришлось часть своих солдат, находившихся в башнях, занять тушением пожара.

Русские же шли на приступ волнами, непрерывно чередуясь и отступая, чтобы нахлынуть вновь. Всѣ новые солдаты бросались на крепость. Их не счесть. И они неустрашимы.

Только отбит один приступ, как уже доносится нарастающий топот следующей атаки.

Самый тяжелый штурм начался после того, как шведам показалось, что противник отброшен и силы его истощены. Шведы удерживали бреши. Но это уже не имело значения, коль скоро русские хозяйничают на стенах.

У Шлиппенбаха остались в резерве всего четыре человека — его ординарцы. Он послал их в бой. Наконец, наступило время, когда на требование помощи ему нечем было ответить.

С непокрытой головою, седоволосый, с лицом в морщинах и шрамах, он сам поднялся в башню. Его рыцарские понятия о воинском долге делали несовместимой жизнь с поражением. Но даже в этом, в честной солдатской смерти отказала ему судьба.

Решимость и силы защитников Нотебурга иссякали. Майор Леон оставил свой отряд, чтобы разыскать коменданта. Леон доказывал ему, что исход боя уже решен. Он настаивал, чтобы бесполезное сопротивление было прекращено и крепость сдана. К этому требованию присоединились все офицеры.

Шлиппенбаху ничего не оставалось, как вызвать горнистов и барабанщиков.

Над все еще не затихавшим сражением, над почерневшими от крови и дыма стенами, прозвучали протяжные звуки «шамада» — сигнала сдачи.

Нотебург молил о пощаде.

Скупы строки воинской реляции:

«Неприятель от множества нашей мушкетной, так же и пушечной стрельбы в те 13 часов толь утомлен, и видя последнюю отвагу, тот час ударил шамад и принужден был к договору склониться». Нотебург сдался русским войскам 11 октября. Договор был заключен на следующий день. Уважая храбрость противника, победители не захотели его унижения.

Пока армия приводила себя в порядок, опоминалась после нечеловеческого напряжения битвы и помогала раненым, два хитрющих старика, Борис Петрович Шереметев и Густав Вильгельм Шлиппенбах, обменялись отменно учтивыми посланиями.

Фельдмаршал впервые появился на позициях в высоком парике, от чего его длинное лицо обрело скорбную величавость. Он степенно запускал в волосатую ноздрю внушительные понюшки табаку.

Борис Петрович собирал складки кожи то над одной бровью, то над другой. Он не мог отказать себе в удовольствии изощренно тонкой иронии и в том, чтобы дать почувствовать этому потеющему шведскому полковнику свое превосходство. Пусть уж он хорошенько подумает над оказанной ему милостью.

Главный пункт капитуляции гласил:

«Позволено г. коменданту нотебургскому с его офицерами и их солдатами, и распущенными знаменами, с его гарнизонною и гремющею игрой, с четырьмя пушками железными, с верхним и нижним ружьем, с принадлежащим порохом и с пулками во рту, из учиненных трех проломов свободно и безопасно в Нарву вытти».

Шлиппенбах осторожно поинтересовался, сколь точно будет исполнен договор и не случится ли, что победители просто-напросто перебьют шведов.

Шереметев ответил, что обещание дано именем русского государя и под «паролем, который так непорочен, что не токмо христианам, но и туркам всегда сохранен».

В заключение шведский полковник спросил, не могут ли его осведомить о будущих намерениях предводителей русского войска.

Ответил сам Петр:

«Впредь будущие дела он полагает на волю вышнему, о чем человекам есть безвестно».

20. РОДОСЛОВНАЯ ПУШКАРЯ

Остатки шведского гарнизона покидали крепость без «гремящей игры». Ковыляли на самодельных костылях раненые. Офицеры шли с женами, опасливо поглядывая на победителей.

Петровские солдаты провожали уходящих добродушными шутками. Разбитый враг не возбуждал злобы.

Шлиппенбах постарался соблюсти до конца весь печальный для него ритуал сдачи крепости. Михайле Михайловичу Голицыну, как знатнейшему среди тех, кто штурмовал Нотебург, он вручил ключ от ворот.

Ключ был крупный, тяжелый, кованный из железа, с многими бородками. Но действительного значения он не имел никакого. Крепостные ворота оказались забитыми столь прочно, что предстояло снести их с петель вместе с замком.

Голицын отдал ключ Петру. Тот подкинул его на широкой ладони и сунул в карман камзола, сказав:

— Ужо пригодится...

В крепость входили через проломы в стене. Солдаты деловито осматривали Нотебург, как будто по-хозяйски хотели счесть, не напрасно ли выпущено по нему «в мимошедшую осаду» десять тысяч ядер, и сожжено без малого пять тысяч пудов пороха.

Весь остров дымился. Со стен осыпалась щебенка. Деревянные строения еще тлели нежарким огнем. Вид у Нотебурга, как у всякого взятого с боя города, был тревожно притихший.

Посреди незамощенной площади лежало брошенное в грязь зеркало веницейского стекла в парадной дубовой раме. В зеркале отражались медлительные серые облака.

Крепость пересекал неглубокий канал. Он начинался в Ладожском озере и выходил в Неву. Вода в нем была мутная. Плавало какое-то тряпье.

Больше всего дивились солдаты устройству цитадели, о которой перед началом осады рассказывал Тимофей Окулов. Это и в самом деле была крепость в крепости. Цитадель занимала угол острова, омываемый озером. У нее свои башни и стены. От всей крепости ее отделял ров с подъемным мостом. Цитадель могла бы защищаться даже после падения Нотебурга.

Солдаты оглядывали стены, сложенные из валунов, шупали покрытые местами слоем сажи камни, говорили разноголосно:

— Да, здесь пришлось бы помаяться.

— Этакую толщу никаким железом не прошибешь.

— Врагу за тем камнем, поди, неприятно было, под чужим небом.

— А нам на родной-то земле в самый раз.

— Наше все тут, русское. Деды сдали, а мы назад взяли!

Повсюду в Нотебурге, у проломов и на башнях, были расставлены караульные. Остальным солдатам в первый день освобождения крепости, после ратных трудов, дан был роздых. Кто спал, приткнувшись в укромном углу, а то и раскинувшись прямо на земле, посреди дороги, кинув ранец под голову, кто ходил, нянча подвешенную на перевязи раненую руку, кто чистил амуницию либо тут же приколачивал отставшие подметки к сапогам.

Между Ширием и Жихаревым разгорелся извечный солдатский спор. Оба сидели на орудийном лафете. Трофим старательно дул в сипку. Самочувствие у него было отличное. Ушибы и ожоги, полученные во время штурма, вовсе не болели. Все же он на всякий случай перевязал голову тряпичей.

Поднесенная к губам сипка звучала негромко. Но мелодия была такая простая, знакомая, что многие подошли послушать. Ну, будто не в крепости, посреди камней и боевой меди, пела немудрая берестяночка, а в раздольных полях, у синих лесов.

Только Логин не хотел слушать. Не мог он простить сиповщику слова, сказанные давеча о пушкарях.

— Довольно дудеть, — мрачно кинул Жихарев, — давай договорим.

— Чего говорить? — откликнулся Ширяй. — Про то все знают. Крепости берут пешие солдаты. И Нотебург мы взяли. Вот этими руками, — Троха потряс растопыренной, заскорузлой пятерней, — а пушкар на бережку сидели, пока мы тут страдали.

Он поправил перевязь и снова принялся за сипку.

Логин не мог стерпеть такой обиды. Глаза под упавшими на лоб кудрями сверкнули.

— Да ведь это наши ядра вам дорогу пробили, —

сказал он, — без наших мортиров вы бы на острове до сих пор куковали.

Ширий сыпал скороговорочкой:

— Не спорь, не спорь. Из нета не выкроишь естя.

И опять дул в берестяночку. Ему только и надо было взбесить пушкаря.

В спор ввязались еще несколько человек, и, наверно, не миновать бы драки. Но в это время из круглого окошка воротной башни высунулась голова пушкарского урядника. Он глазами разыскал Жихарева и крикнул ему:

— Логашка, подь сюда! Глянь, что открылось. Сатанинское наваждение, право слово.

Крепость по всем углам и каморам обшаривали полковые писари. У них на поясах — железные чернильницы. За оттопыренными ушами — перья. Глаза быстрые, придиристые. Толпой вслед за писарями шагали солдаты, доброхотные помощники. Они выволакивали из башенных казематов и подземных погребов всякую кладь. Вели счет взятым трофеям.

Пороху насчитали 270 непечатых бочек. Свинца оказалось 135 пудов в слитках да 4 пуда дощатого. Повсюду валялись ядра, гранаты, картечь.

Взглянуть на трофеи пришел Шереметев. Увидел горы воинского добра, закашлялся, сотрясаясь тучным телом. Даже парик съехал на сторону, и фельдмаршальского величия как не бывало.

— Ну и лиса же этот Шлиппенбах, — отирая старчески увлажнившиеся глаза, проговорил Борис Петрович, — я уж знаю, приедет полковник в Стекольну и начнет плакаться своему королю, как мне плакался: дескать, дрались до последней пули, мушкеты заряжали мелким камнем, и вместо гранат камни кидали... А тут сколько боевого припасу. С ним не один месяц продержаться бы можно... Нет, не скажет Шлиппенбах своему королю правды, что у русских кулак крепкий...

Писари со своими помощниками продолжали путь по завоеванному Нотебургу. Сколько неожиданного открывалось перед ними!

Множество казематов до самого потолка были набиты исправными мушкетами. Тысяча штук, не меньше. Узкий двор между полусгоревшим деревянным зданием

и крепостной стеной оказался заброшенным латами, кольчугами, шишаками. Кто-то из гвардейцев потехи ради напялил на себя пудовые доспехи. Шага не мог сделать. Упал — не подняться. Солдаты выволокли его из лат, как из капкана, чуть кожу не содрали.

С особенным вниманием писарская команда вела роспись захваченным пушкам. Было их 129 штук — железных, медных, дробовых. Самые тяжелые орудия для навесного огня покоились на широких плитах во дворе. Орудия для огня прямого прицела в три яруса заполняли собою башни.

Сейчас пушки молчали, почернелые, остро пахнущие пороховым нагаром. Среди них одна выделялась хитрой вязью узора, вычеканенного на тонком, длинном стволе. В башне было темновато. Зажгли смоляной факел и при свете его прочли русскую надпись, вырезанную на меди.

Вот тогда-то урядник и кликнул Жихарева.

Пушкарь склонился над стволом, прочел и ахнул. Схватил факел, приблизил его вплотную к орудию. Громко, по складам перечел надпись: «Отлита при великом государе Иване Васильевиче. Делал литец Логин Жихарев».

Это казалось чудом. Полуторавековая пушка хранила имя нынешнего мастера.

Вот ведь как бывает. В нотебургской башне пушкарь повстречал родича. Значит, в дальние времена у петровского пушкаря имелся знатный предок, и звали его так же — Логин Жихарев.

Какой он был, тот Логин? Такой же лохматый и цыганистый, как наш?.. Важно другое: мастер — из тех, кого зовут «золотые руки». Стоило прикоснуться к старинной пушке, чтобы понять это.

Ствол ее был украшен резным и чеканным рисунком, на медном теле сплетались листья. Ствол казался очень легким. Но его не могли оторвать от земли трое молодых. Логин отлично знал, каким трудом дается эта прекрасная легкость. Сколько пота пролито над каждым витком узора, над листочком, который, думается, вот сейчас слетит, закружится в воздухе. Но и этот узор только игра могучего мастера, игра, завершающая дело. А самое дело — медь, сваренная в печах и отлитая так, что выдержит искуc огнем и временем.

Согнутым пальцем Логин постучал по меди; припав к ней ухом, слушал звон. Литец и пушкарь был счастлив и горд. Он слушал голос своего далекого предка. Он нашел свою вековую родословную.

Для стороннего человека это был самый обыкновенный звон меди. Чуткому уху Жихарева он говорил многое: и сколько свинца в примеси, и как сушилась форма, и в каком огне калилась, и даже много ли ядер выбросило жерло.

Пушкарь не отходил от старого ствола, оглядывал и ощупывал его. Да, это настоящая работа. Орудие хоть сейчас ставь на боевую линию.

В крепости уже все знали о находке. Солдаты судили-рядили, как русская пушка попала в Нотебург. Наверно — при давнишней осаде. И вот, наконец-то, ее вызволили из плена.

Теперь у Логина Жихарева были две свои пушки.

21. ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ НОТЕБУРГА

В покоях бывшего коменданта крепости сумрачно и тихо. Узкие окна пропускали мало света. Под потолком двигались тени. На стенах косо висели писанные маслом портреты рыцарей. Такие же рыцари, без лиц, с плотными железными масками, стояли у порога.

Бомбардирский капитан Петр Михайлов ходил по каменным плитам и прислушивался к отзвукам своих шагов. Вид у него недовольный. Он не терпел больших комнат и, в особенности, высоких потолков.

Петру было не по себе. Он сердито повел бровями.

— Леонтьич, бери чернильницу. Пойдем отсюда.

Бомбардирский капитан вышел на крепостной двор, посмотрел на солдатскую толчею и зашагал к маленькой тесной каморе с сорванными дверями. Вкатил туда пустую пороховую бочку и поставил ее вверх дном. Придвинул к бочке ящик из-под картечи. Сел на него, вытянув огромные ноги в стоптанных башмаках. Бухвостову велел:

— Скажи там, чтоб не орали. Я писать буду.

Писать Петр не любил. Он по-мальчишески кусал

ногти, долго примеривался остро заточенным гусиным пером к листу. На бумагу летели чернильные брызги.

Лист был толстый, синеватый.

Бомбардирский капитан писал письма. Очень короткие, без особой заботы о связи слов. Он спешил отделаться от малоприятного занятия.

Польскому королю Августу:

«Любезный государь, брат, друг и сосед... Самая знатная крепость Нотебург, по жестоком приступе, от нас овладена есть со множественною артиллериею и воинскими припасы...

Петр

Из завоеванной нашей наследной крепости Орешка».

Главному «надзирателю артиллерии» Виниусу:

«Правда, что зело жесток сей орех был, однакож, слава богу, счастливо разгрызен. Артиллерия наша зело чудесно дело свое исправила».

Петр вытер перо о волосы.

Солдаты, перекликаясь и горлая песни, бродили по крепости. Бомбардирский капитан не усидел и в каморе, сгреб на край бочки чернильницу, перья, бумагу и вышел на площадь.

Разминаясь, вытягивая затекшие ноги, он смотрел на пеструю толпу. Увидел статного, чернобрового Голицына, поманил его пальцем:

— Князь! Поди сюда.

Михайла Михайлович раскраснелся, был весел. Петр глянул подозрительно:

— Неужто с Ивашкой Хмельницким переведался?

Но Голицын не терпел хмельного. Его одного бомбардирский капитан не заставлял пить на пирушках.

Петр обнял командира семеновцев, прижал к груди, крепко облобызал.

— Истинно витязь! Поздравляю тебя полковником.

Михайла Михайлович, кроме производства в следующий чин, был награжден также деньгами и деревнями. Среди тех деревень значилось и село Оглоблино, ранее отписанное в государеву казну.

Наград в этот день было много. Даже солдаты, или,

как их еще называли, «рядовые племянники» *, получили по нескольку медяков.

А Сергею Леонтьевичу Бухвостову бомбардирский капитан сказал:

— Для тебя есть награда особая. Погоди малость.

Внезапно загрохотали пушки. Все находившиеся на острове умолкли. Мортирный выстрел в крепости звучит совсем не так, как в поле. Каменные стены множат гул до нестерпимости. Все снимали шапки.

От цитадели к середине площади медленно шли сотни солдат. Они, потупив головы, несли тела своих погибших товарищей.

Бережно опустили их на землю. Отец Иван в своей обыденной черной рясе прошел меж рядами лежащих воинов, таких юных и так рано простившихся с жизнью. Повязка на лбу священника адела кровью. Он тихо шептал молитвы, устало махал кадилом. Вился сладковатый ладанный дымок.

Ничего торжественного, святительского не было в облике отца Ивана. Старый человек грустил по отлетевшим жизням.

Живые солдаты отдавали честь мертвым. Одни, склонясь, целовали их в жесткие губы. Другие сострадательно закрывали глаза, не увидевшие победы.

Васена шла рядом с братом. Родя плакал, размазывая слезы по лицу. Васена знала, что он винит себя в гибели Ждана, — почему на лестнице не был первым, почему не уберег друга?

Поравнявшись с Жданом, маленький барабанщик опустился на колени. Он положил на бездыханную грудь веточку брусники, осенние травы, которые лишь накануне они собирали вместе. Травы еще не успели завянуть.

Бухвостов стоял на коленях рядом с Васеной. Он смотрел на ее строгое лицо, повзрослевшее как-то сразу, в один день. Васена старалась не видеть, как опускали убитых в братскую могилу. Провела рукой по лицу. Оно было мокрым. Крупными хлопьями падал первый снег.

Солдаты в молчании проходили у края могилы, и каждый бросал горсть земли. Высокий курган поднялся

* В ту пору слово «племянник» употреблялось в своем старинном значении, указывавшем на принадлежность к роду, племени.

вровень с крепостной стеной. Мерзлые комья осыпались со скатов.

Снова выстрелили пушки. В крепости не нашлось колоколов. Петр ударил в железный лист, подвешенный на веревке. Был полдень.

Солдаты вслед за бомбардирским капитаном вышли за стены, на берег острова. Ладожский ветер крутил и рвал снежную завесу. Темная озерная вода медленно, мерно поднималась и опадала.

Петр на ходу подхватил обгоревшую штурмовую лестницу. Приставил ее к воротной башне. Не торопясь полез с перекладины на перекладину. Лестница гнулась. В правой руке у бомбардирского капитана был молоток, гвозди он держал в зубах.

На последней перекладине он выпрямился и достал из камзола ключ от крепости. Коротко, но сильно взмахивая молотком, прибил ключ над воротами.

Не оборачиваясь и не повышая голоса, хорошо зная, что люди внизу услышат, бомбардирский капитан сказал очень обиходно и просто:

— Крепость сию будем звать «Шлиссельбург», сиречь по-русскому—«Ключ-город». То и в самом деле ключ к Неве и к морю.

Мокрый снег все падал и падал. Он выбелил волосы Петра, залепил глаза, таял, растекался струйками. Петр слизнул снежинки с губ...

В этот день Шлиссельбург получил городской герб: ключ над боевым щитом.

Такой же герб—с ключом и щитом—был дан сержанту Сергею Леонтьевичу Бухвостову.

Кончились девять десятилетий Нотебурга. Орешек начинал свой новый век.

КЛЮЧ - ГОРОД

1. СТРОЯТСЯ БАСТИОНЫ

В Шлиссельбург понаехала родовитая знать. Показаться государю, в добрый час испросить милости. Повозки и лошадей оставляли в береговом лагере, сами переправлялись в крепость. Страшась и кланяясь до земли, говорили Петру славословные речи.

Бомбардирский капитан не слушал, сосредоточенный в своих мыслях. Он ждал из-за шведского рубежа ответного удара. Если придут с отмщением, только сейчас. Потом, когда проломы в стенах будут заложены, а войска отдохнут, уже нечего опасаться. Шведы могут появиться от Нарвы или Выборга, наконец от Ниеншанца. Надо было спешно возводить укрепления.

Петр заставлял работать всех, без разбора. Он только что отменил старинный обычай, по которому подданные становились перед царем на колени. Отменил потому, что тут, на Неве, в осеннюю непогоду земля плывет грязью.

Сейчас, в дни тревоги и ожидания, не мог он видеть людей, не занятых делом; холеные, чистые руки, униженные перстнями, вызывали гнев. Он совал лопату разодетым в шелк придворным, гнал их на бастионы. Рыть землю. Таскать камни.

Могучи стены Орешка. Высоки башни. Задумано укрепить Шлиссельбург по науке, именуемой фортификацией. Надобно встретить врага раньше, чем он подойдет к стенам и приставит лестницы. Для того у подножия башен выдвигаются вперед хитроумные бастионы, сделанные из земли и камня. Два фаса сходятся острым углом. Они расколют колонны штурмующих, как бревенчатые быки перед мостом разбивают лед. Бастионы достаточно велики, чтобы разместить в них крупный отряд с мушкетами и пушками.

Но берега острова размыты водой. Прежде всего — утвердить берега. Из полков отобраны лучшие плотники. Они сколачивают клетки из бревен, опускают их в воду, забрасывают камнями. В речное дно, по всему очертанию острова, вбивают ряжи.

Петровская армия поснимала мундиры. Не солдаты — работные люди вгрызаются в землю, кидают ее полными лопатами, рвут порохом, мельчат огромные валуны. Стучат топоры, остря бревна.

В двух местах, со стороны Ладоги и со стороны Невы, поднялись непомерно большие махины, на манер стенобитных. Но в них дубовая, подвешенная к вервяной снасти баба бьет не в бок, а вниз, с треском и громом вгоняет бревна в землю. «У-ух! У-ух!» — гремит баба.

Возводятся бастионы перед башнями. На ворóтной работает Петр, руки в ссадинах, штаны подвернуты на тощих ногах. На угловой башне — канцлер российского государства Федор Алексеевич Головин. На соседней — только что прибывший из Москвы, не успевший даже переодеться, постельничий Гаврила Иванович Головкин. Под началом у них — сотни людей. Работают по колена в ледяной, быстрой воде.

Капитан бомбардирский от воротной башни бегаёт по острову, орет, ругается. Мнится ему — всё делают не так, не сноровисто, без разума.

Около Головкина задержался, посмотрел, как он белыми пальцами тычет, показывает солдатам, куда ряжи спускать. Головкин увидел царя, побледнел, засуетился.

Петр ногой пнул бревно, туповато затесанное, сунул топор постельничему:

— Руби!

Гаврила Иванович неловко ударил, лезвие скользнуло по мокрому дереву. Петр зло округлил глаза:

— Крепче руби!

У Головкина разъехались по шву лазоревые, дорогого бархата штаны. Видна белая рубаша. Зазорно.

Петр ухмыльнулся. Размахивая волосатыми ручищами, побежал к Флажной башне. Два дня назад над нею развевался шведский флаг. Теперь полоскался по ветру петровский зеленый штандарт. Строившийся здесь бастион вдавался в озеро. Работали семеновцы вместе со своим полковником.

Спутались в махине веревки. Баба застряла в выси. Бомбардирский капитан с разбега ухватился за пеньковый конец, кричит Голицыну:

— Чего смотрел? Заводи снасть!..

Сергей Леонтьевич Бухвостов долго стоял на мысу у Флажной башни. Ладога дышала холодом. Но сержанту не хотелось уходить. Жадно смотрит-не-насмотрится на озерное раздолье. Запоздалая чайка с криком пролетела к синему дальнему берегу.

— Вольно тут, хорошо, — говорит Бухвостов Голицыну.

Петр, накричав, убежал на другой конец острова, и князь успел позабыть его гневные слова. Скроил рожу, показал, как бомбардирский капитан шагает, по-журавлиному вытягивая ноги...

С того часа, когда Сергей Леонтьевич повидал Голицына на штурме, проникся к нему уважением. Так солдат уважает солдата, с которым рядом в битву идет, пополам делит и хлеб, и судьбу.

Узнав, что Михайла Михайлович стал владельцем села Оглоблино, сержант порадовался. Тогда же решил — надо с полковником поговорить начистоту. Он все поймет, уразумеет, поможет. Но не было случая для такого разговора. Сейчас время подходящее.

Голицын положил руку на плечо Бухвостова.

— На холодке дышится легко, — сказал Михайла Михайлович, — а гляди-ка, скоро морозы пожалуют...

Сергею Леонтьевичу вдруг с удивительным ощущением яви припомнились бойкие, с золотинкой глаза Ждана Чернова. Ему уж не полюбоваться этим простором, не наполнить грудь осенней, бодрящей стужей.

— В семеновском полку, — повернулся Бухвостов к

Голицыну, — воевал солдат из твоего теперешнего села, Жданом звали.

— Рыжий-то? — откликнулся Михайла Михайлович. — Отвоевал он, а жаль. Сметливого холопа я потерял.

— Ты потерял холопа? — внезапно холодея недобрым чувством, переспросил Сергей Леонтьевич. — Солдат погиб, как настоящий герой. А ты говоришь — холоп!

— Так кто же он? — Голицын взметнул свои соболиные брови. — После войны, вернулся бы Ждан в деревню, может, я его старостой бы поставил... Я князь, он холоп. Это уж от бога... Ты что, Леонтьич?..

Бухвостов вывернул плечо из-под руки Голицына. Конечно же, он прав. Ничто не изменилось. На приступе, под огнем, командир семеновцев крикнул солдатам: «Братья!». Так что же, он и сейчас будет называть их братьями?

И опять, опять припомнились смелые глаза с золотинкой...

Сержант подумал о себе — он природный конюх, и мыслит, как конюх. Не понять ему князя, гедиминовича, владеющего неисчислимыми богатствами и людьми, смердами, рабами.

Сергей Леонтьевич угрюмо зашагал прочь.

Голицын озадаченно повел бровями. Что это, право, нынче все недовольны им. А он собой вполне доволен. И день такой славный.

Михайла Михайлович вернулся к солдатам, распутавшим снасть, но еще не подтащившим бревна к машине. Он по-петровски ошетирил усы и петровским баском рывкнул:

— Копаются тут!..

Летят дни. Солнце, встав над Ладогой, застает русских воинов в трудах. Уходит солнце на покой, а они все копают, рубят, отлогие берега острова выкладывают булыгой. Работают от света до света. Строят в крепости бастионы.

Начинался ледостав. Из озера выносило в Неву серые льдины. В протоках они кружились, сталкивались, ломались с гулким треском.

Теперь уже ясно, что шведы не скоро соберут силы,

и вряд ли вернутся к Орешку. Не опомнились еще от поражения.

На всякий случай в Шлиссельбурге был размещен гарнизон — три полка с достаточным запасом ядер, пороха, продовольствия. Остальные пехотные полки ушли в Псков и Новгород на зимовые квартиры*.

Щепотев попрощался с Окуловыми. На островном берегу обнялись, расцеловались. Отец и сын водой отправлялись к себе, в Олонец. Спешили, опасаясь, не затерло бы лодку льдом. Щепотеву — держать путь в другую сторону.

Гвардейские полки Преображенский и Семеновский чинили амуницию. Одевали чехлами знамена. Кормили лошадей перед дальней дорогой.

Со всей армии собрали лучших литаврщиков, гобоистов, сиповщиков. Среди них был и Трофим Ширяй.

Гвардия шла к Москве.

2. БЕЛОКАМЕННАЯ

На дневку остановились в Вышнем Волочке.

Сергея Леонтьевича потянуло побывать в Оглоблине. Он оседлал коня и по ранней пороше поехал в село.

Мелкая речушка замерзла до самого дна. Знакомые петляющие берега занесло снегом; конь проваливается по брюхо.

В селе было тихо. На соломенной крыше амбара лежала зубьями вверх борона. Где-то мычала корова. Собачонка вывернулась из подворотни, лениво залаяла.

Лишь на боярском подворьелюдно. Не слезая с седла, Сергей Леонтьевич увидел князя Голицына, окруженного дворней.

Стоял он почти на том же месте, где Бухвостов впервые свел знакомство с Оглоблиным Меньшим. Но не было собачьих свор. Не было и шутов с дудками.

Молодой черноусый полковник, красиво избоченясь, говорил что-то своим новым крепостным. Говорил стро-

* Первым комендантом и губернатором Шлиссельбурга стал друг и соратник Петра, огличившийся при штурме крепости, А. Д. Меншиков.

го, но милостиво — так казалось по выражению его лица. Лысый старик стал на колени, лбом стукнулся о пол, подполз, поцеловал княжескую руку...

Бухвостов толкнул коня шпорами, поехал к краю села.

Возле хатки на обрыве соскочил, подошел к колодезю. Вода в нем совсем высохла, виднелось промерзлое комковатое дно.

Хатка осела на бок, бревна расщелились. В пустые оконницы нанесло много снега.

Повернув за угол, сержант увидел Родиона. Он стоял с опущенной головой, руки сжаты на груди.

Немой заметил Сергея Леонтьевича, но даже не повернулся к нему. О чем думал солдат? Об отце с матерью? О семье, которой нет? А может быть, просто о хате — надо бы подпереть ее, не то совсем развалится...

Долго не решался сержант подойти к нему. Потом легонько тронул его за руку.

— Полно, Родя. Поедем.

Солдат выпрямился. Его конь стоял у прясла; разогрев дыханием снег, пощипывал прошлогоднюю траву. Бухвостов разглядел деревянный сундучок, притороченный к седлу.

Сержант и Родион отправились через все село пешком. Лошадей вели в поводу.

За гумнами около избы, похожей на сараюшку, немой начал торопливо отвязывать сундучок. Взял его в обе руки. Подошел к двери и остановился, словно заппнул о порог.

Подумал, тяжело вздохнул и плечом толкнул дверь. В избе было темно. Сергей Леонтьевич не сразу заметил старую женщину, сидевшую одиноко за столом. Она узнала немого. Подошла к нему, ласково сказала:

— Родюшка...

Но увидела сундучок, отшатнулась.

Немой поставил сундучок на стол. Женщина боязливо, веря и не веря, на что-то еще надеясь, протянула руки, подняла крышку. В сундучке лежал солдатский мундир, ременная портупея. Все это — незнакомое, чужое — прочь, прочь. Но вот белая свитка. Женщина узнала петельки, обметанные ее рукой. Заголосила.

Только теперь Бухвостов понял, что перед ним мать Ждана Чернова.

И она припомнила сержанта. Сухими, светящимися в сутеми глазами она посмотрела на него. Крикнула с ненавистью:

— Ты увел моего сына на царскую службу... Будьте же вы прокляты вместе с вашим царем-ненасытой... Жданушка, родимый...

Женщина зарылась лицом в свитку, затихла.

— Прости, мать, — еле слышно проговорил Сергей Леонтьевич, — прости ради бога, — и, осторожно ступая, вместе с немой вышел из хаты.

Холодным декабрьским утром Москва встречала победителей Нотебурга.

Огромный, запорошенный снегом город с ночи прибирался. Вестовые скакали из Кремля на окраины. Бояре и духовенство в каретах, поставленных на полозья, мчались к Всесвятской заставе. С колоколен плыл торжественный ранний благовест. Жители сбегались на Тверскую.

Москва оживленно шумела. С высоких приречных скатов она виднелась вся — город в городе и еще город.

Москва открывалась высоким земляным валом с густым частоколом наверху. На обочинах дорог лепились серые избушки Земляного города. За ним тянулись шумливые слободы, опоясанные каменной стеной Белого города. Тут жила мастеровщина и служилый люд — бронники и медники, зелейщики и сыромятники, серебряники и шорники.

Но все это лишь присказка к Москве. Таких домишек, таких кривоколенных улочек на Руси много. Только тут их сгребли в неоглядно большую кучу.

Настоящая столица начиналась за стенами и башнями Китай-города. Здесь в гостиннодворских амбарах — товары со всего света. В торговых рядах услышишь немецкую и персидскую и всякую другую иноземную речь.

Отсюда хорошо виден раскинувшийся на обширном холме у слияния Неглинной с Москвой-рекой Кремль, истинное чудо из чудес. Весь — белокаменный. За громоздкими зубцами стен, за суровыми древними башнями — золотое многоглавье соборов, приказные хоромы,

дворцы. А над ними, как свеча, вскинута в небо колокольня — Иван Великий. С его маковки видно все окрест на десятки верст. Врагу не подойти неожиданно.

У царева дворца в Кремле имя простое — «верх». Дела всей русской земли, как в кулаке, зажаты в «верху».

В этот день, еще до зари, народ начал собираться к Кремлю. Спешили конные и пешие. Вершники, помахивая плетями-семихвостками, прокладывали путь боярам, послам, именитым государевым людям.

Петровские войска вступили на Тверскую улицу, миновав трое триумфальных ворот. Гремели литавры. Над толпой взлетали в воздух шапки. Озорные мальчишки крутились под лошадиными копытами. Кони храпели, становились на дыбы.

Смолкли литавры. В воздух врезалась барабанная дробь. Вопя от восторга, мальчишки бежали за самым маленьким в ряду барабанщиком, русым, сероглазым хлопчиком.

Под развернутыми знаменами шел Семеновский полк. Солдаты — в зеленых мундирах, и только полковник Голицын — в синем. Преображенцев вел полуполковник Дмитрий Карпов, бледный, еще не оправившийся от ран.

Впереди головной роты гарцевал на игреневом иноходце Михайла Щепотев. Из-под копыт летели комья снега. Молодки, прикрываясь рукавичками, поглядывали на сержанта.

Пешком шли пленные шведы, вперемежку солдаты и офицеры. Они шли торопливо, стараясь укоротить тяжелый для них путь. Одни тревожно озирались, другие понуро смотрели под ноги.

За взятым в Нотебурге шведским стягом, который несли копьём вниз, ехал во главе бомбардирской роты капитан Петр Михайлов. Одутловатые щеки разгорелись, рот непослушно ползет на сторону. Длинные ноги ищут, не находят стремян.

За ним покачивается в седле «первый российский солдат» Сергей Леонтьевич Бухвостов. Кажется, он не замечает ликующей толпы, глядит поверх голов.

Широкая Тверская будто сузилась, зазвенела переливчатыми криками, когда на нее выкатились пушки и мортиры — знатный трофей, добытый в Нотебурге. В столицу привезли восемьдесят пушек, все исправные. Каж-

дому москвичу хотелось дотронуться, пощупать эту боевую, ныне молчащую медь.

Величественный, в напудренном парике, гордо поглядывая вокруг, подлинный триумфатор, трясся в возке фельдмаршал Борис Петрович Шереметев. Рука, унизанная перстнями, сжимала табакерку.

В приличном отдалении, чтобы не беспокоить фельдмаршала скрипом колес, ехало двадцать обыкновенных телег, доверху нагруженных шведскими мушкетами и пистолетами.

На последней телеге, привалясь к грядке, сидел Трофим Ширий. Он дудел в берестяночку, хорошо зная, что в грохоте воинского шествия никто не услышит ее простого, деревенского голоса. Для себя самого наигрывал.

Трофим смотрел на Москву широко раскрытыми глазами. Народу-то, народищу! Что же, ты и вправду, Москва-матушка, слезам не веришь?..

Вот так начинался праздник во славу и в честь освобождения Орешка*.

3. «ОГНЕННАЯ ПОТЕХА»

Шлиссельбургские торжества в Москве продолжались долго. Они закончились «огненной потехой», сожженной на Красной площади.

Солдаты, приведенные с берегов Невы, находились на постое в пригородных селах Преображенском и Семеновском. В Москву отпускали не часто, опасаясь озорства. Службой не донимали. Как-никак — праздник добыт их руками.

Посмотреть «огненное действо» отпустили многих, на целый день, но с самым строгим наказом — к полуночи вернуться в села.

Брат и сестра Крутовы на праздник не просились. В Преображенском искали они могилы своих родителей. Соборный псаломщик, под великой тайной, на старом, заброшенном кладбище показал им место, где хоронили замученных в застенке Преображенского приказа. Это были едва приметные над землею холмики, без крестов, даже без имени погребенных. На одной такой могиле

* С тех пор шлиссельбургский праздник стал всероссийским. Отмечался он каждый год 11 октября, в день победного штурма.

Родион и Васена разгребли снег; насыпали хлебных крошек, чтобы птицы слетались...

В полковой стан брат и сестра вернулись вместе и порадовались непривычной тишине в палатках и хатах. Почти все ушли в Москву.

Трофим Ширяй спозаранку увязался за Бухвостовым и Щепотевым. Но знал бы сиповщик, что ждет его в белокаменной, — пожалуй, и не спешил бы.

Начался же этот день удачливо. Солдат и оба сержанта долго ходили по узким, заполненным людьми улицам. У Трофима, как говорится, глаза разбегались. В толпе толкались разносчики, выкликали свой заманчивый товар.

— Вот сбитень! — басил здоровенный мужик, ухватив под мышку бочонок с затычкой. — Сбитень горячий, пьет приказный, пьет подъячий!

Старуха, замотанная в теплый плат, заливисто и без остановки выпевала над корзинкой:

— По ягоду, по клюкву, по хорошу, крупну!

— Патока с инбирем! — слышался голос, а чей — не видать; плывет глиняный жбан над головами. — Варенная с инбирем!

Солдат и сержанты поели гречневых пирогов, запили киселем. Потом присоседились к рослым молодцам, которые у Иверских ворот играли в бабки. Да, видать, напрасно: из троих только Щепотев умел с одного удара вышибить кон. А Сергей Леонтьевич, как ни кинет битю, все мимо. Пришлось бы ему, при своем звании и седине, провезти на закуорках веселящихся молодцов. Троха шутил над Бухвостовым:

— Это тебе не Нотебург брать!

Но, когда проигрыш стал уже совсем явным и здоровенный парень собирался прокатиться на неудачливом игроке, Ширяй рассвирепел:

— Ты одурел, что ли? — набросился он на парня. — Это же сержант государева войска. А ну, садись!

И подставил свою спину. Ничего не поделаешь, долг платежом красен. Под улюлюканье молодцов Трофим вприскокку провез оседлавшего его победителя.

В бабки решили больше не играть.

Ходили по лавкам. Слушали балалаечников. Отведали горячих блинов. Статная, краснощекая повариха торговала ими посреди улицы. Из стянутой обручами

кадушки валил вкусный пар. Похвалили блины. Похвалили повариху.

В полдень Бухвостов, Щепотев и Ширяй оказались в тупичке, около листа, прибитого к тесовому забору. Лист был исписан кривыми строчками. Сергей Леонтьевич прочитал вслух:

«Сим всему миру являет Яков Андреев сын Гасениус, часового дела мастер, что на дворе окольного Головина, у Николы на столпах, установлено счастливое испытание, по иноземчески называется лотерея, где всем охотникам или охотницам вольно свою часть испытать, како добыть тысячу рублей за гривну».

Трофим выслушал и недоверчиво переспросил:

— Тыща рублей за гривну? Такого быть не может.

Бухвостов закончил чтение:

«В сем деле будет равная оправа, како вольному господину, тако же и рабу и младенцу без всякого обмана».

Пошли разыскивать Гасениуса. Сделать это было нетрудно. Церковь Николы на столпах высокой колокольной громоздилась над хибарами. Часовщик жил в доме, за тыном. Здесь толпилось уже немало пожелавших испытать свое счастье.

Всего заманчивее — не деньги, а выигрыши вещественные, заполнявшие двор. Тут были пестро раскрашенные короба, женские полушалки и мониста, глиняная посуда и даже всякая живность: куры, индюшки в клетках, теленок, высунувший лобастую голову из хлева.

Устоять перед таким соблазном невозможно. Многие уже отдали свои гривенки пронырливому Гасениусу. Для многих почтенный слепой старец тянул из шапки ярлыки или лоты, только всё пустые.

Бухвостов и Щепотев попробовали и ничего не выиграли. Так как у Трохи денег не было, они сложились и дали ему гривну. Ширяй подошел к слепцу.

Старик протянул ему лот. Гасениус взглянул, заволновался, завздохал. Вошел в хлев и вывел оттуда белого козленка.

— Выиграл! — завопил от радости солдат. — Мне бог дал, а вам посулил.

Сержанты поудивлялись ширяевой удаче.

— Да что ты с козленком-то будешь делать? — поинтересовался Сергей Леонтьевич.

За всю жизнь у Трохи никогда ничегошеньки не

было. А тут — целый козел. Солдат накинул веревочную сворку, потащил свой выигрыш со двора.

Надо было спешить. Вечерело. Не опоздать бы на «огненную потеху».

До Красной площади добрались уже затемно. Площадь колыбалась множеством заполнивших ее людей. Все смотрели в небо, ждали. И вдруг из тысяч и тысяч глоток вырвалось:

— Началось! Началось! Ух, знатно!

Небо расцвело пестрыми верховыми огнями. Они взрывались, угасали. А на смену им с земли летели с треском и завыванием новые узоры, сотканые из разноцветного пламени.

У кремлевской стены осветились трехсаженные щиты. По краям и по всему контуру рисунка горели яркие фитили.

На одном щите архангелы с крыльями за плечами держали развернутый свиток. Ширий сразу узнал нарисованный на нем Нотебург, с островерхими башнями и дымом пожарища. Это было понятно. Наверху свитка две склоненные фигуры зачем-то протягивали венок лысому старику. Вот уж тут ничего не разберешь.

Бухвостов неторопливо объяснил:

— Сие есть аллегория. Богиня мудрости Паллада и бог войны. Марс венчают ученого монаха Бертольда Шварца, яко он изобрел порох...

Другой щит еще великолепней: фрегат под всеми парусами, минуя стены крепости, плыл в море. Надпись гласила: «Желания его исполняются».

Третий же щит был загадочен. Он изображал существо с двумя лицами — старческим и юным. В его правой руке зажат ключ, в левой — замок. Надпись ничего не объясняла: «Богу за сие благодарение, о сем прошение».

Сергей Леонтьевич мог только растолковать, что двуликое существо — опять-таки древнеримский бог Янус, бог всякого начала. За что благодарение — уразуметь нетрудно. Но о чем прошение? Почему ключ в руке — ясно. Это теперь уже всем известный знак Шлиссельбурга. А замок? Зачем замок?..

Щепотев, не любивший отягощать себя напрасным раздумьем, заметил:

— Поживем — увидим.

Через минуту начался такой шум и грохот, что человеческий голос не слышать. Померкли щиты, угасли узоры в небе. Запылали низовые огни на Москве-реке.

Причудливые жар-птицы носились над водой. Лебеди изгибали стройные шеи. Стаи уток ныряли и вдруг, взметнувшись в воздух, взрывались, рассыпая слепящие искры.

Трофим любовался невиданным зрелищем. Вот праздник, так праздник! Солдат держал козленка на руках, чтобы в толпе его не задавили.

Закончилось «огненное действо». Народ с площади не расходится. Толпятся, перекликаются.

Такое веселье очень понравилось Ширию. Он хотел сказать об этом сержантам. Оглянулся, а их нет. В людской сутолоке потерялись. Трофим попробовал окликнуть товарищей — никто не отозвался.

В толпе он увидел четверых знакомых солдат-преображенцев. Очень обрадовался им. Преображенцы спрашивают:

— Ты чего с козлом?

— Выиграл.

— Вот удача!

На Спасской башне пробило полночь.

Трофим от ужаса так и присел с козленком в руках.

— Робята, припозднились мы. Что делать?

— Не иначе, спустят нам шкуру батогами, — мрачно молвил один из преображенцев, которые, так же как и Ширий, не уследили за временем.

— Бежим, робята, бежим!

Ширий и за ним четверо пустились вприскок по темным улицам. Но до Преображенского далеко. Не добежать.

Из переулка выехала карета. Просторная, с расписными дверцами. Впряжены в нее были парой рослые гнедые лошади.

Трофим выскочил на середину дороги:

— Сто-ой!

Кучер видит — подходят еще четверо. Натянул вожжи. Распахнулась дверца кареты. Старая важная боярыня замахала на солдат руками, прокричала что-то гневное, непонятное.

Сиповщик, поклонясь, с учтивством просил помочь в беде, довести до Преображенского. Боярыня зашлась

от крика. Но другого выхода у солдат не было. Трофим остороженько водворил старуху на место. Впихнул в карету козленка. Велел преображенцам:

— Садись!

Кучеру:

— Гони!

Помчались, кто стал на полозья, кто на дверные ступени. У лошадей — пена с губ. Живо доехали до села. На прощанье сказали кучеру:

— Спасибо, выручил. Езжай по-здорову!

Утром в селах Преображенском и Семеновском начался розыск: кто из солдат разбойным делом угнал карету с лошадьми? Карета была не чья-нибудь, а самого фельдмаршала Шереметева, и находилась в ней его почтенная супружница, которая перепугалась до полусмерти. Кто злодей?

Никто не признавался. Наверно, так и не сыскали бы виноватых, но кучер запомнил, что у одного солдата был на руках козленок. А кто же в полку не знал про ширяев выигрыш? Вон он, выигрыш этот, бегают по селу, задрал хвост, и верещит во всю свою козлиную глотку.

Шереметев собирался крепко наказать Ширяя. Но заступились Бухвостов и Щепотев: никакого разбойного умысла не было. Солдат побоялся нарушить приказ. Со страху нагнул. Солдат боевой, калечить его батогами жалко.

Велено было сиповщику с первой оказией убраться из Москвы.

Михайла Иванович Щепотев утешал Трофима:

— На днях я в Орешек еду. Собирайся.

Ширяй загрустил. Козленка отдал первой встретившейся нищенке. На судьбу свою сетовал:

— Нет Трохе места в Москве. Эх, горе — что море: не переплыть, не вылакать.

4. «ДОМНИЦА»

За сотни верст от Москвы, занесенный снегами, нес свою солдатскую службу Шлиссельбург.

Скованная льдом, стала Нева. Конные дозоры уходили в сторону Корелы и в сторону Ниеншанца. В башнях и бастионах менялись караулы.

Жизнь в крепости и в ее окрестностях прочно налаживалась. На левом берегу выросла деревенька — землянки, шалаши, хаты, — всего дымов * двадцать. Вернулись из лесов ушедшие на время осады приневские жители. Это были коренные русские, но многие из них говорили по-шведски.

У подножия Преображенской горы появилась длинная, низкая изба. Здесь с утра до вечера стучали станы. Ткали парусное полотно. Работа считалась наказанием. Ткачих прислали с обозом из Подмоскovie, Твери, Рязани — отбывать разные свои вины.

На острове, в самой крепости, отстроили сгоревшее жилье. Здесь же появилась небольшая верфь. Солдаты набирали из гнутой сосны бока и днища ладей.

На мысу, вдавшемся в озеро, дымила заправская литейная изба. Дым валил не только из черной, закоптелой трубы, но и сквозь неплотно пригнанные бревна стен.

Просыпались в крепости рано. В утренней полутьме солдаты уходили на посты. В полдень, в час шлиссельбургской виктории, в морозном воздухе разносился долгий звон: били в железный лист. Ночью Шлиссельбург затихал; лишь изредка неярко мелькнет светец то в одном, то в другом оконце.

Жизнь устоявшаяся, мерная. Но в любой час готовая обернуться боем. И тогда засверкают тесаки, взревет мортиры. Пока же все тихо.

Внезапно неведомо откуда появились слухи, один страшнее другого. Будто по ночам над крепостью летает трехглавый змей, брюхом задевает о верхушки башен. Иные говорили, что это вовсе не змей, а нетопырь, человеческой крови ищет.

Молодые солдаты-подчаски обмирали от страха, чудились им дикие голоса. Бывалые вояки крутили усы, хитро шурились. Рассказчику, клявшемуся «лопни мои зенки», не только видевшему летучего змея, но даже ощутившему вонючее дыхание горячей пасти, они говорили:

— Знаем, знаем. Заливаешь. Поди, Логашка опять над медью мудрит.

* В то время селения считались не по количеству дворов, а по «дымам» — жилью с очагами.

Логин Жихарев действительно мудрил над медью. Он создавал колокол, первый шлиссельбургский колокол. По стародавнему обычаю, в таком случае полагалось врать. Чем страшней и хлеще вранье, тем звончей получится металл. Обычай этот нерушимо исполнялся и в Орешке...

Пушкарь и литец построил в мастерской избе малую домницу. В ней плавил медь. Рядом с домницей в землю врыты формы. В одной из них — колокол.

Но для Жихарева эта работа — вроде пробы сил. Надо было поразмять руки. В боях не позабылась ли литейная хватка? Даже боязно за настоящее дело браться. Может, был мастер, да нет его? А настоящее дело — пушечное литье.

Логин и жил в своей мастерской. Спал на охапке соломы. Но спать приходилось урывками. Уж раз горит огонь в домнице, гасить его нельзя.

Помощников у литца немало — полсотни солдат. Работы у них — через край много. Надо в лесу нарубить отборных березовых дров и переправить на остров. Надо достать плотной земли для формовки, высушить ее, просеять, как бабы муку для пирогов сеют, чтобы — ни комочка и легкость появилась пуховая. Еще нужно старые шведские мортиры на куски разбить для переплавки.

За всем усмотри, все покажи. Логин исхудал, в запавших глазах — дума, лицо в копоти, нос даже лоснится от сажи.

А тут еще из Пушкарского приказа с нарочным прислали грамотку, что разослана по всем литейным дворам — Московскому, Новгородскому, Псковскому. Грамотка грозная:

«Буде мастера учнут пушки лить кривороты и со всякими охулками, худые и к делу негодны, и им сказать, буде в том не исправятся, быть из них кому повешену».

Литец бросил бумагу в печь. Не нужна ему погонялка. Многожды слышал, как мортиры пламенем дышат, так скрипа дьячковского пера убояться ли? Нет, не из страха Логин днем и ночью не отходит от домницы.

Тяжело кипит медь. Только один Жихарев знает, когда и сколько присадить к ней олова. Заслонив глаза

ладонью, следит за цветом огня, за цветом металла. Лохматая голова повязана мокрым платком, и все же пахнет паленым, от жары волосы кукожатся, тлеют.

Жихарев выходит из избы отдышаться. Над белой Ладогой плывут предвечерние тени. Ветер метет снега.

Красной, обожженной рукой литец отрывает от застужи ледяную сосульку, с хрустом разгрызает ее.

Долго еще Логин стоит на мысу, впитывая в себя эту благодатную тишину. Медленно поворачивается и, нагнув голову в дверях, исчезает за порогом мастерской.

В литейной избе на длинных деревянных козлах лежит глиняная пушка. Жихарев оглаживает ее ладонями, стучит костяшками пальцев, хорошо ли затвердела...

Кому он ведом, труд мастера, создающего нужное людям, для войны, для жизни?

С неделю назад здесь же, на козлах, лежала толстая струганая жердь, обвитая соломенным жгутом. Никто не видел, как мастер, вращая вороток, набрасывал на жердь глину. Слой за слоем. Сначала мешал состав с молотым кирпичом. Потом добавлял в глину шерсть, потом конский навоз. Деревянным шаблоном мерял, выравнивал, срезал излишек глины. Каждый слой сушил до чистого звона.

И вот — под руками мастера уже не жердь, а пушка, но пока рыхлая, толкни — рассыплется. Ужо будет у нее и могучее медное тело.

Надо разложить костры под формой, закалить накрепко и кувалдой выбить из нее жердь с соломой. Теперь у пушки и ствол есть. Но это еще полдела. Логин обмазывает форму толстым слоем сала. И опять — глина, глина. До боли в пояснице мастер клонится над чаном, набрасывает на форму глиняный кожух. Снова сушит огнем. Да для верности оковывает все сооружение железными обручами.

Логин не считает, дни ли, часы ли летят за работой, не замечает смены дня и ночи. Засыпает тут же, у чана: нет сил доползти до подстилки.

Отдыхает недолго. Кажется, вот только сейчас опустил веки. Солдат трясет его за плечо:

— Выйди-ка на улицу. Глянь.

Жихарев накинул овчинную шубу на плечи. Утро солнечное, глаза ломит от обилия света. Литец пятерней разминает лицо, сбрасывает с него остатки сна. Видит — окруженный солдатами, на бочонке сидит сам Трофим Ширий. Все на нем — и мундир, и шинелишка — с иголки новенькое. Треуголка надета лихо, наискось. Лицо красное, остренький нос — пипочкой — гордо задран кверху.

Разглагольствует сиповщик про Москву, про невиданную «огненную потеху». Но почему-то на солдат самое большое впечатление производит Трохин рассказ о том, как в белокаменной по случаю шлиссельбургского праздника всем раздавали пироги, безденежно и досыта.

— Робята, — колотил себя в грудь Ширий, — чтобы мне провалиться на этом месте...

Увидел чумазого Жихарева, милостиво помахал ему ручкой:

— Здорово, Логаша — Железный нос.

И продолжал еще громче, чтобы литец, стоявший поодаль, мог услышать каждое слово:

— Нонече нам, шлиссельбургским, в Москве великий почет. Всем до единого. В особицу привечали Бухвостова, Щепотева, ну и, конечно дело, меня. Никак не пойму, как люди прознали про геройство наше...

— Чего же ты больно скоро из Москвы вернулся? — спрашивает кто-то из солдат. — Погостил бы еще..

— Никак нельзя, — озабоченно произносит Ширий. — Михайле Иванычу Щепотеву и мне господин фельт-маршал так и сказал: без вашего присмотра Орешек оставлять не годится. Поезжайте.

Жихарев закинул руки за голову, потянулся, хрустнул суставами.

— Главный брехун приехал, — отметил он, — пора заливать.

Мастер затенил глаза, посмотрел на солнце, прикидывая время. Крикнул подручным:

— К печи!

Слова прозвучали властно, как команда к бою.

Не прошло и часа — искры столбом вырвались из трубы литейной избу, озарили небо и снега.

Логин утапывал землю и копал канавку от домницы к формам. В последний раз посмотрел, как кипит

металл, помешал в печи длинной деревянной палкой, сразу занявшейся синеватым пламенем. Это называлось — «дразнить медь». Она на-кипѹ грозно ворочалась, урчала, выбрасывала тяжелые всплески.

Оглядев мастерскую — все ли на местах, литец пробил замазанную глиной летку. Сразу стало светло, будто солнце краешком заглянуло в избу. Медь двумя искристыми ручьями потекла в формы...

Отливки остывали несколько дней. В эти дни Жихарев не пускал в мастерскую даже подручных. Позвал их, только когда пришла пора поднимать формы из земляных ям. К литейной избе сбежались солдаты со всей крепости.

Толстые веревки туго натянулись на подъемных блоках — «векшах». Над ямами показалось нечто громоздкое, грузное, бесформенное. Под ломиком посыпались глина, угли, кирпичи. Жарко глянула медь.

Новая мортира Логина Жихарева была поставлена на верхний настил в ворѹтнюю башню, которую теперь называли Государевой.

А колокол, отлитый в одно время с пушкой, повесили на столбчатые подпоры взамен железного листа.

Солнце стояло над головой. Литец со всего размаха ударил в новехонький колокол.

Над островом, над льдистой Невой поплыл густой, далеко слышный звон. Голос у шлиссельбургского колокола совсем не церковный: глуховатый, но зычный.

Поспешания ради он был отлит из пушечной меди,

5. СЕРМЯЖНОЕ ВОЙСКО

Не пышно, все же весело встретили приход нового 1703 года. На Неву из Москвы возвращались шлиссельбуржцы — такое имя утвердилось за теми, кто освобождал Орешек.

Вернулись Бухвостов с Родионом Крутовым и маленьким барабанщиком. Капитан бомбардирский в ту же пору укатил из Москвы, но не в Шлиссельбург, а в другую сторону, на воронежские верфи, торопить со строительством кораблей.

Гвардия пока оставалась в белокаменной. Приехал

лишь Михаила Михайлович Голицын, упоенный славой. Он примчался в санях, запряженных тройкой. Еще дюжина саней везли припасы: хлеб, убоину, мед, брагу. На всем пути княжеский поезд ждали подставы, коней перепрягали.

Тройка, неистово звеня бубенцами, подлетела к крепости. Однако в ворота кони не пошли, испугались темноты. Поднялись на дыбы, поломали оглобли...

В крепости снова потянулись одинаковые зимние дни, без приметных событий. Но однажды дозорные привезли из-под Корелы непонятные, путанные вести. Будто за шведским рубежом начался великий переполох и смятение. Похоже, какое-то неведомое войско вторглось в земли, занятые шведами. С верхушек елей видны пожары. Слышался даже шум боя; но он затих, отдалился.

Все это было так несбыточно, что Голицын ссадил дозорного с лошади, крепко тряхнул его, гневно спросил:

— Спьяна почудилось?

И велел запереть в холодную.

Вскоре другой дозорный подтвердил донесение первого. Опять из порубежного села, где, как известно, стоял вражеский кордон, донеслись выстрелы и крики. Потом все стихло. Разгадать происходившее никто не мог. Голицын решил, что шведские солдаты между собой не ладили, пошумели. В крепости и думать о том перестали.

Миновало немногим больше месяца. Как вдруг среди ясного и спокойного дня постовой, ходивший по верхнему ярусу Головинской башни, выстрелом поднял тревогу. Полковник Голицын прибежал на башню. Постовой показал на далекий берег озера — там, в курящейся снежной дымке, виднелось обширное темное движущееся пятно.

Михайла Михайлович раздвинул трехколенную подзорную трубу. Теперь можно было различить массу конных и пеших. Они приближались к крепости.

Полковник крикнул вниз, чтобы закрывали ворота и готовились к бою.

С грохотом захлопнулись скрепленные железом створы. Дубовые бревна легли поперек. Солдаты

засели в бастионах, залегли на стенах. Пушкарни разворачивали орудия жерлами к озеру.

Орешек не узнать. Час назад это был шумный городок. Сейчас он сурово притих. Людей не видать. Все на боевых местах, готовы встретить врага.

Голицын не отрывался от подзорной трубы. Видно было, что подходит весьма многочисленный отряд. Ясно различимы шведские шинели. И вот даже — рейтарский королевский флаг у всадника. Флаг он держит необычно, на плече, как жердь.

Михайла Михайлович отстранил подзорную трубу. Пора начинать баталию. Он приосанился и крикнул ликующим, юно прозвучавшим голосом:

— По шведам!

Вестовой, стоявший на башенной лестнице, и другой у ее подошвы, и солдаты на дворе повторили команду. По крепости пронеслось, постепенно затихая, как многоголосое эхо:

— По шведам, шведам, шведам...

Голицын взмахнул саблей.

— Пали!

И снова — от башни к башне, от бастиона к бастиону:

— Пали, пали, пали...

Первой взревела пушка с Флажной башни. Недолет. Сверкая полетели к небу осколки льда.

Отряд остановился. Показался одинокий всадник. Все видели, что он скачет во весь опор, не держась за поводья, размахивает руками и что-то кричит.

Только когда всадник подлетел к стене, в нем узнали Тимофея Окулова и слышали его голос:

— По своим стреляете!

Откуда взялся ладожанин? Что за люди идут от Корелы? Если это в самом деле свои, почему у них шведская одежда и чужое знамя? В крепости терялись в догадках, не умея ответить на эти вопросы.

Между тем отряд подошел совсем близко. Впереди на тощей лошаденке ехал отец Иван. Он был одет покрестьянски, в полушубок и ушастую рысью шапку. О священническом сане говорил лишь крест на медной цепи поверх полушубка. Понукая лошадь, Окулов-старший немилосердно колотил ее в бока пятками валенцев.

Люди, одетые по-шведски, действительно были шведами. Но их окружали мужики с мушкетами и дробовыми самопалами наперевес. А тот, кто вез рейтарский флаг, сообразив, что путаница может обойтись ему дорого, на виду у всех содрал полотнище с древка и сунул под седло.

Весь гарнизон Орешка выбежал на стены, чтобы полюбоваться странным шествием.

Пока открывали ворота и убирали бревна, ореховцы переговаривались с неожиданными гостями. Щепотев сидел на стене, свесив ноги, и спрашивал младшего Окулова:

— Где побывал, Тимоша?

— Перемерзли мы, — кричал снизу попович, — открывайте быстрее!

После того, как приехавших впустили в крепость, дали им время обогреться, поесть и выспаться, стала известна во всех подробностях история окуловского отряда.

Всю зиму в Олонце во множестве появлялись беглецы из-за кордона. Они приходили оборванные, босые, нередко голодные. В слезах рассказывали, что в Корельском уезде шведы небывало лютуют, обозленные поражением в истоках Невы. Злобу вымещали на мирных жителях — карелах. Выгоняли их из деревень, отнимали хлеб, обрекали на голод целые семьи.

Отец Иван Окулов знал, что петровская армия на зимовых квартирах, а в Орешке оставлен гарнизон лишь на случай осады. Священник решил помочь карелам своими силами. Он посоветовался с прихожанами, и те во всем согласились с ним.

В короткое время отец Иван собрал тысячу человек, готовых вместе с ним отправиться в поход. Отряд этот называли сермяжным войском, потому что входил в него самый простой народ, в большинстве молодые ладожские рыбаки. Вооружены они были топорами, пиками, пешнями.

Сермяжное войско внезапно для врага перешло рубеж, ночью напало на шведскую заставу и захватило огнестрельное оружие. Корелу, где находились главные силы врага на Ладожском озере, обошли. Отряд действовал в приладожских деревнях. Повсюду карелы призывали к Окулову.

Путь для своего отряда, место и время нападения всегда определял Окулов-старший. В бой же водил сермяжное войско Тимофей.

Налеты были смелы и неожиданны. Шведы несли большой урон. Олончане, хорошо знавшие край, после налета уходили в леса, в дальние села, оставались недостижимыми.

Всего лишь раз Окуловы потерпели поражение. Но не от врага и, что особенно обидно, на возвратном пути и на земле, куда шведы носа не совали.

О том, как это случилось, Тимофей рассказал друзьям в Орешке, взяв с них обещание никому не передавать то, что услышат.

...Сермяжное войско, пройдя вдоль и поперек Корельский уезд, снова миновало рубеж. Отец Иван решил идти в Шлиссельбургскую крепость, чтобы оставить там пленных шведов.

В большом селе на берегу озера сделали привал, в первый раз среди своих, без опаски. От местных жителей узнали о чуде, приключившемся здесь накануне: объявилась слезоточивая икона богородицы. Сельский батюшка, согбенный, с седоватой косицей, упрятанной под ворот рясы, не замедлил явиться и облобызать Окулова.

О чуде сказал с осторожностью — дескать, господь дал знак. И давно бы пора, ибо жители ладожского села отличаются неверием и неусердием к церкви.

Отец Иван вместе со своим войском решил отслужить благодарственный молебен у чудотворной иконы. Чудо было несомненным. Со старой иконы, в черно-желтых тенях, глядел скорбный лик. Едва затеплились свечи, на продолговатых глазах богородицы показались слезы. В золоченый оклад скатилась слезинка, другая...

Олончане стали на колени, и так — коленопреклоненно — выслушали службу.

В свой черед Тимофей Окулов приложился к иконе и, пораженный, провел по губам ладонью. Он явственно ощутил вкус коровьего масла. Ну и штука!

После молебна Тимофей остался в опустевшей церкви. Он принялся разглядывать икону. В уголках глаз богоматери обнаружились почти не приметные скважины. Заглянул он и за подкладку иконы. Вверху, в по-

лом месте, еще держались остатки застывшего масла... Так вот он, источник чудотворных слез!

Разобрался ли отец Иван в том, как богородица льет горячие слезы из коровьего масла? Неведомо. Но когда Тимофей попробовал рассказать ему об открытии в пустом храме, старик нахмурил седые брови, прикрикнул:

— Не богохульствуй!

И поспешил увести отряд из села...

В Орешке отец Иван дождался, когда пленных шведов отправят под охраной в Москву*. Все добытое оружие удержал при себе, внушительно заметив:

— Сгодится.

Тимофей остался в крепости. Отец Иван скоро собрался домой. Повел сермяжное войско по льду в Олонец.

На крепостной стене стояли Бухвостов, Щепотев и младший Окулов. Они долго смотрели в морозную, низкую даль, пока последние сани не исчезли за густо лежащим снегом.

6. МЕТЕЛЬ

Завьюжило. Да так крепко, что днем света белого не видать.

Утром Логин Жихарев пошел в левобережную деревню сказать, чтобы на завтра приготовили березового угля, не меньше двух коробов. Метель застала его посредине Невы. Сразу исчезла из вида крепость, снежные полотнища заслонили оба берега.

Ветер валил с ног. Снег исколол все лицо. Мерзли даже глаза. Логин не знал, куда идти.

Он уже не шел, а полз, окончательно сбившись с дороги. Больше всего боялся остановиться. Надо двигаться. А сил нет...

Сквозь вой ветра слышался звон, слабый, но ясный. Неужели шлиссельбургский колокол? Не верилось. Созданный мастером, он спасал его в трудный час,

* Позже Петр, узнав о ратном подвиге олонецких, сказал: «Слышал ли кто такое диво, что поп мой учит духовных сынов: «Отворите врата купно в рай и в шведскую область»?

Звонили совсем не с той стороны, где, по расчетам Жихарева, находилась крепость. Он пошел на колокол. Спешил, опасаясь, что перестанут звонить, и тогда уж никак не найти дорогу.

Злым белым вихрям, казалось, конца не будет. Наконец-то, наконец: еще не видя стен, ощутил покатуую насыпь. Но почему она такая крутая? Ползком разыскал ворота...

Жихарев ввалился в поварню снежным, наполовину заледенелым комом.

Поварня — самое большое и теплое помещение в Орешке. Сейчас она была переполнена солдатами.

Белый ком потопал ногами и опустился на лавку. Бухвостов изумился:

— Да это Логин! Разве ж ты не на левом берегу? Как до острова-то добрался?

— Обыкновенно, дошел, — несловоохотливо ответил литец и, растолкав солдат, забрался на полаты у печи.

Буря не стихала. В поварне печь топилась непрерывно. Солдаты кто сидел, кто лежал на полу, норовя придвинуться поближе к жарким кирпичам. Изредка открывалась дверь, и густой пар клубился над порогом. Вдвоем, втроем уходили на стены, на башни. Возвращались замерзшие постовые. Одеревенелыми губами хлебали из глиняных чашек кипятков.

В тепле Жихарева разморило, он заснул. Когда проснулся, показалось, что в поварне еще больше народа. Сосновая лучина осыпала искры в светце.

Солдаты рассказывали друг другу про разные случаи из своей жизни. Если рассказ был интересный, все умолкали и слушали.

Логин с полатей голоса не подавал. Лежал и думал, отчего это так в жизни повелось: одним все счастье, другим все горе. Боже мой, чего только не снесет солдат, черная кость, крепостное быдло. Войны нет — всю силушку отдаст на барском поле, руки отобьет сохой, в страду работает, пока не упадет. Настала война — всю страшную тяжесть ее взгромоздил на свои плечи тот же крепостной холоп, только в солдатской одежке. В походе он тонет в грязи; там, где лошадям не под силу, на своих плечах тянет пушки, в бою первый идет на вражий штык или выстрел. Не оттого ли так легко мрут люди, что жизнь не мила?..

Сергей Леонтьевич Бухвостов рассказывал о встрече, которая произошла недавно за Москвой, на почтовом тракте. Ехал сержант с Петром, да ненастная ночь заставила свернуть в деревню и попроситься на ночлег. Хатенка попалась дряхлая, того и гляди развалится.

Дверь открыла простоволосая девушка в худой кофтенке, от страха и холода ее дрожь бьет. В углу под образами кто-то ворочается, стонет жалобно.

«Ваша милость, кто такой?» — спрашивает девушка. «Я проезжий офицер, — отвечает поздний гость, — заехал к тебе переночевать. Пустишь?» «А как тебя зовут?» «Петром». «Много есть Петров. Скажи твоё прозвание?» «Михайлов, голубушка». «Ах, если б ты был тот Петр Михайлов, который слывет нашим царем, как бы счастлива я была». «А что ж?» «Я попросила бы у него милости». «Куда как ты смелá, — усмехнулся Петр. — Какую же милость?» «Такую, чтобы он пожаловал что-нибудь моему отцу за то, что под городом Орешком на приступе весь изранен...»

В это время из угла снова послышался стон. Девушка подняла голову больного, напоила его. Это и был ее отец. С того дня, как его привезли с Невы в родимую деревню, он не опаматовался. Девушка себя и отца кормила милостыней...

Ставя чашку на стол, она похвасталась: «А я читать и писать умею. Отец меня выучил, когда я была совсем маленькой». «Ишь ты, — удивился проезжий, — напиши что-нибудь... Не худо...»

Кто же он был, этот деревенский грамотей? Всю его жизнь искорежило, смяло в часы шлиссельбургского штурма.

«Жаль, что я не тот Петр Михайлов, который может милости делать», — вздохнул Петр Михайлов, сказавший о себе неправду. Он велел Бухвостову дать несчастному увечному солдату и его дочери пять рублей и поспешил выйти из хаты в ночь. Наверно, не хотел, чтобы его узнали, а может, просто стыдно стало от несообразности людского горя и этой вот его пятерки...

Сергей Леонтьевич закончил свой рассказ. В поварне было так тихо, что вой ветра донесся с особенной силой. Свиристые порывы рвали солому с крыши,

«Сколько же таких горемык,—подумалось Жихареву,—героев битвы за Орешек, изувеченных, изуродованных мается ныне в безвестных российских деревнях? Не счесть, не счесть...»

Пожилой солдат с лицом, иссеченным шрамами, тихо сказал:

— В бою помирать надо. Избави господи остаться живому, да крепко израненному.

Долго молчали солдаты. Потом Трофим Ширий вдруг спросил:

— Робята, а что за штука — пеструха?

Никто не знал. Все пристали к сиповщику, чтобы объяснил, что за слово.

— Так и я не знаю,—признался Трофим,—не знаю, а всю жизнь из-за него горе мыкаю.

Ширий невесело помолчал, вздохнул и принялся рассказывать:

— Из деревни Мишневской я, с Новгородщины...

Был в Мишневской мужичонка Богдашка Резанов. И вот тот Богдашка сказал сельчанам: «Я-де вам государь буду и сделаю на вас пеструху». На беду, деревню проезжал ямщик и слышал те слова. Он и накатал извет на мишневских.

Трофим рассказывал, как всегда, пошучивая. Но говорил он о мучительном, и слушали его с сумрачно опущенными головами.

Всех мишневских мужиков — всех до единого! — заковали в железа. Начался сыск. Первое дело — зачем Богдашка именовал себя государем? Второе дело — что есть пеструха? Не тайное ли слово?

Били. Жгли огнем. Вина Трофима была в том, что он те слова слышал, а объяснить их не мог. Били его до беспамятства. Окатят ведром ледяной воды и снова — под кнут.

— Поверите, робята,—говорил Ширий,—как сказали мне, что за бесчисленные вины пишут меня, грешного, в солдаты, я от радости песню запел... Ну, за песню, за дерзость на мне еще полдюжины палок обломали...

— А с мишневскими-то мужиками что было? — спросили сразу несколько голосов.

— То и было... Осталась деревня без мужиков...

Серые, тонкие губы Трофима вдруг странно дернулись.

Пожилой солдат с шрамами, тот, который говорил, что лучше смерть, чем ранение, нагнулся к сиповщику, прошептал:

— Видать, ты по кнуту соскучился, — и повел глазами в сторону Бухвостова.

Трофим ответил в полный голос:

— Не сумлевайся. Леонтьич — он простой, солдату брат...

Логин Жихарев смотрел на Ширия из-под нависших бровей. Вот ведь, Троха-Трофим, сиповщик ты наш, хлебнули мы с тобой лиха полной пригоршней...

Литец спустил с полатей босые ноги.

— Послушайте, — сказал он, — послушайте, как я крепостным стал. Хотя мы, Жихаревы, спокон века были однодворцами...

Рассказывал Логин коротко. Долгие речи держать не умел. Жихаревы родом из-под Москвы. Считались они однодворцами: вольными людьми, но очень бедными. Все их богатство — хатенка да кое-какая живность.

Логин был уже умелым мастером и работал на Пушечном дворе, когда случилось несчастье.

Царь подарил подмосковные поместья Нарышкиным. А те и поверстали в крепостные всех без разбора, вольных и невольных. Кто пойдет против государевых родичей?

Но Жихаревы пошли. Слишком уж велика была беда. Явно жаловаться воеводе опасно. Положили челобитную на могилу его отца в канун поминального дня.

Челобитная попала к воеводе. Дали ей ход. В кремлевском приказе порешили быстро и мудро: у Нарышкиных семью Жихаревых отнять. Но как они уже записаны в крепостные, то и считать их казенными крепостными, за Пушкарским двором.

Так потомственный литец, медного дела мастер, потерял волю...

Рассказ Логина никого не удивил. Неправда была обычной. Почти у каждого солдата в мужицком прошлом — кнутабойный правож. Каждый битый.

— Ломаные мы калачи, — сказал Трофим и выдох

нул горячо, словно обжигаясь словами: — Много может вытерпеть мужицкая спинушка!

Метель за стенами поварни не унималась. Хлестала в окна с неумной злостью.

Логину вся жизнь казалась зимней метелью. Как пройти ее?

7. «МОСКОВСКИЙ ТОТЧАС»

Петр приехал в Шлиссельбург ранней весной. И сразу все вокруг завертелось, закрутилось. На острове солдаты не ходили, а бегали. Офицеры громче покрикивали, не скупились на зуботычины. В стенах парусной избы челноки летали быстрее. Топоры на верфи стучали крепче и чаще.

Гвардия находилась уже в походе из Москвы на Ладогу. Шли к Шлиссельбургу полки от Новгорода и Пскова. Навстречу к ним из Орешка мчались петровские денщики с коротким приказом: «Спешить наскоро».

Всего больше тревожился бомбардирский капитан за пушки и боевой запас к ним. Там, где не действовало слово, Петр по привычке прибегал к кнуту и застенку. Не пощадил он даже ближнего к себе человека, главного управителя «большого огневого наряда» Андрея Виниуса. О нем Петр гневно писал из Шлиссельбургской крепости в Преображенское князю-кесарю Ромодановскому:

«Известую, что здесь великая недовозка алтиллерии есть... отчего нам здесь великая остановка делу нашему будет, без чего и починать нельзя; о чем я сам многожды говорил Виниусу, который отпотчивал меня московским тотчасом. О чем изволь его допросить: для чего так делается такое главное дело с таким небрежением, которое тысячи его головы дороже? Изволь, как мочно, исправлять».

Ох, уж этот «московский тотчас». К кому бы Петр ни обращался, он всегда слышал покорное: «Тотчас будет исполнено». «Тотчас», «тотчас»... Но на поверку оказывалось, что дело не только не сделано, но и не начато. Дорогое время уходило. В таком разе бомбардирский капитан свирепел, яростно искал свою суковатую

дубину, невзирая на чин и возраст, хватал провинившихся за шиворот...

В верховье Невы с весны вдруг повернуло на зиму. Шлиссельбургскую крепость чуть не по край стен занесло снегом. Два дня не отправляли почту, невозможно было выйти за ворота. Хатенку, стоявшую на открытом месте, на берегу острова, пришлось раскапывать и выводить из нее людей через крышу.

Потом снова повеяло теплом. На озере загудел лед. Он вздыбился, набух. Но все еще не мог тронуться в Неву. Весна-северяночка приходит на Ладогу несмелой поступью, скупая на тепло и ласку. На озере еще белым-бело, а по небу уж погуливают ясные зорьки. Серая облачная шуба то здесь, то там разлезается, и вдруг проглянет такая чистая, самоцветная голубизна, что залюбуешься ею.

Девически робка и тиха весна в приневском крае. Но наступит срок, она набирает силу, и тогда в громах и грозах, без удержу бурно сбрасывает с себя ледяной панцирь, все ломает, все крушит; Нева могуче выливается из берегов.

У старых стен крепости солдаты вглядываются в своенравную красавицу Ладогу. Вспоминают свои деревеньки на Костромщине, Тверщине, Рязанщине. Находят похожее и несхожее. А ведь та же родимая земля. Этот-то островок на Неве, с которого недавно спихнули врага, еще и подороже будет, омытый кровью. Думают солдаты: что там за серыми, зыбкими далями? Какие походы? Какие баталии?..

Самое большое событие произошло на острове перед началом ледохода. Тяжелые сани с драгунским конвоем пробирались к Шлиссельбургу по льду; над ним местами уже плескалась вода. Возле острова быстрое течение размыло лед. Он держался только в правой протоке. Сани заносило на широких полозьях. Кони прядали ушами. Копыта звенели, как по стеклу. Драгуны спешили и шли с жердями в руках. Поблизости от крепости лед начал прогибаться и расходиться длинной трещиной. Возница дико гикнул, взмахнул вожжами — и сани на плаву вынесло на твердую землю.

В ту же минуту остров вместе с башнями и стенами вздрогнул. На озере словно сотня пушек ударила. Лед пошел в Неву.

В только что прибывших санях находился железный сундук с казной. Из Москвы прислали гарнизону Орешка государево жалованье.

Платили его раз в год. За прошлое. Солдатская жизнь вперед незнаема.

Росписная ведомость походила на кладбище: сплошь кресты. Грамотных было немного.

Солдаты разглядывали неровно вырубленные медяки. На одной стороне — архангел, вонзивший копье в змея. На другой — под государевым сплетенным вензелем обозначено: «Денга».

Иные, подкинув монету в воздух, ловили ее на лету, совали в карман поближе, до первого кружала. Многие зашивали медяки в полу, сохранности ради. Деньги в мужицком обиходе вещь редкая.

Получил свое жалованье по капитанскому чину и Петр Михайлов — «триста шездесят шесть рублей».

Холстяной мешочек с деньгами капитан перебросил Бухвостову:

— Сбереги.

Любопытствующим солдатам Сергей Леонтьевич за верное рассказывал, что Петр на жалованье живет, «а народные деньги оставляются для государства пользы». Так оно и было. Капитан ел из солдатского котла и носил казенную мундирную одежду...

Начиналось водополье. С края острова на бревенчатых клетях стояли десять недостроенных паузков. Днища были настланы, кривули поставлены. Только бока не всюду обогнуты. Паузки всплыли, закачались на волне. Чтобы не раздавило их льдинами, солдаты кинулись в воду, кто по грудь, кто вплавь. Хватали суда, гнали к острову.

С неделю Шлиссельбургская крепость была отрезана от матерой земли. Но едва очистилась Нева, петровские денщики, нахлестывая коней, умчались по новгородской дороге торопить идущие полки.

Фельдъегерь увез в Москву письмо к Тихону Стрешневу, который ведал набором солдат по всей России.

«Min Herz, — так начиналось письмо, — как ваша милость сие получишь, изволь не медля еще солдат, сверх кои отпущены, тысячи три или больше прислать в добавку, понеже при сей школе много учеников уми-

рает; того для не добро голову чесать, когда зубы выломаны из гребня.

Piter,

из Шлютельбурга».

Первый конный едва отъехал — за ним скачет другой; туда же в Москву, к тому же Стрешневу, мчит письмо вовсе краткое:

«Присылай, что больше лутче».

Петр бесконечно зол. Волком глядит на сотоварищей. Вплотную надвинулась весна, а к кампании ничего не готово.

Половина назначенных к бою пушек — в крепости, а другая половина застряла в грязи где-то на Волхове. Порох потопили, переправляясь через разлитые реки. Хлеба нехватка, того и гляди голодать начнут. Некормленный солдат в баталию не гош. Лекаря еще из Москвы не выехали, а тут от болотной гнили и стужи мрет народ. Донская низовая конница не пришла, и где она — неизвестно...

Разленились за зиму. Не выбраться из берлог. Увальни. Лежебоки.

Офицеры стараются не попадаться на глаза бомбардирскому капитану. Он вышагивает по острову из конца в конец мрачный, неразговорчивый.

С кем начинать кампанию?

Кому поведать о великих надеждах этой весны?

Ведь до моря-то осталось верст шестьдесят, вниз по Неве, к устью. Всего-навсего — шестьдесят!

Легкими эти версты не будут.

В низовье высятся стены шведской крепости Ниеншанц.

Какие там у врага войска? Велика ли артиллерия? Готовы ли к осадному бою? После падения Нотебурга за зиму шведы могли сделать многое — войска ввести и валы нарастить.

Десятки вопросов. Ни одного ответа. Слишком мало известно о Ниеншанце. В потайных тетрадах записана толща стен крепости и примерное начертание бастионного рубежа. Записана глубина у корабельной пристани на речке Охте, там, где она впадает в Неву. Добрая глубина. Корабли могут без опасения бросить якоря

у самого берега. В тетрадах высчитаны водные и пешие пути к Ниеншанцу от Нарвы, от Выборга *.

Но все эти записи прошлогодние и позапрошлогодние. Надо же знать, что изменилось в Ниеншанце, что там сейчас!

Крепость сия на самом пороге моря. Шведы будут драться за нее всеми силами.

Бомбардирский капитан, и закрыв глаза, видел необозримое взморье, волны, набегающие на берег.

Шестьдесят верст. Только шестьдесят верст до взморья.

Поперек пути — Ниеншанц.

8. ХОЗЯИН МАТИС

Получилось так, что первым одолел эти шестьдесят верст маленький сероглазый барабанщик Семеновского полка.

Нужно было разведать Ниеншанц, или, как его называли по-русски, Канцы. В Шлиссельбурге решалось — кого послать? Вызвался Тимофей Окулов. Край ему хорошо знаком, он сразу найдет и пристанище, и помощников в отважном деле.

Но в том-то и загвоздка, что бывал он там много раз. «Русского Тима» могут скоро узнать и раскрыть.

В Канцах и в окрестностях жило много русских. Все же опасность слишком велика. Шведы сейчас, конечно, особенно внимательно следят за молодыми россиянами солдатского возраста. Нет, Окулова посылать нельзя.

Вот если бы нашлась девчонка, смелая, сообразительная. Уж она-то прошла бы через рубеж и через шведские селения легко и неприметно, как нитка сквозь игольное ушко.

Но откуда взяться девчонке в Шлиссельбургской крепости?

Переодеть в женское платье кого-либо из безусых солдат! Эта мысль пришла в голову Голицыну. Так как

* Эти сведения были доставлены замечательным разведчиком и первым русским военным инженером В. Д. Корчминным. «Детина неглупый», один из петровских «волонтеров», учившийся в заморских краях, он стал выдающимся специалистом в области фортификации и артиллерии.

безусыми в армии были только барабанщики, а среди них больше всех на девчонку походил Васек Крутов, то на нем сразу же и остановили выбор.

Сначала барабанщику ничего не говорили о том, что ему придется делать. Просто велели в селе на левом берегу найти бабью одежду и переодеться. Сердце у бедняги упало. Что это означает?

Когда перед полковником Голицыным появилась не девчонка — девушка, сероглазая красавица, он отступил на шаг, как бы отгоняя наваждение:

— Чур, чур меня... Ну, барабанщик. Юбку ловко носит, будто всю жизнь носил...

Михайла Михайлович шутя спросил:

— Как тебя звать, душа-девица?

— Зовите... Васеной, — ответил преобразившийся барабанщик.

Кофта и юбка стесняли Васену. Она уже привыкла одеваться по-солдатски. Но всего труднее было сладить с волосами. Отросшие и все-таки слишком короткие, они лохматились, никак не ложились под ленту. Пришлось повязаться старушечьим теплым платком.

Девушка тревожно ждала. Что будет дальше?

Тимофей Окулов осторожно объяснил, какое трудное дело ей предстоит. Васена обрадовалась: все страхи были напрасными, Голицыну неизвестна ее тайна. А то, что придется одной-одинешенькой пробираться в неизвестный край, девушку не испугало. Леса она боялась меньше, чем людей. Всегда сумеет найти нужную тропу. Дорогу ей подскажут солнце и звезды. Не напрасно односельчане прозвали Васенку «лешачьей дочкой».

Только одно вызывало у нее сомнение: все ли уразумет, что увидит, сможет ли обо всем рассказать?..

Так из Шлиссельбурга исчез маленький барабанщик. А в канецких лесах появилась девушка с лукошком, наполненным разным кореньем.

До последнего нашего дозора Васену провожал Окулов. Он прошел с нею лесом еще с версту. И здесь, хотя кругом не было ни души, шепотом передал ей последние наставления.

Держаться надо канецкой дороги, заброшенной и заросшей с начала войны. Но на дорогу не выходить, а пробираться стороной. На второй день впереди пока-

жется крепость Ниеншанц. Ее лучше обойти ночью, чтобы не попасть к шведам. Миновав речку Охту, забирать все левей, левей, пока не появятся склоны Дудеровой горы. Затем — спуститься вниз к невскому устью. Там разыскать дом хозяина Матиса. Дом этот на острове, и есть у него отличие: на верях* — деревянная резьба и пестрая роспись. Матису передать вот этот кусок березовой коры.

Тимофей неприметно сунул в руку Васене свернувшуюся темным колечком бересту. Заботливо наказывал он быть осторожной в пути. Если спросят откуда, сказать: «Из Сябрина, — это самая большая русская деревня на Неве, — дескать, в лесу была, коренья собирала...».

Ладожанин помолчал, подумал, все ли сказано. Кажется, все.

Прощаясь, он низко поклонился девушке. А когда выпрямился, она уже шла между елями, отягощенными талым снегом.

Пора весенняя приходит в лес позже, чем на поля и речные долины. Тут еще белым-бело, и это хорошо-преотлично. Валежник не так хрустит под ногами, и лесные ручьи еще скованы.

Но Васенка уже слышит их. Остановится, чу: под снежной толщей еле внятно журчит первая вода — весенница. Девушке радостно на лесном приволье. И хотя она здесь впервые, кажется, тут все знакомое, как близ родного села. И березки такие же белые, и елки такие же мохнатые, только прикидываются сердитыми, а на самом деле они добрые, всегда готовы дать приют от снегопада или от дождя.

Да и весна показывает себя приметами, знакомыми девчонке-лесовичке. Безлистые ветви деревьев все еще кажутся черными, ломкими. Ан не все. Вот одно — как будто высветлилось, и почки принабухли. Это молодой кленок, в нем уже двинулись соки, он пробуждается первым.

Вот в ямке-вороночке, под защитой векового ствола, показалась уже прошлогодняя брусничка. Листки упругие, темно-зеленые, а ягода алая и сладкая-пресладкая. Вот в вышине — не под самым ли небом? — осыпая

* В ер е я — столб, к которому подвешиваются створы ворот,

снег, перемахнула с ветки на ветку белочка. Шубка у нее клочковатая, с рыжинкой.

Переливисто запел зяблик. Быстро, как камень из пращи, пролетел чибис. Значит, появились и перелетные. Это еще не стаи, только передовые...

Лес говорит с Васеной понятным ей одной языком. Хорошо в лесу.

Тревоги начались на другой день. Девушка набрела на охотничий шалаш. Люди здесь были недавно. Земля под отгоревшим костром еще теплая. Распластав крылья, прижалась к нагретым камушкам белая трясогузка; и так она закоченела, услышала шаги, не шевельнулась...

Васена ушла глубже в лес. Но даже туда донеслись переключка голосов, собачий лай, стук топоров, звуки большого города. Это Канцы.

Первого человека Васена увидела на берегу речки, небольшой, быстрой. Она уже вскрылась, но припай крепко держался у берегов.

Седой лодочник только отчалил, когда подошла Васенка и попросила:

— Дедушка, дедушка, перевези меня.

Он подвел челнок к берегу. Казалось, старик вовсе не удивился маленькой страннице. Поплыли, расталкивая льдины багром.

На другом берегу лодочник по-русски спросил:

— Ты отколь, шустрая?

Васенка махнула рукой в сторону леса и показала на лукошко. Старик не расспрашивал. Кивнул на прощанье. Девушка поняла, что в этом крае даже несколько слов, сказанных по-русски, сами по себе звучат приветом... Встреча эта ободрила Васенку.

Она свернула влево. Шла всю ночь. Никакой горы не видать. От усталости, оттого что почудилось — заблудилась, горько расплакалась. Забралась на нижние ветви ели, прижалась к шершавому стволу. Так в слезах и заснула.

Проснулась от холода. Было уже светло. Внизу, в тумане расстилались леса и мокрые желтоватые поля. В глубоких логах еще держался снег. Через все огромное пространство текла необыкновенно широкая река, это могла быть только Нева. По воде плыл лед.

Извилистые тропы прорезали густые, еще не начавшие зеленеть рощи, огибали болота. Редкие деревеньки в три-четыре хаты, словно кучки рассыпанного гороха, виднелись по берегам Невы и на лесных опушках. Серые дымки над крышами будто приклеены к трубам. День ненастный, безветренный.

Васенка сообразила, что она на Дудеровой горе, и что там, внизу надо искать хозяина Матиса.

Девушка вышла на глинистый проселок. Чутье подсказывало ей: не прятаться, не озираться, не оглядываться. В первом же хуторе она спросила Матиса. Ей посоветовали:

— Ищи на острове.

В деревне на самом берегу Невы, прежде чем ответить на вопрос, поинтересовались:

— Зачем тебе мельник Матис?

Время уже за полдень, а Васена все не может найти человека с этим странным именем. Всматривается подряд в каждые ворота, но повсюду веревки столбчатые, серые, в трещинках, не расписные, не узорчатые. Не спутал ли Тимофей? Или ворота новые поставлены?

Васенка поняла — много расспрашивать опасно. Очень уж заметно, что она тут чужая. Но если до вечера не найдет мельника, куда деваться?

Едва подумала об этом, крепкая рука больно сжала ей плечо. Девушку нагнал шведский стражник, высокий, сизолицый, с алебардой на плече. Он заговорил на непонятном Васене языке. Она улыбалась, силясь скрыть испуг. Покачала головой — не понимаю. Стражник спросил ломано по-русски:

— Что — корзина? Показывай.

Девушка быстрыми пальцами перебрала корешки в лукошке и словоохотливо принялась объяснять:

— Корешки тут не простые. Снадобье. Эти вот — кожу дубить, эти — вино настаивать. В лесу была, набрала, видишь сколько...

Сизолицему надоела болтовня. Он перебил:

— Ты чья?

Васенка, не раздумывая, бойко ответила совсем не то, чему учил ее Тимофей.

— Я у мельника в услужении. Знаешь мельника Матиса?..

Стражник толкнул девушку древком алебарды.

— Иди!

Васенка с места не двинулась, онемели ноги. Сизолицый схватил ее за руку, потащил. Обидно было: ничего не успела сделать. С первого шага выдала себя. Обидно и страшно.

Под ногами застучали кладочки. Какие-то тени замелькали над головой. Не сразу сообразила, что это крылья мельницы. Да вот же они, расписные вереи! В самом деле, красиво. По дереву жар-птица вырезана, и хвост у нее тронут яркой киноварью вперемежку с серебряными крапинами.

На пороге мельницы стоял пожилой, грузный мужчина с трубкой в зубах.

— Эй, Матис, — крикнул ему стражник, — смотри, твоя девчонка привел!

У мельника брови поползли под шапку. Васена споткнулась, упала и рассыпала коренья. Среди них безобидно белело берестовое колечко.

Матис пыхнул трубкой, окутался дымом. Стражник говорил с ним не по-шведски, — значит, он не швед. Кто же он?

— Заблудилась! — сердито рявкнул мельник, и отвесил Васене такую затрещину, что она мигом оказалась под навесом, где грудой лежали мучные мешки.

Хозяин даже не взглянул в ее сторону. Он повел стражника в дом угощать пенником.

9. КАНЦЫ

Шведы с первых лет старались обжить завоеванную провинцию по берегам Невы, Ижорскую землю, или, как они ее называли, Ингерманландию. Поместья раздавались не только коронным дворянам, но и финнам, голландцам, датчанам.

Мельник Матис был одним из таких пришлых хозяев. Владел он немалым куском земли. Его мельница стояла на островке, омываемом Невой и речкой, впадающей в нее. Мост через речку, самый остров и даже болото на нем назывались Матисовыми*.

* И сейчас, спустя более 260 лет, в городе существуют Матисов переулочек и Матисов мост.

Толстый мельник слыл человеком состоятельным, прижимистым и только на вид добродушным. Дымя трубкой, он полными днями возился у жерновов. О его дружбе с «русским Тимом», конечно, никто не знал.

Поздно вечером, проводив шведского стражника, Матис переговорил с Васеной. Он долго рассматривал бересту, сличал ее с другим белым колечком, хранившимся у него.

Попыхтел трубкой. Сказал на правильном русском языке:

— Ладно. Раз уж ты назвалась моей прислужой, работай, — и подвинул к ней груды дырявых мешков, — чини!

Очень часто Васене приходилось бывать с поручениями Матиса в окрестных мызах. Если близко — ходила пешком, если далеко — ездила в хозяйской одноколке.

Она уже знала, что Нева в устье течет не одной, а пятью реками. Потому здесь много больших и малых островов. На некоторых из них видны рыбацьи шалаши, другие — безлюдны. На огромном Лосином острове (финны называли его Хирвисаари) жили суровые, молчаливые люди, корабельные знатцы. Васена отвозила им муку. На Березовом острове, в старинной роще, ала черепицей шведская мыза Бьеркенгольм. Там, где из Невы вытекает Безымянный ерик*, на обширном мысу раскинулись поместье и сад майора Канау.

К майору Васена ездила за зерном. Но хозяйина не застала. Сердитый приказчик взвалил на одноколку мешки и умудрился одним ловким ударом хлестнуть разом и лошадь и девушку-возницу.

Неподалеку от владений Канау виднелась русская деревенька Сябрино. Серенькая и тихая, она приникла к речному берегу. Ее соломенные крыши и покосившиеся темные стены с крохотными волоковыми оконцами, заткнутыми тряпьем, казались приниженно убогими рядом с высоким и горделивым майорским домом.

Дорог на все правобережье была одна, старая нотебургская. В низовье Невы она расходилась тремя тропинками...

* Так называлась нынешняя Фонтанка.

Хозяин Матис со своей работницей почти не разговаривал. Дела на мельнице много. Васена, не разгибая спины, чинила мешки. Ей казалось — Матис действительно считает, что она с такой опасностью пришла сюда, чтобы работать на его мельнице. А ведь ей надо непременно побывать в Ниеншанце.

Но Матис все понимал. Только он не любил лишних слов. Васена убедилась в этом после одного примечательного случая.

На мельницу приехал почтенный гость, седой полковник, опиравшийся на палку с золотыми вензелями. Девушка даже не предполагала, что толстый мельник может быть таким проворным. Он учтиво кланялся, забегал вперед, открывал перед полковником двери.

Гость сел на стул и сразу же расплылся своим рыхлым, дряблым телом.

Позже Матис проводил его до коляски. Держа за локоть, помог подняться на откидную ступеньку. Сам застегнул кожаную полость, чтобы дорожной грязью не забрызгало господина полковника.

Мельник долго ходил по своей каморке, примостившейся рядом с каменными постовами. Он позвал Васену. В этот день он сказал ей самую длинную речь:

— У нас был господин Яган Аполов, комендант крепости Ниеншанц... Только он никакой не Яган. Он Иван, русский родом... Мы с ним давнишние знакомцы. Полковник приезжал меня навестить... Так вот — в семье коменданта заболела швейная мастерица. Господин Аполов спрашивает, не найдется ли ей на время замена... Значит, собирайся. Пойдешь в Ниен...

И трубкой — пых, пых, пых.

Ниен — торговый посад крепости Ниеншанц. Это был богатый город. Таким он выглядел даже сейчас, когда война приблизилась к нему. Сотнями деревянных и каменных домов раскинулся он на берегу Охты, у самого впадения ее в Неву.

Здесь было все, как положено в чистеньком иноземном городе. Перекресток двух главных улиц отмечен ратушей с башенкой. На площади — торговые ряды. На окраине — бойня, смоловарня, канатный двор, хмельники.

Рядом с верфью — пристань. На воде, еще не вполне очистившейся от льда, покачивались корабли. Матросы

лазали по вантам, подтягивали паруса. Тяжело нагруженные корабли готовились к отплытию.

Дом коменданта Аполова, обширный и поместительный, огородами спускался к реке. Выше и больше его был только стоявший рядом с ратушей дом купца Фризиуса, знаменитого тем, что его должником считался сам шведский король. Ниенский купец ссудил Карлу XII крупную сумму для войны с Россией.

У Аполовых Васенка меньше всего шила. Она и с детьми нянчилась, и бегала за водой с ведрами, бречавшими на коромысле, и прислуживала за столом. Русская прислуга ценилась в Ниене именно тем, что умела делать все.

Семья у полковника была большая, с невестками и внучатами. Говорили по-шведски, изредка по-русски, но коверкали слова на чужеземный лад. От другой, старшей прислуги Васена доподлинно узнала историю Аполовых. Они принадлежали к древнему русскому боярскому роду. Когда шведы захватили край, Аполковы перешли на службу сначала к Густаву-Адольфу, потом — к Карлу XII. Служили верно. Король причислил их к шведскому «рыцарскому дому», что равносильно потомственному дворянству. Яган родился в неволе и состарился в неволе. Хотя был полковником и шведы считали его своим.

Полковник Яган редко появлялся дома. Большую часть времени проводил в крепости.

Если бы кто-нибудь знал, что маленькая, ловкая прислуга Аполовых прошла десятки верст через леса, поминутно рискуя жизнью, чтобы взглянуть на Ниеншанц! Девушка вечером и каждую свободную минуту любила сидеть на бережку и смотреть на воду. Это не привлекало ничьего внимания. Шведы знали, что русские, даже те, кто никогда не бывал в России, тоскуют по родине и тогда ищут одиночества.

А Васена чутко присматривалась и прислушивалась. Все, все могло пригодиться. Как выглядит шведская крепость? Сколько в ней солдат? Много ли пушек?

Крепость Ниеншанц возвышалась напротив Ниена на другом берегу Охты, возле устья, и главным своим фронтом выходила на Неву. Здесь Нева делала последнюю излучину; пушки держали под прицелом оба речных плеча на большом расстоянии.

Крепость была о пяти углах. Без башен. Земляные стены мощным поясом охватывали Ниеншанц. Высота — сажень девять, возможно, и все десять. На стенах — деревянный палисад, а внизу — рогатки.

В крепости непрестанно велись работы. Шведские солдаты выходили из ворот с лопатами в руках. Копали ров и насыпали вал на стороне, обращенной к Орешку. Значит, ждут удара и готовятся к нему...

Ниен на глазах Васенки пустел, затихал. Отплыли из гавани корабли, увозящие семьи самых богатых купцов. Говорили, что залив, «большая вода», еще подо льдом. Но корабли будут ждать у кромки, чтобы, не теряя времени, уйти в Стокгольм.

Домочадцы Аполова и некоторые знатные жители посада укрылись под защиту крепостных стен. На два дня был опущен подъемный мост через Охту. Все, кому это было разрешено, перебрались в Ниеншанц.

Русскую прислугу Яган Аполов в крепость не пустил. Васенка поселилась в сарае поблизости от ворот. Сарай чуть не до верха был набит сеном. По ночам слышались невнятные шорохи, пахло родной деревней, голова кружилась от этого запаха.

Необыкновенной была эта весна в жизни девушки. Может быть, во всем настороженном городе она одна радовалась солнцу, теплу. Она знала, почему молчалив полковник, почему злы шведские солдаты, зачем их даже по ночам заставляют работать на валу. Это не их весна, а Васенкина...

Однажды ночью девушка проснулась от того, что стены сарая тряслись, точно кто-то встряхивал их сильной рукой. Сквозь щели между бревнами светило зарево. Слышались стук копыт, человеческие крики.

Васена откинула дверь, выбежала и попятилась, сжимая руки. Черные всадники, пригибаясь к гривам коней, мчались, размахивали саблями. Коня показались девушке огромными, а сабли — красными.

Со стен Ниеншанца ударил пушечный выстрел. Медленно раскрылись ворота, пропуская шведских драгунов.

Пожар разгорался все жарче. Пламя тянулось к багровому небу.

10. НАБЕГ

О том, где в действительности находился маленький барабанщик, в Орешке знали двое-трое. Остальным было ведомо, что он до начала кампании по приказанию Голицына — в Ладого.

Так думали и сержант Бухвостов и Родион Крутов. Васена — за много верст от войны, и можно за нее не тревожиться.

В Шлиссельбурге же той порой назревали большие дела. Солдаты за эти месяцы отдохнули. Пора начинать «воинский промысел».

Все знали: весной идти под Ниеншанц. Что за крепость? Во всей армии, кроме Тимофея Окулова, никто никогда ее не видел.

Хорошо бы «спробовать» шведов в этом самом Ниеншанце. Михайла Иванович Щепотев, который совсем было затосковал вдали от стрельбы и перестука мечей, так и говорил — «спробовать».

Михайла Михайлович Голицын порасспросил своего тезку, что он имеет в виду под этим словом. Дело было заманчивое, но слишком смелое; даже не верилось в удачу.

Щепотев предлагал ни много, ни мало, как с сотнею всадников подлететь к самым воротам Ниеншанца и посмотреть, на что способен враг.

— Стукнемся в ворота! — говорил сержант, покручивая усы.

Князь хитрил. Велел Щепотеву набирать охотников. Последнее же слово оставил за собой. Петр был в отлучке, на Олонецкой верфи. За потерю сотни людей не помилует, как раз вздует. Но и время терять нельзя. Каждый весенний день дорог. Зато если все удастся, как задумал сержант, да все образуется в добрый час, можно ждать большой милости.

Щепотев не раздумывал, не рассчитывал. Ему бы только поскорее схватиться с шведами: клинок из ножен — и пошла молодецкая потеха. Он обрадовался, когда Голицын сказал ему:

— Горяч, горяч ты... Одного не пушу, разве что с Бухвостовым.

Это было уже наполовину разрешением. Щепотеву, конечно, знакомы спокойствие и расчетливая медли-

тельность Сергея Леонтьевича. «Но пусть, пусть... — говорил себе Михайла Иванович, — двинемся лавой, тогда уже не остановят».

Охотников объявилось немало. Петровские солдаты тем и славились, что умели одинаково воевать хоть в пешем строю, хоть в конном. Только, по правде сказать, научила и обломала их с малолетства не армия, а крестьянская трудная жизнь. Каждый на своем веку не одну сотню верст за сохой вышагал. Для каждого конь — первый кормилец.

Из охотников пришлось выбирать самых надежных. Первым пошел Родион Крутов. Немой солдат за эти месяцы стал очень заметным человеком в Орешке.

Напросился в набег и Тимофей Окулов. Сержант предупредил его:

— Однако смотри, Тимоша. Это тебе не сойма. Тут уж слушать меня...

Еще не начало вечереть, когда сотня всадников выехала из Шлиссельбурга. Втянулись в леса канецкой стороны.

Ехали гуськом, с двумя дозорными далеко впереди. Лес шумел, обступив отряд. Щепотев велел лошадей не гнать, беречь силы для дела.

Окулов, толкнув коня пятками рыбацких сапогов, поравнялся с сержантом:

— Михайла Иванович, вели не курить, не галдеть. Впереди должна быть шведская застава.

Солдат солдату передал приказ: продвигаться в тишине, табачное зелье не разжигать. Те, кому последний запрет был особенно тяжек, совали табак за щеку, жевали. Ослушаться приказа не смели.

Первый дозорный прискакал, круто осадил коня.

— Впереди голоса слышатся, — сообщил он, — и печным дымом явственно тянет.

Совсем молодой солдат, впервой в вылазке. Голос от волнения пресекается.

Щепотев собирался кликнуть — «сабли вон, к бою». Но Бухвостов остановил его:

— Погоди, Михайла Иваныч. Если из заставы хоть один человек уйдет в Канцы, нам несдобровать.

Прав Леонтьич, как есть прав.

Лошадей стреножили. Спешенный отряд разделился. Решили обойти заставу.

Углубились в лес еще версты на две. Снова соединились, повернули обратно. Окружили сторожку. Шведов сняли быстро — ни выстрела, ни крика.

Коноводы пригнали лошадей. Можно было двигаться вперед без опаски.

Под утро увидели башню канецкой ратуши. Вот он и Ниеншанц. Отряд остановился, развернулся в линию на опушке.

— Теперь, хлопцы, приказ обратный, — скомандовал Щепотев своим молодцам, — шуму побольше!

С этими словами рванул саблю и плашмя хлестнул ею коня. С воплем и ревом отряд ринулся напрямик на вражью крепость. Ее громада нарастала с каждой минутой. Уже видны ворота, утяжеленные расплюснутым железом.

Тимофей метнулся в сторону, к стогам сена, запалил их. Всадники мчались в движущихся отсветах пламени.

В Ниеншанце захлебывался, звенел тревожный колокол. С валов прозвучали выстрелы. Громыкнула пушка.

— Тимоша, глянь! — закричал Щепотев.

Окулов увидел то, что видел уже весь отряд. Словно отвечая огням на этом берегу Охты, на противоположном, за задраным к небу мостом, вспыхнуло пламя сразу в нескольких местах.

— Шведы жгут город! — изумился Тимофей. — Эка страх-то что делает.

Но Михаила Иванович уже не слушал. Он отчаянно крутил саблей над головой, сзывал товарищей.

Ворота крепости, скрипя пудовыми петлями, разошлись. Шведские драгуны на разгоряченных конях вымчались в поле. Началась рубка.

Щепотев поспевал всюду. Его громкий голос слышался за стуком сабель. Родион Крутов дрался шестопером на длинной рукояти. Этот шестопер он раздобыл в Орешке среди старого оружия и с тех пор не расставался со своей находкой.

Бухвостов, пролетая мимо на своем гнедом, успел спросить:

— Ополоумел, что ли? Где сабля?

Но Родион только досадливо махнул рукой с зажатыми в кулак поводьями, дескать — не мешай, так ловчее. И погнался за шведом.

В то же мгновение Бухвостов услышал голос, который узнал бы среди тысячи голосов:

— Дядь Сергей!

Это было так неожиданно, что Сергей Леонтьевич пошатнулся в седле. Может, он уже убит, и то — последнее его видение, самое дорогое на грешной земле. Но под копытами метнулась крохотная девическая фигурка с протянутыми руками. И снова:

— Дядь Сергей!

Прямо на Бухвостова мчались драгуны. Наперерез им, разрывая уздечкой вспененный рот коня, несли Окулов. Бухвостов видел, как ладожанин грудью своей лошади вышиб из седла передового драгуна.

Сергей Леонтьевич, еще не веря, что перед ним Васенка, бережно подхватил ее...

Все это с ниеншанцского вала видел полковник Яган Аполов — и конную схватку, и горящие стога, и русскую девчонку, его прислугу, которая вдруг оказалась на вскинувшемся на дыбы коне.

Совсем рассвело. Аполов смотрел, как русские гоняют по полю драгунов. Полковник задохнулся от гнева. Неслыханная дерзость! Всего несколько десятков человек напали на крепость. Да они о двух головах, что ли?

Яган Аполов что-то сердито прокричал трубачу и поспешно спустился внутрь крепости. Далеко слышный трубный сигнал всколыхнул воздух.

Полковник сам вывел из Ниеншанца войско, чтобы наказать горсточку этих зазнавшихся петровских выкормышей.

Но перед валом уже никого не было. Лишь на земле стонали раненые драгуны. За рекой горел Ниен.

Отряд Щепотева торопливо пробирался сквозь лес. Впереди гнали захваченных шведских лошадей. Михайла Иванович велел набавить ходу. Опасался погони.

На берег Невы выехали уже вблизи Орешка.

Родион от радости приплясывал в седле и неотрывно смотрел на сестру. Сергей Леонтьевич не отпускал Васенку со своего коня, словно боялся, что она исчезнет так же внезапно, как и появилась.

Девушку закутали в баранью шубу, взятую на разоренной заставе; из ворот виднелись только серые глаза и короткий красный носишка. Всю дорогу она рассказывала Бухвостову о том, что пережила за эти недели.

Издали Сергей Леонтьевич кулаком погрозил Окулову. Он подъехал.

— Хотел сам идти в Канцы, — сказал, оправдываясь, — меня не пустили.

— Спросились бы хоть у меня, — посетовал Бухвостов.

— Ты отпустил бы ее?

— Никогда!

— Потому и не спрашивали...

Сергей Леонтьевич хотел поругать ладожанина, но вспомнил, что ведь это он нынче спас его и Васенку от наскочившего шведа. Промолчал. Повернулся к девушке:

— Много же ты повидала... Понравилось тебе море?

— Какое море? — удивилась Васенка.

— То, которое неподалеку от Канцев плещется, — вмешался в разговор Окулов.

Васенка наморщила лоб.

— Такое большущее-большущее, серое-серое, как стена?

— Оно и есть, — улыбнулся Тимофей.

— А я думала — то небо. Значит, видела море...

Об этом набеге было отписано из Шлиссельбурга в Москву:

«Михайла Щепотев ехал к Канцам, да побии шведов, лошадей взяли до шестидесяти... И были у Канец, и выехав из города шведские драгуны за ними погнались... и город заперли и тревогу били, ... а наши, слава богу, все в целости».

Все так и было. Только ничего не говорилось о том, что в набег ушли сто солдат, а вернулся — сто один.

11. «ВРЕМЯ, ВРЕМЯ!»

Войскам на острове в Шлиссельбурге не уместиться. Стали лагерем на обоих берегах Невы. Здесь были и гвардия, пришедшая из Москвы, и шереметевские полки из Новгорода и Пскова.

В лагере шумно. Капралы учат солдат ружейным приемам — как фитилем, зажатым в зубах, запаливать гранату, как взбираться на вал и колоть багинетом.

Проходят дни в воинской экзерциции. Вечерами горят костры. На них варят кашу, возле балагурят, ссорятся и смеются.

У костра, разложенного на самом речном берегу, так что огонь глядится в темную воду, солдаты поют песни. Те, кто постарше, выбирают деревенские, протяжные, тоской надрывающие душу. Тем, кто моложе, подавай лихую, забубенную, чтобы горе и раздумье побоку. Долго спорят, какую петь. А решает признанный всеми запевала, Трофим. Какую заведет, ту подхватывают.

Порой все умолкают, чтобы дать Трофиму выпеться. Понимают — теснит солдатскую душу песня, надо ей взлететь над людьми в ночь, в даль.

— Давай про синичку! — требуют несколько голосов у костра.

Ширяй вскочил на ноги, подбоченился.

— Э-эх! — пронеслось над рекой.

Подсели солдаты от соседних костров.

— Троха поет, — тихо перемолвились, смолкли.

Сиповщик подул в берестяночку. Простая, односложная мелодия прозвучала, как присловье.

И снова:

— Э-эх, эх, эх!

Ширяй раскинул руки, и начал шепотком, потом все громче, все быстрее залихватскую:

За морем синичка не пышно жила,
Не пышно жила, пиво варивала.
Солоду купила, хмелю займы взяла.
Черный дрозд пивоваром был.
Дай же нам, боже, пиво то сварить,
Пиво то сварить и вина накурить!

Трофим подмигивает. Солдаты вытащили из-за голенищ деревянные ложки, те самые, которыми только что кашу уминали. Ложки ударяют дробно, быстро. Взмывает голос певца:

Созовем к себе гостей — мелких пташечек.
Соловушка-вдовушка незваная пришла,
Снегирюшка по сеничкам похаживает,
Соловухе головушку поглаживает.
Стали все птички меж собой говорить:
Что ж ты, снегирюшка, не женишься?

Сощурил Ширяй глаза, голову наклонил, лицо хитрое, не поет — выговаривает:

Рад бы я жениться, да некого взять,
Взял бы я чечетку — та тетка моя,
Взял бы я сороку — щекотливая.
Есть за морями перепелочка.
Ту я люблю, за себя возьму!

Последние слова про перепелочку подхватывают десятки голосов. Сиповщика обнимают, тормозят.

— Ну, Троха. Вот уж душа — талант!

Многие бросаются в пляс. Летят жаркие искры. Летят и гаснут над рекой.

Поздно ночью затихает лагерь. Некоторые укладываются спать в палатках. Но большинство — у костра, под безлунным, в серых тучах, небом. Ворочаются во сне солдаты. Один бок мерзнет, другой на огне подпалывается.

Назавтра с зоревым горном — подъем, и снова экзерциции с гранатами, саблями, мушкетами. Не простое дело воинское.

Начало кампании близко.

Только успели встретить Щепотева, вернувшегося со своими парнями из набега, — стало известно, что ходили наши за озерный рубеж и привели оттуда шведских плененников. Потом появился перебежчик с вражьей стороны, говорит — шведы большой ратью готовятся к бою.

В лагере обо всех вестях толкуют так и этак. Скоро, скоро — в поход. Боевой, недалекий.

Среди тех дел случилось событие, которое для многих осталось вовсе неприметным.

В полку стали уж забывать, что есть такой солдат, разжалованный из боярского звания — Иван Меньшой Оглоблин. Перестали говорить о его судьбе. Солдат как солдат.

Но Иван Оглоблин о себе сам напомнил. Послан он был вместе с другими в вылазку к мызе Рултула. И там случилось постыдное.

То ли по природе был он боязлив, то ли, пока терся в обозе, около кашеваров, совсем отвык от ружейного грома: в бою близ Рултулы он струсил. Наши солдаты с шведами грудь к груди схватились, а Оглоблин попятился, сбежал в лесок.

В обратном походе товарищи посмеивались над ним, он и сам пошучивал над собой. Только дело было нешуточное.

В армии трусость не прощали. Наказывали жестоко. Случалось — и вешали перед строем.

Насчет Оглоблина вышел приказ: «Бить батогами с отнятием чести, снем рубаху».

Приговоренный ревел в голос бабьими слезами. Солдаты стояли под ружьем, угрюмо отводя глаза. Ударили барабаны. Размахнулся палач.

Вдруг Оглоблин вскочил, смешно поддерживая штаны, завопил, залопотал. Лишь несколько слов можно было разобрать:

— Государево слово и дело! Слово и дело!

Офицер кивнул палачу. Тот отошел, с сожалением раскатал засученный рукав. Кажется, на этот раз кара миновала труса.

Вместе с пленными шведами, отсылаемыми в Москву, отправили и Оглоблина — к Ромодановскому, в Преображенский приказ.

Через несколько дней об этом происшествии никто уже не говорил и не думал. Не до того было.

Петр примчался с Олонецкой верфи. Он успел загореть на вешнем солнце. Был тревожен. В Шлиссельбурге разругал всех подряд: и кашевара, подсунувшего ему прогорклую гречневую размазню; и фельдмаршала — за то, что не усмотрел — в полках нехватка пуль.

Бориса Петровича нещадно корил еще за то, что не все суда, строившиеся на острове, успели в срок:

— Малые паузки столь долго делают, знать, не радуют. Время, время! Не дать неприятелю опередить нас. Не пришлось бы нам тужить после. Время, время!

Все надо самому проверить. Не прикрикнешь, не возьмешь за глотку, не поторопятся. Торопиться же надо, не упуская часа.

От хлопот и забот сон пропал. В мыслях то одно, то другое вразброс. Хватит ли свинца? Не подмочили ль в обозе порох? Где застряли лекари? По сей день не прибыли к армии. Привезены ли из Ладоги мешки с шерстью? А суда, суда! Успели ли законопатить прошлогодние? Надежны ли новые? Не сели бы на мель барки, идущие от Олонца...

Двадцать третьего апреля переливчатые горны подняли войско. Шереметев в последний раз устроил смотр полкам.

Первой отправилась по берегу конница. За нею — пешие ратники. Увязали в грязи. Ругались и пели. Проклинали свою солдатскую долю. Дивились белым подснежникам, проглянувшим на лесных прогалинах. Двадцатитысячная армия шла к Ниеншанцу.

Бомбардирский капитан на день задержался в Шлиссельбургской крепости. Не мог никому доверить любимое свое детище — артиллерию. Он должен своими глазами видеть, как ставят на палубы пушки, как крепят их, как укладывают в трюмах ядра и коробки с порохом.

Иногда Петр сам хватается за снасть, которой тянут пушки. Взмахивает кули на спину, кричит. Доски под ним гнутся. Солдаты давно уже содрали кожу с ладоней. Иные надорвались, сплевывают кровью. Лица потные. Ну чего тут крутится на сходнях этот горластый, долговязый? Только мешает. Не толкнуть бы его ненароком, греха не оберешься.

Петр и сам видит: без него обойдутся. Садится на берегу на валун. Раскуривает трубку. Разглаживает на остром колене бумагу с замусоленными краями. Водя по строкам дымящимся чубуком, читает «сказку ладожан»:

«От Орешка до Невского порогу 20 верст: путь удобный с знатцами... От порогу до городу Канец 25 верст: путь свободный с знатцами ж, а без них невозможен, потому что в редких местах есть камень под водою. От Канец до Невского нижнего устья, до моря 7 верст: ход судам свободный с признаками, потому что есть мели... По невским берегам от Орешка до Канец леса большие и малые...»

В низовье Невы барки с артиллерией пойдут плавным путем.

Головную поведет Тимофей Окулов.

12. НАСЛЕДЬЕ

Караван вышел днем, чтобы при высоком солнце миновать пороги. Попутный ветер надувал паруса.

Кормщиков для барок Тимофей подобрал умелых, надежных. Все же когда впереди поперек Невы показались буруны, в караване все стихло, напряглось. На что

уж бомбардиры бывалые люди — и то замолкли, столпились на палубах. Холодок ознобил кожу.

Как по команде обнажились мачты, упали паруса. Волны протяжно, упруго били в борта. Буруны ближе. Видны камни, торчащие из воды.

На первой барке Окулов крепко держит рулевой брус. Не сводит глаз с гряды. Толкнул брус. Барка рыскнула, что-то заскрипело. Промелькнули пороги. Впереди — чистая вода.

Ладожанин отвел свое судно в сторону, пропуская караван. Последний паузок — хорошо, что последний, — засел на камнях, затрещал, словно закричал, разваливаясь. Быстрехонько сдернули его с гряды, подтащили к берегу. Перегрузили ядра.

Караван снова взял ветер в паруса.

Бомбардирский капитан стоял на палубе. Он смотрел на уходящие, тронутые первой травкой, пологие берега. Леса спускались вплотную к воде, а вдаль подступали к небу. Его острый жадный взгляд подмечал все — и протоптанные, еще не совсем заросшие тропы бечевника, и заплывшие смолой сосновые пеньки. Здесь матросы торговых кораблей, наверно, рубили сменные мачты. Над водой держался туман.

— Ах, хорошо, Леонтьич, — сказал Петр стоявшему рядом Бухвостову.

Впервые они видели Неву в среднем течении. Быстрая, широкая, она свободно несла свои воды к морю. Поистине река-красавица.

Кто только не искал ее щедрот? Новгородские ушкуи... Ладьи викингов... Многое помнит река...

Посвежело. За крутую лукой штормовой порыв хлестнул в лицо. Бухвостов давно уж зовет Петра в шкиперскую каюту.

— Погоди, — отмахивается тот, — погоди! — и все смотрит пристально, наглядеться не может.

Уже в сумерках Окулов отвел караван в левый невиский приток.

— Переждем ночь, — сказал ладожанин бомбардирскому капитану, — в темноте не напороться бы на камни.

— Что за речка? — спросил Петр.

— Ижора, — ответил Тимофей.

Сказал он это слово мимоходом и торопливо, так как

в это время из кабестана, разбрасывая брызги, как искры, полетел на дно якорь.

— Ижора.

Петр словно захлебнулся вечерующим воздухом.

На берегу забелели палатки — паруса, натянутые на колья. Пушкари — не большие любители на воде качаться. На твердом берегу, в весенней духмани куда лучше. Чуть прикоснулись головой к земле — уж сны видят. Капитан бомбардирский видит сон широко открытыми глазами.

Он сидит на борту барки, свесив костлявые ноги в нитяных чулках. Бухвостов — рядом, в раздумье.

«Первый российский солдат» знает, что во всей истории отечественной излюбленнейший герой Петра — юный новгородский князь Александр Ярославич. По народному прозванию — Невский.

История быстротечна, как вода в этой прекрасной реке. История еще глубже. Может быть, она бездонна.

Подумать только — тому без малого полтысячи лет. Тогда еще не существовал каменный Орешек на острове, не было и в помине города, к которому сейчас держат путь петровские барки. А Нева была такая же, как сейчас, и так же плескалась о берег, и так же тревожно шумели леса...

Шел год 1240-й. Русь поругана татарами. Неисчислимые орды заполонили ее. Татары всего ста верст не дошли до Новгорода, от Торжка повернули на юг.

Но с запада ополчается другой враг, еще коварней, еще беспощадней. Римский папа благословляет крестовый поход против «еретиков русских».

Поднимаются тевтонские рыцари. Поднимаются шведы. Тогда на деле правил Швецией не король, а его зять, умный, честолюбивый и жестокий ярл * Биргер.

Под папскими хоругвями вместе с сыном он отплыл к русским землям. «Пыхаючи духом ратным», — говорит летописец, он с пути отправил посла в Новгород. «Я здесь, и пленю землю твою», — передал посол новгородскому князю слова Биргера. «Хорошо же, — ответил князь, — не я к нему пришел, а он».

* Ярл — шведский дворянский титул.

В Новгороде княжил Александр, сын Ярослава Владимировского.

В детстве Александр видел, как дружины уходили в бранные походы и возвращались с пленниками, привязанными к хвостам коней. При нем отца звали в Новгород княжить, а потом изгоняли вечно. В отрочестве вместе с новгородцами пережил многие беды: ранние морозы сгубили на полях посевы. Люди кормились желудями, липовыми листьями. Начался мор. Вспыхнули пожары в Славянском конце города. Вихрь перенес огонь через Волхов. Люди искали спасения в реке, сгорали, тонули...

Александр привык не склонять головы перед бедой. Ему шел двадцатый год, когда ярл Биргер прислал вызов к бою.

Молодой князь с дружиной, набранной из новгородских юноков, поспешил к Неве. Здесь его встретил старейшина ижорского племени Пелгусий. Он рассказал, что у шведов «сила велика». Пелгусий взялся провести дружину скрытными тропами к лагерю Биргера.

Лагерь находился там, где река Ижора впадает в Неву...

— Леонтьич, ты здесь? — спросил Петр.

— Здесь я, — ответил Бухвостов.

Взошла луна. Колдовской свет упал на ветви деревьев. Ветер раскачивал их, и густые тени металась по поляне.

Да полно, наши ли барки стоят у берега? Может быть, это пришедшие из-за моря корабли ярла Биргера?

Что там, на поляне? Не дружина ли Александра Ярославича пробивается вперед?.. Вот уже витязи с копьями наперевес, звеня кольчугами, мчатся во весь опор на шведский спящий стан. С вздыбленных коней бьют харалужными мечами, бьют палицами.

Шведов вдвое больше. Но не выстоять им под внезапным натиском. Они отступают к кораблям.

Биргер старается остановить, собрать бегущих. Поздно. Александр пробивается к ярлу, наотмашь ударяет мечом, но только сбивает шишак и ранит лицо врага.

Дружинник Гаврила Алексич гонится за успевшим оседлать лошадь сыном Биргера. Тот увертывается и прямо с седла прыгает на сходни брига, где уже рубят

причальные канаты. Но Алексич одним махом, на коне, по сходням вскочил на палубу, крушит, рубит.

Славно же дерутся Александровы витязи. Во всю ширь плеча. Добывают боевую славу.

Вот новгородец Сбыслав Якунович бьется простым плотницким топором. Вот воевода пешего ополчения Михайла в щепы разносит борта шведских кораблей, навалившихся на берег. По воде плывут доски, золоченые зверские морды, сбитые ростры. Вот сразу пятеро отступают перед мечом княжего ловчего Якова Полочанина...

Отступает, бежит враг. Надолго же он запомнит эту жесткую приневскую землю.

Лишь ночь остановила побоище. Всего на нескольких кораблях с порванными парусами удалось уйти остаткам войска Биргера.

«Мужествовав много», — говорит летописец о дружинниках-новгородцах. Века пролетели, как темные тучи по небу, а народ все помнит про битву на Неве...

Петр уже не сидит на борту своей барки. Он шагает по палубе. Дрема давно исчезла.

Александр Ярославичу было двадцать лет, когда он стал Невским. Петр на десять лет старше. А много ли сделал для Руси?.. Так мало, что от тоски стынет сердце.

Перед глазами бомбардирского капитана вставали лица поименно знакомых ему пушкарей, конников, пеших воинов. Простые лица, усатые, добродушные и хитрые, веселые и сумрачные. Кто их знает, солдат российских? Может быть, вот там, на земле, под палаточным пологом во все завертки храпит новый Гаврила Алексич или Сбыслав Якунович?

А шведы? Посмотрим, как нынче выглядят потомки ярла Биргера. Посмотрим!

Бомбардирский капитан окликает Бухвостова:

— Не спишь, сержант?

— Не сплю, — отвечает Сергей Леонтьевич.

— Позови Тимофея, — велит Петр. — Поднимай молодцов. Время с якорей сниматься!

Грузные барки, покачиваясь, выплыли на середину Невы.

С низовья долгими раскатами доносилась перестрелка.

13. СТРАДА

Ниеншанц был плотно обложен со всех сторон. Олу-
стевший Ниен все еще горел. Дымом затянуло полнеба.

Барки вошли в гавань, прикрытую от врага высо-
ким берегом. Сразу же начали выгружать мортиры и
ядра.

Петр прошагал в фельдмаршальский шатер. Шатер
был разбит на берегу Охты. Рядом громоздились разва-
лины старой, сложенной из тяжелых валунов, стены. Ее
покрывал серый ползучий мох. Немногие знали, что это
руины древней Ландскроны.

В шатре Шереметев допрашивал пленного шведского
драгуна. Мундир на нем порван, кожаная португепя рас-
сечена. Левой рукой швед придерживал глаз, затекший
большим синяком, правой — на обрывке бумаги чертил
план Ниеншанца. Пальцы пленного плохо слушались,
линии получались неровные.

Увидев вошедшего огромного русского офицера, дра-
гун заспешил, стал усерднее выводить линии.

Бомбардирский капитан кивнул. Шведа увели.

Шереметев, сопя от возбуждения, обрадованный пер-
вой удачей, доложил Петру о том, что случилось в
минувший день.

Не дойдя со своей армией до Ниеншанца, Борис Пет-
рович послал вперед авангардный отряд полковника
Нейтерта и поручика Глебовского.

Отряд с ходу налетел на крепость. Схватились с
шведскими драгунами, заставили их бежать, взяли плен-
ных. Наши смельчаки уж и на вал взбежать успели. Но
как приказ был лишь завязать первый бой, то залегли
за внешним, недостроенным валом, до подхода глав-
ных сил.

Петр обругал Нейтерта и Глебовского. При таком
ударе можно было и большего добиться. Приказа жда-
ли! С осторожкой хорошо ершиную уху хлебать, а не
вражеские крепости брать.

Радость Бориса Петровича померкла. Морщины
глубже обозначились на щеках.

Бомбардирский капитан ногой отшвырнул расклад-
ной стул. Вышел из шатра.

День был сумеречный. В воздухе носились черные
хлопья. Пахло гарью.

Ниеншанц землистой грудой, оплывая под дождем, виднелся на мысу. Изредка то здесь, то там сверкнет выстрел. Настоящий бой еще не начался. Противники только присматривались.

Наша позиция была отменно хороша. Всего саженьях в двадцати от крепости. Широкий вал — отличное прикрытие. Он надежно гасил вражеские пули. Выходит, шведы для нас насыпали этот вал...

Осада Ниеншанца складывалась совсем по-новому, непохоже на штурм Нотебурга. Здесь не было водной преграды со всех сторон. Два войска с самого начала стояли нос к носу. И воевать приходилось с иной сноровкой.

Резервные полки, укрытые в лесу, занимались важным делом: рубили лес для фашинных связок. Из ветвей плели длинные корзины, насыпали их землей. Получались туры — как-никак, защита от пуль в этом полукрепостном, полуполеовом сражении...

Ночь напролет, стараясь не шуметь, умеря дыхание, бомбардиры рыли апроши, ставили на место пушки. Несли их на руках, оступались в грязь, в рытвины. Случалось, железная тяжесть придавит солдата — он не застонет, не охнет, только глаза нальются кровью. Ждет, когда подоспеют на помощь товарищи...

К рассвету девятнадцать пушек да тринадцать мортир, разинув черные жерла, глядели на Ниеншанц.

Можно бы и начинать дело. Но, как уж повелось в российской армии, противнику была предложена сдача, чтобы не лить понапрасну кровь.

Легко, словно играючи, на вал взбежал барабанщик с белой перевязью через плечо. Вскинул палочки, ударил в звучную, туго натянутую кожу.

Белобрысенький барабанщик старался шагать уверенно, твердо. Он направлялся прямо к крепости. За обшлагом его мундира белел бумажный пакет.

На земляной стене крепости появились шведы. Барабанщик, задрав голову вверх, стоял уже у ворот. К нему вышел офицер, высокий, плечистый, с огромным, волочащимся палахом. Рядом с офицером барабанщик казался беззащитным малышом. Эта беззащитность была такой явной, что солдаты наши без команды, без уговора поднялись и тесным рядом подвинулись вперед.

Двое у крепостных ворот на виду у двух армий о чем-то говорили. Потом все увидели, как барабанщику завязали глаза. В воротах, в глубину, отворилась маленькая калитка.

Уже в самом Ниеншанце барабанщика куда-то долго вели. Он поднимался и спускался по ступеням. Наконец с глаз сняли платок.

Лицом к лицу стояли Яган Аполов и Васена Крутова.

Васена сама напросилась в парламентареры из желания первой побывать в крепости, к стенам которой она пришла первой же, задолго до того, как ее осадила армия. Страха не было. По нерушиму закону посланный с миром от войска почитался неприкосновенным.

Пытливо оглядывала Васена помещение, где находилась. Оно без окон. Стены расперты бревнами, сквозь пазы сыпалась земля. Это был каземат, вырытый в толще крепостной стены.

Щеки Аполова красны, как сырое мясо. Желтые белки глаз в тонких прожилках... Узнал ли комендант Ниеншанца в барабанщике свою прислугу? Если и узнал, ничем не выдал себя. Не признавать же, что его, седого полковника, одурачила девчонка (или мальчишка?), почти ребенок.

Аполов взял письмо. С осторожностью развернул. Прочел и покраснел еще больше.

Задыхаясь, с трудом проговорил по-русски:

— Нет, мы будем драться. — И, отвернувшись от барабанщика, по-шведски, тихо, но так, что его слышал офицер, приведший Васену: — Король никогда не простит мне сдачу Ниеншанца...

Сразу после того, как барабанщик вернулся из крепости и стал известен ответ Аполова, началась по обыкновению трудная воинская страда.

Полетели пули с обеих сторон. Ядра долбили и рвали землю.

Логин Жихарев с бомбардирской командой управлялся со своими тремя пушками. Они стояли в ряд — та, что перед началом кампании была сделана на Литейном дворе, старинная, прадедовская, найденная в Нотебурге, и та, что недавно отлита в Орешке.

У каждой свой норов. Старинная стреляла исправно, только ядра приходилось подбирать мельче. Новая была

с небольшим недолетом, а первая действовала, как бывалый, обкуренный порохом солдат, характера своего не показывала.

Логин с горящим фитилем, зажатым в зубах, бегал от пушки к пушке. Одна стреляет, в другие заряд кладут.

Жихарев потерял где-то шапку, волосы разлохматились, падают на глаза. В спешке повязал кудри веревкой, оторванной от порохового мешка. Пушкарь, обычно неуклюжий, по-медвежьи медлительный, совсем другим становился только у домницы и в сражении. Ловкий. Быстрый.

Жихаревские пушки знает вся армия. Подручные Логина стараются — не было б охулки. Ядра летят с по-свистом. В стороне от батареи солдаты забрасывают фашинником ров.

Двое, Родион Крутов и Трофим Ширий, волокут к крепостной стене саженный мешок, набитый шерстью. Мешок тяжелый, оттягивает руки. Родион тащит изо всех сил, а вокруг земля — шмяк, шмяк под вражьем свинцом.

Трофим кричит Крутову громко, в апрошах слышно: — Куда прешь дуrom? Прячься!

Немой либо не слышит, либо не хочет слышать. Ширий дергает его к себе. Оба оказываются за мешком. Можно отдохнуть. Плотно сбита шерсть — верная защита от пули.

Солдаты из окопа всё видят, громко подают советы. Трофим отмахивается.

Оставаясь за мешком, он вместе с Крутовым постепенно подталкивает его вперед, все ближе к стене. Опять отдыхают за мешком, соображают, откуда дует ветер. Наконец слышно, как сиповщик кричит Родиону:

— Бей огниво!

Немой долго возится, прикрывая ладонями затлевший огонек, шумно раздувает его.

— Ого-го! — ревут в окопе.

Шерсть задымилась. Черные, смрадные облака поднялись к небу, окутали стену.

Солдаты сразу же побежали вперед, полезли на вал. Шведы задыхались, но дрались упорно. Нападение отбили.

Сиповщик и немой вместе со всеми отошли, отстреливаясь.

Молоденький солдат ныл, зализывая рассеченную ладонь. Седой капрал поглядывал на дымящуюся выстрелами крепость, говорил спокойно:

— Ладно. Сейчас не вышло — в другой раз выйдет,

14. НАЧАЛЬНАЯ ВЕШКА

Это произошло на другой день осады Ниеншанца, 28 апреля, в сумерки.

Шведы стойко обороняли крепость с материка. Тут у них главные силы, людские и огневые. Фас, выходивший на Неву, они считали наиболее безопасным. Но именно там и случилось неожиданное.

Флотилия русских лодок — не менее шестидесяти — вдруг показалась из-за мыса, где она скрытно накапливалась. На полных взмахх весел, пеня воду, лодки ринулись, казалось, напрямик к крепости. Но они не атаковали ее.

Пока в Ниеншанце улегся переполох, пока наводили пушки, флотилия пронеслась мимо. Ядра, посланные вслед, никакого вреда ей не причинили.

На передовой лодке, вместе с Петром, были Окулов, Бухвостов и Щепотев. Сергей Леонтьевич посмотрел на взлетавшие и медленно падающие водяные столбы и сказал:

— Славно прорвались! — Повернувшись в сторону крепости, добавил: — Прозевали! В другой раз поглядывайте!

Тимофей Окулов запрокинул разгоряченное лицо. Рубаха расстегнута, широкая грудь вбирает ветер. Летят брызги с весел, быстрые темные вороночки крутятся под их ударами. Лодки идут ровно. Течение вторит усилиям гребцов. Словно на крыльях летят.

Давно уже Окулов не бывал здесь, на невском низовье. Внимательно вглядывается в берега, ищет перемен и не находит их. Все тот же лесной, малообжитый край. Где-то вдалеке голосит петух. Среди не оперившихся еще зеленью деревьев изредка мелькают серенькие крыши. Несколько поселян заметили флотилию, убежали

дальше от берега. Видно, здесь не привыкли ждать добра от неведомо куда плывущих людей.

На Неве чем ближе к взморью, тем круче волны. Колья рыболовецких тоней на отмелях то накроет водой, то обнажит.

Наступившая ночь была по-северному короткой. Решили переждать ее в тростниковых плавнях.

Утром высадились на берег. Из маленькой деревеньки за песчаными холмами бежали навстречу мальчишки. Взрослые с порогов своих изб смотрели недоверчиво. Несколько женщин, размахивая хворостинами, угоняли в лес тощих коров, коз.

Бухвостов встал поперек дороги, крикнул:

— Куда? Не опасайтесь, мы свои!

Женщины, услышав русскую речь, побросали хворостины, стремглав кинулись обратно в деревню. Вскоре сбежалось все ее население.

— Русские! Наши пришли! Конец шведам! — слышалось со всех сторон.

Петровских солдат поили молоком. Кто тащил краюху ржаного хлеба, кто сотину, прозрачную от меда.

Говорили наперебой. Приметно было — отрадно людям произносить русские слова. Поразительно, как приневские жители в почти вековой неволе сохранили родной язык. Сберегли его вместе с надеждой.

С крыльца избы, повыше и прочнее других, смотрел на пришельцев человек в рыбацкой просмоленной шляпе. Стукнула дверь. Захлопнулся ставень. Загремел железный засов. Тоскливо заплакал ребенок.

В толпе замолчали. Жалостливый женский голос пояснил:

— Тут немец живет, с-под Стекольны. Простой, обходительный, с детьми малыми...

Тимофей Окулов постучал в ставень, подождал, не отзовутся ли, сказал:

— Живите смело, зла чинить вам не будут...

Дверь не открывали. Но ладожанину было уже не до того. С холма увидел крылья мельницы. Они застыли в утреннем безветрии.

В толкотне, среди шума и говора, бомбардирский капитан на клочках серой толстой бумаги писал охранные грамоты. Кто-то из солдат подставил спину. Петр

писал размашисто, дырявя бумагу грифелем: поселянам, всякому в своем доме жить безопасно — и русским, и иноземцам.

Не хватило бумаги. Писал на коре, на щепках.

Одну такую грамоту Тимофей взял для Матиса. Ладожанин бежал на мельницу, прыгая через плетни и вскопанные гряды. Простучал коваными сапожищами по мостику.

Хозяин Матис при виде «русского Тима» поперхнулся дымом, выронил трубку. Окулов тискал мельника в объятиях.

— Постой, постой, — проговорил тот, — русские уже здесь?

— Со вчерашнего дня, — радостно подтвердил ладожанин.

— А Ниеншанц? — спросил мельник.

— За Ниеншанц бьемся, — ответил Тимофей.

Матис сказал смущенно:

— Великая у меня перед тобой вина. Девчонку, что ты прислал, не уберег. Пропала безвестно.

— Не тревожься, она жива и к тебе в гости собирается.

Ладожанин передал Матису грамоту. Отныне он становился владельцем острова и ближней к нему земли.

Тимофей еще раз обнял мельника и заторопился к своим. Солдаты уже садились в лодки. Флотилия обшарила залив и все протоки. Никаких шведских судов не нашли. Чист был и горизонт.

Открывшаяся глазам даль пьянила людей. Носились на веслах вперегонки. Паруса с пушечным гулом хлопали при перемене галса, лодки на крутых поворотах черпали воду.

Чайки летали, почти не двигая крыльями. Кричали пронзительно.

Волны подкатывали к небу. Воздух над большой водой совсем не такой, как над озерной. Он свежий, летучий. Море давало о себе знать. Иное над ним небо. Иной голос у пенных валов, протяжный и долгий.

Окулов сел на весла. Петр кидал за борт узлистую веревку с камнем на конце; искал, где проходит фарватер, и не мог найти. Сбивался, по несколько раз промерял одно и то же место.

Веревка показывала небольшие глубины. Только поближе к берегу неожиданно дно скатывалось обрывом. Пожалуй, именно тут проходила корабельная дорога.

Рядом с лодкой плыл подмытый течением где-то на окраине куст голубики. Выворотило его с корнями и немалым куском земли.

Петр потянулся над водой длиннопалыми руками, схватил куст. Накрепко привязал к нему веревку и кинул камень. Брызги плеснули в лицо. Они были холодные и горьковатые на вкус.

Куст с ссохшимися прошлогодними сизыми ягодами закачался на месте.

Тимофей, не оставляя весел, сказал, щурясь от проглянувшего уже на закате солнышка:

— С начальной вешкой тебя, господин капитан бомбардирский.

Петр еще раз напоследок оглянул серую водную даль и произнес раздумчиво:

— Пора к дому.

Окулов усмехнулся неожиданному слову. «Где он, родимый дом? Далековато увела нас солдатская судьба».

Лодки неторопливо стягивались вокруг только что поставленной вехи. Подгресли и Щепотев с Бухвостовым. Они на крутобокой верейке ходили осматривать дальнюю бухту.

Тут же, у вехи, флотилия разделилась. Половина людей с сержантами Щепотевым и Бухвостовым оставалась на взморье. Они должны были неотрывно следить за устьем Невы, за морской дорогой.

Другая половина с Петром и ладожанином возвращалась к Канцам. Выгребать против течения было трудно. Солдаты менялись на веслах через каждые полчаса. Упряма Нева, противится людям.

Теперь проскользнуть мимо крепости было труднее. Шведы ждали. Да и ход у лодок маловат для маневра. Только ночная темь смельчакам в подспорье.

Заухали пушки. Ядро угодило в одну лодку, другую тоже разбило, но она удержалась на плаву.

Суда вошли в охтинскую гавань. Темная вода отражала вспышки выстрелов. Над пушечными батареями взлетали и гасли зарницы.

— Вот мы и дома, — повторил Окулов слово, услышанное на взморье, — дома!

15. В ЖЕЛЕЗАХ

«С наших батарей из мортир и пушек учинена по городу стрельба... Из мортиров действовано во всю ночь, даже до утра». Так в поденных записях говорится о решающих часах осады Ниеншанца.

Голицын со своими семеновцами многократно ходил в атаку на большой вал. Наступали через ров с разногласием, угрожающим ревом. С колена стреляли. В дымную мглу швыряли гранаты.

Шведы крепко вкопались в землю. Не оторвать, не столкнуть. Каждый раз они отбрасывали семеновцев сильным мушкетным огнем. К крепостному валу солдаты шли во весь рост, обратно ползли, тащили раненых. Проклятия заглушали стоны.

Солдаты просили пушкарей:

— Выкурите шведов из их земляной норы. Только выкурите, а там уж мы их на пики примем!

Десятки пушек горячими жерлами взяли крепость в полукольцо. Вал не пробить. Стреляют «с навесом», чтобы все живое, все постройки внутри Ниеншанца сечь, вбить в землю.

Стрельба непрерывная. На жихаревской батарее — ад кромешный. Пушкарни оглохли. Логин, сверкая белками глаз, размахивает банником. Мортиры так горячи, что класть в них заряд страшно: не загорелся бы до времени.

Жихарев обдаёт медь водой из ушата. Вода закипает, испаряется легким дымком. Если бой продлится еще пару часов, пойдут пушки в переплав. Огонь уже начал смягчить металл.

Ничего больше не остается пушкарям: надо дать передышку орудиям. Два стреляют, третье молчит, остывает.

Полковник Голицын сразу заметил, что поутихла жихаревская батарея. Наскочил на Логина с сабелькой:

— Не стреляешь, такой-сякой? Давай, давай огонь!

Пушкарю нет времени объяснять, просит:

— Не мешай, князь. Отойди.

Голицын — сабельку в ножны. Грозит кулаками. Жихарев освиrepело бежит с банником наотмашь. Князь отпрянул:

— Черт, настоящий черт...

А Логин даже не заметил на своем пути Голицына. Подручные замешкались, не могли пыж вбить — бежал помочь.

Ну что объяснишь князю? Ведь для Жихарева медное тело мортиры — все равно, как собственное живое тело. Пушке трудно — и ему трудно. Картечью мортиру ударит — в нем болью отзовется. Не князю учить потомственного литца...

Логин не расстается с банником. Теперь он ему и вместо костыля. Онемела нога. Сапог полон крови. Не осколком ли резануло? Надо бы до лекаря добежать, да батарея в жарком бою. От пушек не оторвешься.

Васек-барабанщик, надсаживаясь, кричит — до чего писклявый голосок! — кричит на ухо пушкарю:

— Кровью изойдешь, давай ногу перевяжу!

Но Логину недосуг. Скачет на одной ноге. Жмуря черный, разбойничий глаз, меняет прицел у пушки. Надо прошупать шведов на дальней линии. Чего-то очень уж они суетятся там.

Васек Крутов давно на жихаревской батарее — с той минуты, как внезапно замолчал барабан. Ни картечи, ни гранаты не видел Васек, а барабан в его руках разлетелся, кожа — в клочья.

На батарее Васек подкатывал ядра к пушкам. Поднять ядро не хватало силенок; пригибаясь к земле, катил его.

Пушкарки, споткнувшись, чертыхались: кто тут под ногами путается? Барабанщик не обижался, терпеливо делал свою добротную работу.

Дважды приходили с обоза за Васьком Крутовым — велено без промедления явиться по самоважному делу.

Васек не спешит на зов. Это уже не впервые: как начнется бой, непременно оказывается, что маленького барабанщика ищут по неотложному делу и непременно отсылают в обоз. Обидно.

Логин Жихарев незаметно для себя стонал от боли. Но пушек не покидал. На одной ноге, вприскок метался то к одной, то к другой.

Из обоза снова пришел вестовой солдат за барабанщиком:

— Велено доставить под караулом!

Васек усмехнулся. Знает он, знает, чего ради указано ему уходить с жихаревской батареей.

— Дядька Логин, — крикнул барабанщик пушк-
рю, — айда к лекарям!

Жихарев махнул рукой:

— Не приставай, видишь, некогда.

Но барабанщик подошел к нему и, сделав «страш-
ные» глаза, спросил:

— Без ноги хочешь остаться?

Логин колебался. Васек сказал:

— За тобой караульного прислали!

Нога у пушкря и в самом деле болела нестерпимо.
Пришлось оставить вместо себя на батарее бомбардир-
ского урядника.

Медленно заковыляли к обозу. Жихарев обхватил
рукой плечо своего маленького товарища. Васек сби-
вался с шага, но вида не показывал, что ему тяжело.
Сзади плелся вестовой.

Обоз находился в овраге. Пули и здесь посвистывали.
Грохот битвы слышался изрядно. На телегах и на земле
лежали раненые. Некоторые молчали, закатив глаза.
Некоторые кричали, когда лекарь орудовал над ними
острым ножом.

Васек только успел подойти с Жихаревым к повозке
и постелить солому, как кто-то незнакомый схватил
его за ворот мундира.

Барабанщик повернулся. Рядом стоял дьяк с злыми
глазами. Он был в синей поддевке с накладными сукон-
ными застешками, какие носили служилые Преображен-
ского приказа. Дьяк кривил тонкие губы.

Васек попробовал вывернуться. Но рука держала
крепко. В полку не было человека, кто мог бы так
обойтись с маленьким барабанщиком. Его любили, да-
же баловали немножко. Сейчас с ним разговаривал
сурово и зло чужой, приезжий, и это в особенности
пугало.

— Тебя как зовут? — спросил дьяк.

— Крутов Василь, — дрогнувшим голосом ответил
барабанщик.

— А не Крутова Васена? — прозвучал зловещий
вопрос.

В жилистых костлявых руках барабанщик шатался,
вот-вот упадет. Дьяк со всей силы рванул его мундир.
Отлетели пуговицы.

— Девка в войске! — грозно рявкнул застеночный дьяк; теперь уж все поняли, кто он и откуда.

Он захохотал. На шее двигался волосатый кадык. Приезжий умолк, потому что никто вокруг не смеялся.

Васена стояла, выпрямясь, тоненькая, с горячо блестящими глазами. Бывает, что унижение не ломает человека, но рождает в нем смелую гордость.

Жихарев смотрел помутневшим от муки взглядом. Стараясь полегче ступить на раненую ногу, он подошел к девушке, снял с себя прожженный в бою мундир и накинул ей на плечи.

Приезжий шагнул к Логину. Тот глянул исподлобья, проговорил клекочущим голосом:

— Остерегись, дьяче. Здесь постреливают.

— Эй, — крикнул приезжий, — в железá беглую холопку!

Двое, в одинаковых синих поддевах, выступили вперед и надели на Васену кандалы. Один заставил ее подойти к валу, другой неловко, до крови срывая кожу на руках девушки, камнем расплющил заклепку.

Дьяк видел вокруг безмолвно враждебные лица.

— Быстрой! — торопил он своих помощников. — Быстрой!

Васену бросили в телегу. Загремели цепи. У девушки не было сил поправить отяжелевшие руки. Ее накрыли рогожей.

За телегою толпой двинулись солдаты. Всё так же молча.

— Гони! — заорал дьяк.

Засвистел кнут. Лошади понеслись вскачь.

Васену увезли в Шлиссельбург.

Под Ниеншанцем, не переставая, гремели пушки.

16. «ДОБРЫЙ АКОРД»

Не выдержали шведы огня. Ранним утром на городской вал выбежал мальчишка-горнист и, размазывая кулаком слезы по лицу, протрубил сигнал.

Над валом плыли бурными тучами пыль и дым. Горн звучал резко и печально.

Перестрелка затихла. Из ворот крепости вышел офи-

цер и прокричал, что господин комендант Ниеншанца просит к сдаче аманатами обменяться.

Голицын, ближе других командиров полков стоявший у ворот, своею властью не мог ответить шведам. Побежали разыскивать фельдмаршала.

По осадной армии от фланга к флангу словно ветер пролетел. Шведы сдают крепость! Канцы наши!

Просьба об аманатах, заложниках на время составления договора, была законной. Шереметев послал в крепость капитана и сержанта. В русский лагерь пришли королевские капитан и поручик.

Ровный ветер с моря разогнал дым. Крепость пахла горелым. Сосновый палисад тлел. По смолистым кольям ползли красные языки. Пламя никто не гасил.

Между валом, за которым лежали петровские солдаты, и высоким крепостным валом промчалась лошадь без всадника. Видно было, как она раздувает кровавые ноздри. Долго слышалось ее тревожное ржание.

Очень непривычной была тишина. Прислушивались к ней недоверчиво. Вот-вот снова железным голосом за-тарахтит, взвоят битва.

За тем и за другим валом насторожились солдаты. Несколько человек с обеих сторон осмелели и спустились вниз, к подошве крепости. Точно сговорились, оружие оставили в окопах.

Солдаты ползали по разворошенной земле, искали товарищей. Мертвых не трогали, раненых уносили.

Если случалось, что русским попадался еще дышавший шведский солдат, подзывали к нему кого-нибудь из Ниеншанца.

Трудное дело закончено. И опять тишина над лесами и долами, над покореженными пушечными лафетами, над повозками, опрокинутыми вверх колесами...

И снова то здесь, то там над насыпью высунется шапка — блин или меховой треух. С любопытством поглядывают шведские солдаты на русских.

На нашей стороне встал во весь свой небольшой росточек верткий Трофим Ширяй. Он делает несколько шагов и садится на бугор неподалеку от вала. Не спеша достает из заплечного мешка краюху хлеба, разламывает ее, бережно подбирает крошки.

Сотни глаз внимательно следят, что будет дальше. Трофим посыпает хлеб солью и принимается за еду.

К Ширяю подходят несколько человек наших. На той стороне солдаты тоже столпились кучкой.

— Эгей, мужики! — крикнул Ширяй шведам. — Кто по-русски разумеет?

На ниеншанцском валу выпрямился долговязый дестина, в короткой шинеленке, закивал головою:

— Я понимаю, я понимаю.

— Хлебушка хошь? — спросил Трофим.

Швед ослабился:

— Давай!

— Погодь, — остановил его сиповщик, — сначала отгадай загадку.

— Какой загадка? — разочарованно протянул швед.

— А вот слушай.

Наши обступили Трофима. Королевский солдат подвинулся вперед, чтобы не пропустить ни слова.

— Что такое, — раздельно и громко спросил Ширяй, — комовато, ноздревато, и губато, и горбато, и кисло, и пресно, и вкусно, и кругло, и легко, и мягко, и твердо, и черно, и бело, и всем людям мило?

Швед озадаченно мотал головой.

— Горбато? Не понимаю. Всем мило? Не понимаю.

— Экий косноязыкий, — с сожалением сказал Трофим, — что с тебя возьмешь? Вот разгадка! — и, размахнувшись, забросил на крепостной вал полкраюхи, — хлеб всем людям мил!

Оттуда тотчас полетел вниз большой ломоть шведского хлеба. На том и на другом валу долго жевали, толковали, спорили. Наконец Ширяй объявил шведам:

— Ваш хлебушек побелей, а наш повкусней.

Обиды в этом не было. С обеих сторон беззлобно засмеялись. Но швед, который утверждал, что он русекий язык «понимай», стал требовать, чтобы ему загадали новую загадку.

Сиповщик не заставил себя просить. Хитро глянул и молвил:

— Маленький мужичок, костяная шубка. Что такое?

От удивления шведский солдат задохнулся, покраснел. Издали он смотрел на низенького, такого немудрого на вид, русского, видно было, как двигаются вниз-вверх белесые ресницы.

— Опять не понимаешь? — спросил Трофим. — Так это же орех!

Слово было незнакомо шведу, он повторил его, разводя руками.

Ширай подмигнул товарищам, будто предупреждая — сейчас начнется потеха.

— Орех — не знаешь? — прокричал он на ту сторону. — Орешек! Нотебург!

Королевский солдат насупился и вдруг показал кулак.

— Нотебург наш! — завопил он.

— Ага, понял, — обрадованно произнес Трофим, и лицо его разъехалось в лукавой улыбке, — как не понять, если тебе там по морде дали!

— Нотебург наш! — орал швед. — Нотебург будет наш!

Неудачливый отгадчик порывался вперед, рассчитаться за насмешку.

По всей линии русских войск прокатился хохот. Тем, кто не расслышал разговора сиповщика с королевским солдатом, товарищи повторили его слово в слово.

Полковник Голицын на черном жеребце проскакал от фельдмаршальского шатра, бросил поводья.

— Чего зубы скалите? — спросил гневно и, не дожидаясь ответа, приказал: — В окопы, к оружию!

Снова грозная тишина нависла над перекопанной землей. Высунулись черные стволы. Пушкарки подкатали ядра к жерлам.

С недоумением переглядывались солдаты. Значит, опять воевать? Канцы будем штурмом брать, что ли?

Всезнающий Троха сказал уверенно:

— Начальство меж собой не поладило.

Ширай был прав.

Комендант Ниеншанца решил сдать крепость русским на «добрый акорд»*. Аполов просил время, чтобы написать договорное письмо. Прошло более часа. Вдобавок к двум аманатам, разменялись третьими — майорами с той и другой стороны.

Шведскому майору было «сказано круто, чтоб тотчас учинена была отповедь, не отлагая вдаль времени».

Он вернулся к крепостным воротам и сообщил стол-

* Акорд — мирное соглашение воюющих армий.

пившимся на валу офицерам требование русских. Аполов тянул время, просил еще несколько часов: договорное письмо не успели переписать набело.

Тогда шведам предложили сдать крепость без промедления. Иначе петровское войско сейчас же «учнет чинить над нею промысл». Пусть все решится боем.

Перепуганный Аполов прислал черновик договорного письма.

«И по совершении того акорда, — сказано в реляции, — Преображенский полк введен в город, а Семеновский в палисады; а при том введении болверки, пушки, воинские припасы и пороховая казна по договору приняты, и караул по городу везде наш был разставлен».

Это произошло в первый день мая, за два часа до полуночи.

17. ЗАМОК

Шведскому гарнизону Ниеншанца дозволено было на другой день отправиться в Нарву.

Но тут одно за другим случились два неожиданных события.

Яган Аполов был так жалок, что никто не попрекнул его русским родом и шведской службой. Старик, с опущенной головой, шел, придерживаясь за грядку телеги.

Когда Канцы уже скрылись из виду, Аполов внезапно выхватил сохраненную ему саблю, переломил ее о колено и закричал:

— Куда идти мне с этой земли? Не могу... Не могу...

Он упал и долго бился в судороге, хватая скрюченными пальцами молодые зеленые травинки... *

Замешкавшихся в пути шведов уже вечером нагнал конный отряд, посланный Шереметевым. Велено было всех возвратить в Канцы.

Аполов, так же как и его офицеры, не мог знать, что в сданный ими Ниеншанц примчался гонец от Щепотева с очень важным сообщением...

Гонца увидели на противоположном берегу реки. Он, привстав на стременах, зычно требовал:

* Яган Аполов прожил еще три года. Он умер в России.

— Лодку-у-у!

Солдаты быстро столкнули в воду челн и, переправясь, узнали в гонце Сергея Леонтьевича Бухвостова.

Он был закидан грязью, до крови исхлестан ветвями деревьев — на скаку не было времени отводить их от лица. Загнанный конь раздувал бока.

Сержант кинулся к челну, велел грести изо всех сил.

Весть, привезенная Бухвостовым, взбудоражила весь лагерь.

Застава Щепотева неотрывно следила за взморьем. Но очень скоро солдатам прискучили берега в чахлом кустарнике, однообразная даль.

Особенно горевал из-за невольного безделья Михайла Иванович. В нескольких верстах отсюда идет последнее сражение за Ниеншанц. А он должен здесь смотреть на тихие воды, скучать. Ну прямо впору забросить саблю в кусты, сделать из штанов бредень и заняться рыбачьим делом. По весне в невском устье, говорят, водится мелкая, но очень вкусная рыбешка...

Щепотев со злобой смотрел на быстрые серебристые стайки, роившиеся на прозрачном, прогретом мелководе. Нестерпимо! Хоть бы узнать — наши в Канцах или нет еще?

К концу третьего дня на выпуклом раскачиваемом волной горизонте показались паруса кораблей. Они шли уступом, один за другим. Михайла Иванович насчитал девять выпелов. Дело нешуточное. Надо думать, шведская эскадра идет на выручку Ниеншанцу.

Щепотев укрыл заставу в плавнях, чтобы ни единая лодка не сунулась в открытую воду. Следить за действиями эскадры! Следить, не подал бы кто-нибудь из береговых шведов сигнал на корабли.

В сумерках эскадра, видимо, не решалась войти в устье. На мачтах головного корвета показался командный флаг. Эскадра убирала паруса. Долетел грохот якорных цепей. Кое-где в круглых бортовых окошках показался свет свечей. Вскоре и он погас.

Ни Михайла Иванович, никто из его солдат во всю ночь не сомкнул глаз. Щепотев советовался с Бухвостовым: сейчас послать вестового к Канцам или дожидаться утра? Не завязать ли перестрелку с эскадрой? Хорошо бы взять «языка».

«Языка» брать не понадобилось. Он сам пришел, вернее сказать, приплыл.

Бухвостов первый заметил шлюпку, отвалившую от корвета. Шлюпка плыла медленно. Вот она уже отчетливо видна — на носу белой краской нарисован зверь, ощеривший пасть. Различимы даже струи воды, стекающей на взмахе с двух пар весел. Шлюпка шла к заставе.

Шведы причалили к берегу и вытащили свое суденышко из воды. Двое гребцов, разминаясь и горласто переговариваясь, пошли к деревне.

Им дали подняться на песчаный увал и спуститься вниз. Здесь их сбили с ног. Быстро заткнули глотки, связали руки. Матросы не успели крикнуть.

Щепотев послал за шведом, жившим в деревне у околицы. С его помощью тут же допросил пленных. Отвечал только один. Другой молчал; он кусался, когда ему забивали кляпом рот, солдаты немножко помяли моряка, совершенно очумевшего от неожиданной встречи.

Командовал эскадрой адмирал Нумерс. Корабли спешили, действительно, в Ниеншанц. Но противный ветер задержал их у входа в Неву. Адмирал послал матросов, чтобы они взяли лошадей в селении, более коротким и безопасным сухим путем добрались до крепости и дали знать о приходе эскадры.

— Стало быть, адмирала зовут Нумерс? — переспросил Михайла Иванович. — Вот ведь как тянет его в наши края.

Это был тот самый адмирал, который в прошлом году пиратствовал на Ладожском озере. Осенью сержант разминулся с ним, а вот сейчас встретился.

Щепотев оставил пленных под караулом; шведа-переводчика попросил неотлучно находиться при них, чтобы соотечественники не соскучились.

Михайла Иванович отвел в сторону Бухвостова и сказал ему коротко:

— К армии ехать тебе, Леонтьич. Знаю, любую опасность сумеешь обойти... Спешу к мельнику Матису, возьми у него коня, лети к Канцам. Скажи — шведская эскадра на море!

Бухвостов не стал отказываться. Он спросил:

— Что будешь делать, если ветер переменится и корабли войдут в Неву?

Михайла Иванович ответил, не скрывая обиды:

— Зачем спрашиваешь о том, что знаешь? Будем драться, пока живы.

Оба сержанта молча обнялись.

Празднества по случаю взятия Ниеншанца были прерваны. Крепость спешно готовилась к бою с эскадрой. Пушки на валу переставили. В болверки, обращенные к Неве и к дороге, ведущей от взморья, поместили солдат. Вперед послали сторожевые отряды: на воде — в лодках, на суше — конных. Возвращенных с дороги Аполова и его офицеров в Ниеншанц не пустили. Велели ждать у палисада. Им объяснили, чтоб не тревожились: акордные пункты будут исполнены, однако, по важным причинам, с некоторой задержкой.

Со стороны моря один за другим прогрехотали два орудийных выстрела. Они звучали внушительно в полной тишине.

Жавшиеся у палисада шведы сначала оживились, потом приуныли. Значение этих выстрелов было им ясно... Если бы удалось продержаться в крепости подольше. Если бы эскадра пришла чуть раньше...

Спустя немного времени смятение среди шведов усилилось. Караул у палисада стал многочисленней, плотней. Нечего было и думать о том, чтобы выскользнуть из этого кольца... Еще через несколько минут двум пленным пушкарям велено было побыстрее идти в крепость.

За полчаса перед тем на большом валу разгорелся спор. Пушечными выстрелами Нумерс, несомненно, возглашает лозунг*, дает знать Ниеншанцу о своем приходе. Как должно ответить на этот лозунг? И надо ли отвечать? Шереметев, поразмыслив, решил:

— Ответить!

Судя по всему, Нумерс не знает, что Ниеншанц пал. Просто грешно этим не воспользоваться. У неожиданного удара всегда двойная сила.

Отвечать надо было из шведских пушек. Потому что отлиты они из несколько другого металла, и голос у них рознится от голоса наших орудий.

* Л о з у н г — в боевой обстановке условный сигнал для опознавания своих.

Ниеншанц ответил эскадре также двумя выстрелами. Но к этому времени Ниеншанц уже не был Ниеншанцем.

У него появилось новое имя — Шлотбург.

Солдаты не понимали смысла иноземного слова. Толковали его вкривь и вкось.

Трофим Ширий разыскал Бухвостова, чтобы спросить, чего ради этак окрестили крепость: все едино не по-русски.

Сергей Леонтьевич объяснил:

— Шлотбург по-нашему значит — Замок-город.

Егозливый Ширий подпрыгнул, шлепнув себя ладонью по пятке.

— Леонтьич, — проговорил он, — вспомни «огненную потеху» в Москве, да двуликого бога с ключом в одной руке и замком в другой... Так вот он, замок-то!

Да, так оно и было. В верховье минувшей осенью русское войско добыло ключ к Неве и к морю. Нынешней же весной в низовье появился и замок, которым для врага накрепко закрывалась дорога в Неву и в Ладожское озеро. Шлотбург. Город-замок.

Но миновало несколько дней, и стало ясно, что замок должен быть совсем не тут, а в другом месте, еще ближе к морю.

НА ВЪЗМОРЪЕ

1. «АСТРЕЛЬ» и «ГЕДАН»

Каждое утро и каждый вечер эскадра Нумерса давала пушечный лозунг. Крепость неизменно отвечала.

Шведский адмирал, обманутый ответом и спокойствием на взморье, послал два судна в устье Невы. Они с осторожностью проходили трудный фарватер. В устье их застала ночь. Убрав паруса, корабли дожидались утра.

Но в русском лагере утра не ждали. Вестовые с щепотевской заставы сообщили о маневре шведов.

Тридцать лодок под командой бомбардирского капитана спустились вниз по течению. Несколько отплыв, отряд разделился. Часть лодок продолжала путь по Неве. Другие направились по Безымянному ерику.

Лодки двигались неслышно, «тихой греблей».

Бухвостов и Окулов первыми достигли взморья и в плавнях разыскали Щепотева. Весь день шел дождь. Только сейчас немного прояснило. Солдаты вымокли и ворчали, что нельзя даже костер разжечь, обсушиться.

Лодки едва слышно скрипели, касаясь бортами.

— Канцы четвертый день наши, — сказал Бухвостов Щепотеву.

— Знаю, — отозвался Михайла Иванович.

— Ты знаешь, а Нумерс нет, — вмешался в разговор Тимофей Окулов.

— Никак в толк не возьму, — проговорил Щепотев, — почему эскадра приросла к месту. Будто не воевать пришла. И ветер-то подходящий...

— Понять немудрено, — всерьез объяснил ладожанин. — Нумерс — знаменитый адмирал. А у нас старший по званию — всего-навсего капитан. Не может адмирал скрестить с ним шпагу. Чин не подходит...

Михайла Иванович потянулся из своей лодки, положил руку на плечо Окулова, сказал с нежностью:

— Теплая у тебя душа, Тимоша. Хорошо пошутить в такой час...

Не отстраняясь от руки друга, Окулов промолвил:

— Перед боем всегда про жизнь думаю. Какая ни есть, и трудная она, вперемежку добрая и злая, а мила...

Волнуясь, Тимофей заговорил о родной Ладоге, о корабельщиках и рыбаках, что плавают на озерном просторе. Крепкий, надежный народ.

— Леонтьич, — Окулов повернулся к сидящему в лодке рядышком Бухвостову, — ты как про жизнь и людей думаешь?

Сергей Леонтьевич не ответил. Щепотев пристально посмотрел на него. Что с ним? Всего несколько дней не виделись, а как переменялся. Седины на висках прибавилось. Морщины у рта легли резче. И в глазах темнеет неизбывная угрюмина. А может быть, то в лунном свете показалось.

— Чего кручинишься? — толкнул его локтем Михайла Иванович. — В такую минуту не задумывайся — дурной знак.

Тимофей был самым молодым из троих и потому, наверно, сильнее чувствовал колдовство этой ночи.

— Взгляните, только взгляните, что кругом делается, — прошептал он.

Над притихшей землей, над мерно дышащими водами простиралась не ночь — светлые сумерки. Слышно, как волны наползают на отмели и откатываются, волоча песок. Темные весенние тучи то скроют, то откроют луну. По белесо-серой дали залива летят отражения, легкие тени туч.

У самого входа в Неву чуть покачиваются голыми

мачтами два корабля. Ни звука не долетает с кораблей, не блеснут огоньки. Там все спокойно, дремотно, тихо.

Береговые леса отбрасывают на воду густую черную полосу. В той полосе притаились лодки. Гребцы готовы рвануть весла. Ждут команды.

Солдаты перешептываются. Слышны приглушенные слова. С соседней лодки доносятся два голоса. Один — молодой, почти мальчишеский, ломкий от волнения или от робости. Другой — хриловатый, уверенный, немного насмешливый.

— Неужто пойдем на лодках, — спрашивает молодой, — супротив кораблей?

— Нечего страшиться, — рассуждает хриплый, — что крепость, что корабль брать — все едино. Только корабль качается. Вот и вся разница.

— Так у них же пушки.

— Привык за пушку-то хорониться, — язвит хриплый.

— Так с пушками же способней.

Молчание. Потом — опять юношеский голос:

— Они вон какие большущие, корабли-то. А мы махонькие.

— Махонький ты, — издевается собеседник, — сажень в плечах...

Окулов прислушивается. Но на лодках примолкли.

Волны за бортом, похоже, застыли, один скат черный, другой лунный.

— Ну и ночь, — шепчет Тимофей, — до зорьки далеко.

Где-то поблизости стукнул пистольный выстрел. Звук, дробясь эхом, прокатился по воде.

С двух сторон от берегов пошли лодки. Теперь уж хорониться нечего. Только бы побыстрее добраться до шведов.

Бухвостову кажется, что его лодка едва ползет. Он помогает гребцам кормовым правилом. Весла отбрасывают воду. Одно сломалось с коротким гулким треском. На кораблях заметили опасность. Ставят паруса, хотят уйти. Никуда им не деться на такой узости фарватера.

Вдали, мористее, маячит мачтами эскадра. Там какое-то движение. Успеют ли открыть огонь? Через несколько минут будет поздно. Лодки вплотную подойдут

к двум кораблям. Тогда эскадра будет вынуждена к молчанию, чтобы не расстрелять своих.

Скорей, скорей! Мелькают весла. Трудно и шумно дышат люди.

Крутой, высокий всплеск. Вот еще и еще. Стреляют корабли, застрявшие в устье, как в медвежьем капкане. Развернулись бортами. Белые дымки вспыхивают и долго держатся, не тронутые ветром.

Лодка Бухвостова въехала на водяную гору, вскинутую ядром. Сильно крутануло в широкой воронке. Сергей Леонтьевич с трудом выровнял лодку и снова повернул к гремящим кораблям.

Скорей, скорей! Вот уж они совсем близко. Видны выгнутые, как лебединые шеи, ростры, видны даже огромные расплюснутые шляпки гвоздей на обшивке.

С ходу лодки стукаются о высокие борта. Треск, гул рвущихся гранат. Наши баграми вцепились. Берут шведов на абордаж.

Теперь уж пушки и мушкеты ни к чему. Люди схлестнулись вплотную. Дерутся на палубах ножами, кулаками, зубами.

На корме, перед дверьми шкиперской каюты, бьются с шведскими моряками Щепотев и Окулов. Их оттеснили одного от другого.

Бухвостов кричит Тимофею, чтобы следил за каютой. Но он в горячке боя ничего не слышит. Из распахнутой двери выбегают трое шведов. Они сбивают Окулова с ног. В воздухе замелькали острые, тонкие, как жало, кортики.

Гибель друга видит и Щепотев. От ужаса, от боли закрывает лицо ладонями. И сразу же отдергивает их. Лицо его становится страшным. Перекошенный рот в пене...

Сергей Леонтьевич не отклоняется от сабельных ударов. Ему кажется, что они минуют его, а клинки звенят и сверкают где-то в стороне. Странно, что напряжение битвы не туманит голову, как обычно. С поразительной ясностью примечает он все вокруг. И то, как Щепотев схватил шведа и, разрывая на нем одежду, перевалил за борт, в воду. И то, как бородатый матрос тоненько по-заячьему завопил, поднимая руки. И то, как на него наскочил рослый парнище с криком:

— Поздно, поздно пардону просишь!

Через борта все лезли и лезли солдаты. Лодки кишели вокруг кораблей.

Загорелись мачты. На них плескали воду из ведер. С соседнего корабля, сквозь дым и гарь, прокричали: — Как там у вас? Мы отвоевались!

Бухвостов узнал голос Петра.

На виду у шведской эскадры два плененных корабля, под обгоревшими парусами, вошли в Неву. В сопровождении эскорта лодок их повели к вчерашнему Ниеншанцу, сегодняшнему Шлотбургу.

Теперь нашлось время прочесть имена, выведенные золоченой латынью на бортах: «Астрель» и «Гедан». Нашлось время и для того, чтобы подсчитать отстрелявшиеся, еще горячие и остро пахнущие порохом пушки. На одном корабле их было четырнадцать, на другом — десять.

Крепкими причальными канатами «Астрель» и «Гедан» закрепили у шлотбургских бастионов.

Смертельно израненного Тимофея Окулова вынесли на берег, положили под сосну. Он доживал свой последний час.

Бухвостов и Щепотев стояли рядом. Михайла Иванович не отводил глаз от угасавшего лица ладожанина и говорил мучительным шепотом:

— Не защитил я тебя, Тимоша.

Окулов ничего не слышал. Он в беспмятстве звал:

— Батя... батя...

На памяти человеческой не случилось, чтобы лодками брали корабли.

В честь сей «никогда прежде не бывшей морской победы» велено отчеканить бронзовую медаль с надписью: «Небываемое бывает».

2. ШЕСТНАДЦАТОЕ МАЯ

В походном журнале значится:

«По взятии Канец отправлен воинский совет, тот ли шанец крепить или иное место удобное искать (понеже оный мал, далеко от моря и место не гораздо крепко от натуры), в котором положено искать нового места,

и по нескольких днях найдено к тому удобное место, остров, который назывался Люст-Елант (т. е. Веселый остров), где в 16-й день мая (в неделю пятидесятницы) крепость заложена».

Остров был присмотрен еще при первом походе на взморье. Очень уж в удобном месте он находился, как раз на разветвлении Невы. Мимо него ни один корабль не пройдет. И отсюда до моря рукой подать.

Назывался остров Енисаари, по-русски — Заячий. Но было у него еще имя Люст-Елант, или Веселый. Местные жители рассказывали, что это название за островом закрепилось с тех пор, как шведский король подарил его знатному вельможе и тот выстроил здесь мызу. Недолго просуществовала мыза. Очень скоро ее до основания разрушили половодье и морской ветер.

Никаких следов строения на острове не осталось. В березовом леске виднелся шалаш, да поблизости — рыболовецкая тоня...

Солдатским штыком-багинетом здесь был взрезан жесткий прошлогодний дерн. Две гибкие березки связали вершинами, как ворота в еще не существующий город. И начали строить.

Судьбу Ниеншанца-Шлотбурга решили тогда же. Первое время в нем еще находились войска. Но как только на Заячем острове появились крыши над головами и надежные укрепления, войска покинули крепость в устье Охты.

Однажды в черных пыльных вихрях, сотрясая землю, Ниеншанц взлетел в воздух. Взорваны были и крепостные валы и все постройки.

Воинское счастье переменчиво. Нельзя оставлять старую, опустевшую крепость в тылу, в такой близости от новой.

Только четыре огромных мачтовых дерева, растущих среди развалин, шумя густыми кронами, хранили память об отживших бастионах*.

Новой фортеции дали имя «Санкт-Петербург».

В народе же ее называли просто «Питер», как Ниеншанц — Канцами, а Шлиссельбург — Шлюшином или Орешком.

* Одно из этих деревьев до недавнего времени росло среди цехов судостроительного завода, находящегося на месте Канцев.

Крепость на взморье строили солдаты и работные. Сгоняли сюда крепостных умелых мастеров. Десятки тысяч людей, оторванных от родных сел, от семей шли к Неве со слезной тоской.

Край был разорен войною. Беспутье и бескормица, сырые болотные туманы уносили жизни без счета.

В армии не хватало лопат и тачек. Землю копали штыками или просто руками. Носили ее в рогожах, а то и в подолах рубах. Работали «от темна до темна». На ладонях набухали кровавые мозоли. О камень срывали ногти. Нельзя было остановиться на час, отдохнуть, перевести дыхание. Засыпали на короткое время, в светлую ночь, тут же на взрытой земле. От гнилой воды пухли животы, выпадали зубы.

Весь остров перекопан, поднят дыбом. Рядом с работающими, только чуть в стороне — пришлось оттащить, чтоб не мешали, — лежат мертвые. Сложены тяжелые, натруженные руки, черные от непросохшей земли. В головах теплятся восковые свечечки. На груди тускло блестят медяки, брошенные на упокой души.

Земля над Невой вся перевернута, желтеет прослойками песка и глины. Пока еще тут не разберешь, что к чему. Еще только угадывается, где будут болверки, где казармы, где раскаты.

Но уже сейчас ясно: новая крепость строится во многом на шлиссельбургский манер. Она, как и Орешек, — на острове. Как и там — стены подходят к самой реке, чтобы врагу негде было ступить. Даже канал роют из края в край, от Невы к Неве, как в Шлиссельбурге, — при осаде гарнизон не останется без воды.

Малый островок, словно дитя к матери, прильнул к другому острову, огромному; надо полдня, чтобы обойти его. Зовется Койвусаари, по-русски — Березовый. Наверно, когда-то составляли они одно целое. Но веками пробилась протока, отделила малый остров от большого.

А за Березовым простираются другие, есть такие же огромные, есть и поменьше: Корписаари, или Остров Пустынного Леса; Кивисаари, или Каменный; Ристисаари, или Крестовый.

Прямо же напротив Заячьего начинается острым мысом — стрелкой и уходит к самому взморью Хирви-

саари — Лосиный остров, или Васильевский. Когда-то жил здесь новгородский посадник Василий, он и дал имя этой земле.

Шумят лесами острова. Дороги нехоженные, зверь непуганый.

Рыбаки, землепашцы, смоловары, знатцы речных дорог живут по берегам. Избы курные. Венцы сложены из вековых деревьев.

Холодными утрами весь край тонет в клочковатых туманах. На болотах кугукают, засыпая, совы, кричат перепелки. Сохатый выбежит из перелеска, уставится на людей большущими глазами, задерет морду, протрубит угрожающе...

Жихаревская батарея поставлена на оконечности Заячьего островка, обращенной к морю. Здесь всегда дует ветер, то штормовой, порывистый, то упругий, ровный, но такой сильный, что, идя против него, чуть не падаешь, наклоняясь вперед. Он приносит странные запахи, душные, неведомые. Это ветер моря, незнакомый жителям материковых равнин.

На мысу растут искривленные ивы. Они бедны листвою, как-то скрючены, сбиты в клубок. Корни местами вырвались наружу и дают зеленые побеги, а иные ветви ушли в землю, цепко ухватились за нее. Дереву, как и человеку, нелегко держаться под напором бурь.

Старожилы приневских островов рассказывают, что эти ивы на мысу помнят и отцы и деды. Одно дерево упадет, а другое вырастет, такое же причудливое...

Под ивами стоят три жихаревские пушки. Они повернуты к морю. В жерлах воет ветер.

Логин ковыляет на костыле. Нога еще не зажила. Зябко пушкарю. Кровь не греет. Многовато потерял ее в последней баталии.

Жихарев покрикивает на своих помощников. Ворочает белками, двигает лохматыми бровями. Но это никого не пугает. Пушкарки за глаза всё чаще зовут его Железным носом. Копоти на батарее вдоволь, и не один Логин — все ходят перемазанные, как черти.

Приказы Жихарева молодцы выполняют с великим рвением, не за страх — за совесть. А приказ у него, собственно, только один и есть:

— Будь настороже!

Вблизи от устья все еще ходит эскадра Нумерса. Русские пушкиры подшучивают над шведскими моряками:

— Задумал адмирал Неву закупорить. Да силенок-то не хватает. Отощал!

Днем Логин мотается на батарее. Ему и ночью не спится. Сомкнет веки — и вздрогнет. Точно некая сила его на ноги поставит. Бежит к батарее. Чудится: шведские корабли к острову подплывают.

Пушкиры день-деньской нарабатываются киркой и лопатой: поднимают защитные валы перед батареей, роют землянки, копают канавы для стока весенних вод. Как и все на Заячьем, пушкиры — в трудах до кровавого пота, жилы рвут.

Молодых сон против воли сморит. Чтобы не пришлось еще за недосмотр наказывать, Логин ночную вахту чаще сам несет. А если и поставит кого-нибудь в ночной караул, все равно тут же находится.

Железный нос ворчит свирепо. Грозится уйти в обоз, к лекарям. Но все знают — никуда Логин не денется. Прирос к своим пушкам...

Строится крепость на Заячьем без передышки, без останова. Спешат солдаты. Спешат землерои и плотники.

Как не понять — бой не кончен. Может, завтра, может, через час снова заговорят пушки.

Мало того, что на взморье курсирует шведская эскадра. Пришла весть: от Выборга надвигается многотысячная армия генерала Кронгиорта. У генерала приказ — вернуть Неву королю.

Бомбардирскому капитану Петру Михайлову каждый день среди лесов и болот на краю неоглядного, манящего простора прибавляет заботы.

Среди тех забот — главнейшая: пришли к морю, а настоящего флота нету. Речные суда, ладьи, верейки не в счет. Мыслимое ли дело — удержаться на большой воде без могуче вооруженных кораблей? Без сильного отечественного флота — не жить!

Шестнадцатое мая — начало крепости и города на взморье.

Санкт-Петербург закладывался без Петра.

Он был на Ладожском озере.

3. СУРОВАЯ КОЛЫБЕЛЬ

Похожая на белую птицу легкая шнява, отсалютовав флагом Орешку, под всеми парусами спешила к восточному побережью Ладоги.

Здесь в устьях рек Паша, Свирь, Сясь денно и ночью работали верфи. В селах, окруженных корабельными лесами, жили мастера. Они умели строить неизносимо крепкие еловые суда, которым не страшны ни озерные бури, ни речные пороги.

Еще позапрошлой зимой, когда лишь задуман был штурм Нотебурга, приезжали сюда посланные из Москвы «мелкие места смотреть и в аршины измерять, и где кораблей делать к спуску на воду ближе...»

На этих верфях выстроены были суда, помогавшие освобождать Орешек, брать Ниеншанц, вырваться к морю.

Теперь шла речь об иных кораблях: не речных — морских. Для дальнего плавания. Для орудийного боя.

Невдалеке от этих мест, в Прионежье, в Петровской слободе разгораться огням в печах железоделательного завода. Работать заводу на болотных рудах, при вододействующих станах. Там — лить пушки, ковать якоря и всю железную корабельную оснастку.

Озером и лесными дорогами всему этому добру идти на Свирь, на Сясь, на Пашу.

Самой крупной была верфь на Свири. Называлась она Олонецкой, по ближнему городу.

Олонецкое адмиралтейство давало о себе знать изда-лека — огнями над горновыми трубами, частым стуком топоров, залившимся звоном пил.

Бухвостов, стоя у борта шнявы, вглядывался в на-плывающий лесистый берег. Судовая команда топала босыми ногами по нагретой солнцем палубе, тянула снасти, убирала паруса.

Многим петровским солдатам эти края были хорошо знакомы. Где-то здесь останавливались в последний раз перед выходом в озеро фрегаты, проташенные посуху по «Государевой дороге». Здесь же во время тайного перехода окуловской соймы в Корелу повстречался ей гальот с русской печью в каюте.

Об этой встрече Сергею Леонтьевичу рассказывал Тимофей Окулов. Помнится, тогда назвал он ему имя ладожского шкипера и корабельщика Федоса...

Давно ли слушал Бухвостов этот рассказ? А Тимоши уже нет в живых.

Перед глазами сержанта проходили родные места Окуловз, судового знатца, беззаветного воина. Тяжело было думать, что ему не порадоваться родным ладожским далям, не вслушаться в лесной гул, не дышать озерным ветром. Взгрустнулось...

Но уже чалки летят на берег. Их наматывают на приземистые, глубоко вбитые столбы. Не дожидаясь, когда перекинут траповую доску, Петр Михайлов прыгнул на пристань, в толпу встречавших.

Наклонив голову, на ходу слушает рапорт коменданта верфи. Петр спешит к стапелям. Он идет своим обычным шагом. Комендант едва поспевает вприпрыжку.

На верфи работы в разгаре. Из черных, закопченных кузниц валом валит чад. Над смольней разогретый воздух дрожит прозрачным маревом. На канатопрядильном дворе от вóрота к вóроту тянутся пеньковые дорожки, без конца сматываются и разматываются.

Из мастерских, из провиантских амбаров и чертежных изб все торопятся к берегу, к стапелям.

Стапели похожи на орлиные гнезда. Только сплетены они не из веток, а из бревен. Переплет этот густой, не сразу различишь людей, снующих на ярусах, и то огромное, крутобокое, что растет, вызревает в том гнезде.

Петр Михайлов пробует деревянные ребра будущих кораблей. Крепки, добротны. Осматривает мачты, не суковаты ли, достаточно ли упруги. Вымеряет пушечные настилы, просторны ли. Лазают в трюмы, возвращается оттуда, измазанный в смоле, бесконечно довольный.

Всего дольше пробыл капитан бомбардирский на самом большом стапеле. Здесь строится 28-пушечный корабль, настоящая плавающая крепость.

— Перед такой махиной первейший адмирал шляпу снимет, — говорит Петр своим спутникам.

Отсюда ему не уйти. Прикидывает, как батареи ставить. Обо всем на свете позабыл.

Комендант, приподнимаясь на носки, давно уже о чем-то докладывает. Ничего не поделаешь. Надо прощаться с будущим кораблем.

Петр шагает прочь, и все на фрегат оглядывается. С высоты своего огромного роста капитан бомбардирский, наверно, видит то, что другим не разглядеть.

Но вот над шумом и сутолокой, перекрывая все голоса, звучит остерегающее:

— У стапеля — бо-ойся!

Сергей Леонтьевич увидел плотников с топорами в руках, бегущих к крайнему гнезду, нависшему над рекой.

Переданная от человека к человеку, многоголосо повторенная команда означает, что сейчас начнется трудное и очень важное.

Плотники застыли, занеся топоры над бревнами. Старшóй — он только по званию своему старшóй, годами молод, и голос у него ликующий, звонкий:

— Упоры нáпрочь!

На стапеле ничего не происходит. Только слышно, как стучат топоры. Бухвостов ждет. Но все остается так, как было. Неподвижно орлиное гнездо над водой.

Вдруг в толпе подкинули шапки вверх, закричали:

— Пошел! Пошел!

Хруст, треск размочаленных бревен. Из гнезда медленно, а через минуту все быстрее, быстрее скользила громада. С полозьев, по которым она двигалась, полыхнуло пламенем. Всех обдало едким дымом.

Взметнув высокую стену воды, сразу рассыпавшуюся брызгами, на реке покачивается корпус корабля.

Сергей Леонтьевич видит, как бомбардирский капитан хватает старшóго, прижимает его к груди и крепко целует.

— Спасибо, Федос, — говорит Петр.

Так вот он какой, ладожский корабельщик...

К только что спущенному фрегату спешат лодки. Закидывают канаты, как оброть на неезженного коня. Корабль по узкому каналу отводят в «ковш» — пруд с тихой водой. Сотни рук тотчас принимаются доделывать, оснащать новорожденного богатыря.

Это сравнение с новорожденным пришло сержанту в голову, когда он смотрел на чудесно возникший корабль.

Работа на верфи не останавливалась и ночью. Зажгли смоляные факелы. Они двигались то в высоте, на последних ярусах, то внизу, на воде, и тогда по ней плыли зыбкие золотистые пятна.

Впервые Бухвостов так близко повстречал олончан-корабельщиков, земляков Окулова. И они показались

ему очень похожими на Тимофея. У многих такие же красноватые, обветренные лица, облупленные носы, неторопливая, с легкой раскачкой, походка...

То, что в этот день увидел Сергей Леонтьевич, было не просто рождением корабля. Рождался морской Балтийский * флот. Суровая Ладога становилась его колыбелью.

В свирском устье развело высокую волну. Белые барашки бежали в гору, к серому небу. Петровская шнява готовилась к отплытию.

Бухвостов собирался взойти на борт, когда услышал, что его кто-то зовет.

На пристани стоял олонецкий батюшка Иван Окулов. Приметно было, что он спешил, опасаясь не застать шняву. Прерывисто дышал. Только крест на затрапезной поддевке выдавал его сан.

Сержант положил руки на плечи старика и почувствовал, что плечи дрогнули.

— Будь добр, скажи, — попросил отец Иван, — видел ты Тимошу в последнем бою?

— Видел.

— Как умирал мой сын?

Сергей Леонтьевич молчал, не в силах одолеть волнение.

— Отвечай, — потребовал старик.

— Поверь, отец, — проговорил сержант, — если и меня ждет погибель на ратном поле, ничего другого не хочу — умереть, как Тимофей...

На шняву подняли сходни.

Долго еще Бухвостов видел удаляющуюся согнутую фигуру старика на пристани. Ветер разносил его седые волосы.

И долго еще слышался стук плотницких топоров со стапелей.

4. СВЕТЛИЧНАЯ БАШНЯ

На дневку шнява, возвращавшаяся с Олонецкой верфи, бросила якорь у Шлиссельбургской крепости.

На острове почти не осталось следов недавней тяжелой осады. Бреши, пробитые в стенах, заделаны извест-

* Балтийское море в древности — Варяжское.

няковой плитой, валунами. Новая кладка отличалась от старой только тем, что выглядела посветлее.

Единственное уцелевшее от огня деревянное здание было разобрано по бревнышку, переправлено вниз по Неве и заново поставлено на берегу в устье Ижоры, как попутный дом для едущих в Шлиссельбург.

Посреди острова начали сооружать высоченную вышку, чтобы врага можно было разглядеть за десятки верст, задолго до того, как он подойдет к крепости.

Все в Орешке шло по заведенному порядку. Подъем с рассветом. Отбой с закатом. Гулкий шаг караулов. На стенах постовые ходили с мушкетами, вскинутыми на плечо. С башен поглядывали в сторону Корелы. Там еще держались шведы.

Но уже чувствовалось, что крепость числится на второй линии. Падение Ниеншанца, и в особенности создание новой твердыни на взморье, отодвигало противника на почтительное расстояние от неевского истока.

Пушек в Шлиссельбурге насчитывалось немало. Но почти все отстрелянные, побывавшие в огне. А гарнизон, хотя и многочисленный, состоял из послуживших солдат. Среди них встречались и инвалиды, покалеченные при нотебургском штурме.

Самыми молодыми и озорными жителями крепости стали подростки из школы «барабанной науки». Школа эта только что начиналась, и учеников для нее набирали из бездомных ребятишек-сирот.

Временами они устраивали меж собой такие баталии, что инвалидам с трудом удавалось разнять их. Надавав тумачков, обещали:

— Ужо в полку навоюетесь...

Сергей Леонтьевич обошел всю крепость. Он искал Васену и не находил ее. Расспрашивать о взятых по навету не годилось.

Бухвостов бродил по каким-то темным переходам в толще стен. Разрывая паутину, на ощупь пробирался по шатким лестницам на верхушки башен. Спускался в подземелья, настоящие каменные мешки.

Но нигде не было и помина о несчастной девушке. Порой он негромко звал:

— Васенушка!

Эхо ударялось о камень и возвращало ему имя, ставшее сейчас, в беде, таким дорогим.

Сергей Леонтьевич знал, что Васену должны были отправить в Преображенское. Но обоз к Москве еще только собирался. Налаживались телеги. Подкармливали коней. Посылали подставы на каждую сотню верст дороги. Солдаты спорили, кому ехать конвоем, — удачливому при такой поездке можно завернуть в родную деревню на побывку.

Неужели девушку поспешили увезти с на́рочным? Страшно было подумать об этом.

Какая судьба! Вся семья погублена в застенке, и Васену не миновала злая участь...

Бухвостов стоял на краю острова. Ветер рябил озерную воду. Сержант смотрел прямо перед собой. Ворот мундира, как удавка, сжимал шею. Бухвостов рванул крючки. Но удушье не проходило. Ладонями растер лоб, щеки... Услышал голос, несмело звавший его:

— Господин сержант!

Оглянулся и заметил пожилого солдата с обмотанною тряпьем рукой. Был он очень веснушчатый, только глаза оставались без отметин.

— Чего тебе? — спросил Сергей Леонтьевич.

— Ты не признал меня, господин сержант, — сказал солдат, — оглоблинский я. С тобой от Вышнего Волочка о прошлый год в походе был.

— Не помню. Что надо? — снова спросил Бухвостов.

— Да мне ничего не надо, — солдат будто бы даже удивился мысли, что он может по какому-то собственному делу потревожить сержанта, — а вот разговор, действительно, имеется. Пойдем со мной, сделай милость.

Вслед за веснушчатым Сергей Леонтьевич вошел в ворота. В углу крепости, где стены сходились к Королевской башне, полдничали солдаты. Они сидели на земле вокруг котла, в котором дымилась похлебка.

— Поснедай с нами, — предложил веснушчатый и протянул Бухвостову деревянную ложку.

Солдаты потеснились. Котел стоял на траве. Похлебка была вкусная. Сергей Леонтьевич не помнил, когда он ел в последний раз; кажется, на Свири, на верфи.

Ложкой черпал поверху. Чтобы не расплескать варево, бережно поддерживал ее ломтем хлеба. Подхватил кусок мяса. И все стали есть с мясом.

Ели молча, серьезно, будто делали работу. Ребятишки-барабанщики, допущенные к котлу, затеяли возню.

Ближайший солдат отщелкал их ложкой по затылку — дескать, надо обычай знать.

Сытые солдаты, дочиста облизав ложки, совали их за онучи или за голенища, смотря кто в чем был — в лаптях или в сапогах.

Все разошлись по своим командам. В углу крепостного двора остались только двое, Бухвостов и веснушчатый. Сергей Леонтьевич благодарно подумал о нем — вот ведь догадался, что сержант голоден.

— Спасибо за хлеб-соль, — сказал душевно.

Солдат не расслышал. Он поднялся. Посмотрел, нет ли кого поблизости, и шепнул:

— Ищи Васенку в Светличной башне.

Бухвостов принялся расспрашивать. Но Васенин земляк ничего толком не мог ответить.

— Мне тут быть не с руки, — опасливо промолвил он и ушел.

Светличная отличалась от других башен. Находилась она между Королевской и Государевой, ближе к первой. Но снаружи ее не разглядеть. Она не возвышалась над стеной, а неразличимо сливалась с нею. И только изнутри крепости был замечен полукруглый каменный обвод.

Даже видом своим башня пугала. Сложенная из тяжелых плит, глухая, с единственным небольшим оконцем, она казалась давяще мрачной.

В нее вела каменная же, в несколько ступеней, полувинтовая лестница. Бухвостов толкнул дверь, она тяжело отошла. В светелке — по ней и башня называлась Светличной — под низким сводчатым потолком храпели солдаты. Наверно, из ночного дозора вернулись. Спали на полу, раскинув руки.

Сержант, шагая через лежащих, обошел помещение. Вторых дверей здесь не было. Рядом со светелкой — ход на стену.

Сергей Леонтьевич возвратился во двор. Что же могли значить слова веснушчатого о Васене?

Почему-то сержант боялся отойти от башни хоть на шаг. Он ощупывал ладонями холодные плиты. Никаких надежд не оставляла эта безмолвная каменная громада.

Между стен, как в ущелье, сильно потянуло ветром. С головы Бухвостова смахнуло треуголку.

Он нагнулся за нею и тут увидел, что в башне есть еще проем — настоящая крысиная нора, заплывшая грязью. Пошарил руками, наткнулся на железные прутья.

Сергей Леонтьевич лег на землю, чтобы заглянуть в забранную решеткой дыру. Сердце билось так, будто кто-то держал его в злых лапах, — то сожмет, то отпустит.

За решеткой, в сумраке, ничего не разглядеть. Прошло время, прежде чем сержант освоился с темнотой. И тогда он увидел глаза, в упор смотревшие на него оттуда, из подземелья.

Бухвостов отшатнулся.

— Ты кто? — спросил шепотом.

Слова, прозвучавшие в ответ, перевернули душу:

— Дядь Сергей, я знала, что ты придешь.

К пальцам, сжимавшим решетку, приникла теплая щека. Сержант охнул, словно ударили его. По железу, по пальцам текли Васенкины слезы.

Узнать ее было нельзя. Исхудалое, в ссадинах лицо, тонкие руки, закованные в цепь. При каждом движении цепь скрежетала. На шею девушки набита деревянная колодка. Когда Васена прижалась к железным прутьям, колодка краем поднялась, сдавила горло до удушья. Но Васена не отходила, все шептала, шептала:

— Помру я скоро... Спрашивают, пошто я из деревни ушла? Зачем в войске? Да знаю ли ведовство? Да нет ли умысла на государево здоровье?.. Помру я...

В том, как Васена сказала эти два последних слова, не было ни отчаяния, ни горя. Просто она говорила о том, что скоро все кончится — и жизнь, и мучения.

Сержант гнул, ломал железные прутья. Освободить Васену. Бежать! Бежать!

Опомнился. Подумал — как нелепа эта первая, захватившая его мысль. Бегством только вконец погубишь девушку. Да и куда денешься с острова? У подземелья даже стражи нет, потому что отсюда все равно не убежишь.

Что делать? Васену со дня на день увезут в Преображенское, и тогда она канет, словно камень в омут, безвестно пропадет, как тысячи других в безысходном застенке.

Надо спешить. Но если бы знать, что делать? Такая беда. Такая беспомощность.

«Первый российский солдат» знал, что он переживает самый страшный день в своей жизни.

— Мы тебя вызволим, Васенушка, вызволим, — бормотал Бухвостов, сам не веря своим словам...

От Государевой башни, от причала донесся звон судовой рынды. Шнява уходила в низовье.

Удаляясь от Светличной, сержант все видел перед собой большие, в слезах, глаза Васены.

Думалось — простился с нею навсегда...

Через невиские пороги негруженная шнява перемахнула, как на крыльях. Плыла быстро, подгоняемая течением и ветром.

Впереди — разбитый Шлотбург. А там рукой подать до острова Заячьего, до юного города Санкт-Петербурга.

Из непреодолимой ненависти ко всему торжественному, парадному, показному, бомбардирский капитан Петр Михайлов не торопился на закладку новой крепости. Он не сомневался, что двор и духовенство все сделают без него: и серебряную доску вроят в основание, и молебен отслужат, и святой водой окропят разворощенную землю, и отсалютуют из пушек.

Пожалуй, даже придумают орла, который обязательно будет парить над островом и непременно сядет на плечо самого знатного вельможи. Хотя орлы тут, кажется, вовсе не водятся.

— Леонтьич, — окликнул Петр сержанта, — видал ты орлов на Неве?

Бухвостов не ответил. Не поднимая головы, смотрел он на струи за кормой, словно искал в них очень важное для себя решение.

Что творится с Леонтьичем? Но Петр уже не помнил, о чем спрашивал. Всеми мыслями он был на острове Заячьем. Сейчас там работа на большом размахе.

Добротню ли возводят верки? Не размоет ли водой дамбу? Хватает ли людей? Не атакует ли Нумерс? Где сейчас армия Кронгиорта?..

Здесь, на краю отвоеванной русской земли, кажется, Петр не замечал болот и чахлах перелесков, не замечал гнилых туманов, ползущих над мелководьем, взмучен-

ных бурых ручьев в пустынных лугах, черных оводов, заедающих лошадей насмерть.

Видел он перед собой только взморье, только даль до самого неба и зыбкие на волнах дороги, дороги.

— Рай земной. Парадиз, — проговорил он вслух, — истинно, парадиз.

5. «ЦАРЕВА ХАТА»

На краю обширного Березового острова, в полуверсте от новостроящейся крепости солдаты в два дня срубили дом для бомбардирского капитана.

Вокруг, куда ни посмотришь — палатки, веточные шалаши, неглубокие вырытые землянки. А посреди шумного, неказистого, раскинутого как попало воинского лагеря — дом. Одно это уже говорило: пришли сюда прочно, навсегда, вот строиться начали.

Дом поставили не на самой кромке берега, но несколько поодаль. Нева своенравна, с ней ухо востро держи.

Венцы складывали из гладко тесанного сосняка. Стены выкрасили в яркий охряной цвет и навели поперек черные полосы, издалека взглянешь — кирпичные стены. Но то лишь одно мечтание, заглядка в будущее. Хоть глины кругом много, настоящего кирпича за сотню верст окрест не сыщешь. Строили дом по стародавнему обычаю, лапа в лапу, кондово. Строили первое жилье из дерева. А в дальнейшем городу быть каменну.

В знак того, что хозяин дома по званию своему — капитан бомбардирский, на гонтовую крышу, сложенную из узких досочек внахлест, по углам поставлены пестро раскрашенные пылающие бомбы. На конек взгромождена якобы изготовленная к бою мортира.

Неслыханная красота дома — окна. Широченные, с раскинутыми в стороны ставнями. Расстекловка мелкая, в свинцовых переплетах. В те окна смотрятся быстрая Нева, и лес, и поднявшийся над вершинами дощатый шпиль церкви, только что поставленной во имя святителей Петра и Павла.

В остальном же это была самая обыкновенная зажиточная крестьянская изба. Приземистая, с двускатной крышей и с такой низкой дверью, что войти в нее можно,

только пригнувшись. Она ничем не напоминала собою дворец. Солдаты, так же как и местные жители, называли ее запросто — «царева хата».

Тревог и забот у обитателя «царевой хаты» много.

Могучий рывок России к морю по-разному принят европейскими дворами.

Первое сообщение о городе Санкт-Петербурге было весьма кратко и заурядным шрифтом напечатано в «Ведомостях». В заметке, состоявшей всего из нескольких строк, говорилось о государевом указе: «...ближе к восточному морю на острове новую и зело угодную крепость построить велел, в ней же есть шесть бастионов, где работали двадцать тысяч человек подкопщиков».

Иноземные газеты перепечатали это сообщение, иные же и вовсе не заметили его, полагая незначительным. Мало ли крепостей возникало и исчезало на Неве?

Некий немецкий барон, позже побывавший в невском поморье, в кратком описании своего путешествия предварял: «Чтобы знать, в какой именно стороне лежит новый город, почтенный читатель должен обратиться к наилучшим из числа самых новейших карт, потому что на старых он не отыщет Петербурга». И в строках заключительных — о намерении Петра «проложить через пустыни, горы, леса, болота и реки новую широкую и, по возможности, прямую и ровную дорогу от Москвы до Санкт-Петербурга, на протяжении с лишком 200 миль, с устройством на ней для удобства проезжих от станции до станции постоялых дворов и деревень. Если это ему удастся, то будет, конечно, делом великим».

Если удастся... Меж строк — читай: дело несбыточное.

Многоопытные европейские государственные мужи в смятении трясли напудренными париками. Россия у моря! Одни говорили, что Швеция сильна и, разумеется, без промедления поставит царя Петра на место. Другие глубокомысленно отмечали, что Карл XII, конечно, непобедим на суше. Но ведь это же все знают — после поражения на Неве великого полководца даже при легкой волне рвет.

Как видно, в Стокгольме все еще не могут прийти

в себя от виктории русских войск под Нотебургом-Орешком. Эта виктория определила успех совсем уж невероятного похода в Ингерманландию. Кампания длилась считанные дни. И вот — новый город на море. Санкт-Петербург. Его еще нет в корабельных лоциях. Но он существует.

Сумеют ли шведы сбить русских с острова, который носит такое странное имя — Заячий?..

В «царевой хате» на берегу Невы капитан бомбардирский без конца задавал себе этот вопрос. В новом доме сосновый дух кружит голову. Под низким потолком свиваются струи синего дыма. Петр желтым ногтем приминает огонь в трубке.

Петру неловко за столом, все стучается коленями. На столе насыпан табак. Здесь же — краюха хлеба и жбан с молоком. Скрипит стул. Скрипит гусиное перо. Петр скусывает макушку, хватается другое.

Не перечесать дел и забот.

Скорей, скорей надо прикрыть Петербург с запада. Шереметев со своими полками уже воюет порубежные крепости Ям и Копорье. Удар нанес ловко, с ходу. Крепостям не устоять. Великий хитрец и воинской фортуны галантнейший кавалер этот старый хрыч Борис Петрович...

Ждут ответа послы княжества Литовского. Приехали просить помощи в борьбе с шведами. Нельзя не помочь. Указ в Москву: отпустить к Литве войско. Да не пожалеть казны; тридцати тысяч рублей хватит...

Жизнерадостный весельчак король польский, забывая в пиру, скромник на поле боя, прислал письмо. Умиленно просит конницы, дабы одолеть шведский гарнизон в Быхове... Конницу послать марш-маршем. Где ни побьем Карла — нам польза. Союзники. Хороши друзья. В злой час отвернутся, в добрый — мастера кланяться...

А это что за весть, чудная и горькая? До чего доводит алчность человеческая! Из всех армий пишут: пуль нехватка, шлите свинец. В Пскове же митрополит, забыв сан и святость, припас в амбарах сотни пудов свинца. Из-под полы посылает помалу в Москву для продажи. Гнус! Нечестивец!

Перо разбрасывает чернильные брызги. В каракулях,

в кляксах — повеление о свинье: «Взять сильно, а деньги после заплатить»...

Дверь приоткрылась. Сквозняком шевельнуло бумаги на столе. Петр сердито — в мыслях застрял псковский митрополит — рывкнул не поднимая головы:

— Кто там?

Краем глаза приметил Бухвостова. Отходя от гнева, мягко спросил:

— Чего тебе, Леонтьич?

У Бухвостова есть редкое, очень ценимое Петром, свойство становиться незаметным. Он тут же, в комнате, а как будто его и нет. При нем можно и мысли высказывать вслух. Ничем не обнаружит, что слышит. Какие же мысли у него самого? Того не скажет. Бомбардирский капитан знал, что у немногословного сержанта нет раздумий отдельных от его, петровских, раздумий...

Сергей Леонтьевич стоял, прислонясь плечом к косяку, расписанному пестрыми букетами. Он смотрел на стены, обтянутые серым парусным полотном. Была открыта дверь в спальную комнату, крохотную и полутемную, наподобие сундука. Поразительно, что Петр, так любивший простор, мог заснуть только в такой душной тесноте. Наверно, то было воспоминание детства, память о кремлевских теремах...

Весь охваченный своим горем, сержант взглянул на сидящего за столом человека. Из кованой железной укладки, раскрытой на полу, вывалился ворох бумаг. Шандал со свечами тоже стоял на полу. Петру за столом тесно.

Сержант смотрел на человека, вольного в жизни и смерти неисчислимого множества людей. Но что он без этих горемык лапотных, без народа, гнувшего спину на пашнях, льющего свою кровь в сражениях, битого батожем, изломанного на дыбе?.. Освободил бы он Орешек, если бы полтысячи отборных молодцов не полегли на той островной земле?.. Ныне насыпает бастионы и стены Петербурга. Строят безвестные, у кого и имен настоящих нет. Мрут на болотах. Нева унесет память о них, как весенние льдинки в море... Кровь, пот, слезы — вот на чем круто замешана Русь.

Петр вскочил из-за стола.

Бухвостов стоял на коленях.

— Встань! — загремел Петр. — Не годится солдату стучать лбом о землю. Встань!

Сергей Леонтьевич не поднимался. Бомбардирский капитан видел седину, густо пробившуюся сквозь смоляную чернь волос. На затылке белел плохо зарубцованный шрам. Петр помнил — это Нарва. На щеке, под ухом, как заплата — красный лоскут кожи. Это — Нотебург.

— Государь, смилуйся! — проговорил Бухвостов.

Когда-то мальчишкой-конюшонком такими же униженными словами начинал он челобитную: просил кафтанишко взамен прохудившегося, сапожонки на смену истоптанным.

Сейчас «первый российский солдат» молил о крохе счастья, не своего — чужого. Не жить ему без этой крохи.

— Ведомо тебе о беглой девке Васене, — сказал Сергей Леонтьевич, — в Преображенское шлют ее.

Перехватило дыхание. Сержант обождал минуту.

— Знай, — продолжал он, — тут моя вина. Я привез ее из деревни, над сиротством сжалился... Меня казни. Пощади ее, ни в чем перед тобой не виноватую...

Петр поднял Бухвостова. Приткнул его к стене, там стояла широкая лавка. Заходил по горнице. Бросал отрывистые слова в угол, где уже плотнела предвечерняя суеть:

— Подумай, Леонтьич, о статочном ли говоришь? Что будет с государством, ежели холопы, смерды начнут от господ бегать?.. Сие без наказания оставить не можно. Сам знаешь — закон сильнее меня. Над законом я не властен!

Бухвостов пошел из горницы. Он шел с протянутыми руками, нащупывая дверь, как слепой...

Петр нагнулся в притолоке, чтобы не стукнуться головою. Выбежал из дома. Ну, денек нынче выдался: то псковский митрополит-пройдоха, то беглая девка.

С разбегу перескочил в верейку, сильно качнувшуюся на волне. Рванул привязь. Загребал одним веслом, стоя.

Узкую, остроносую верейку подхватило течение. Оглянуться не успел — ее уже вынесло на песчаный бережок Заячьего.

Там земля вздрагивала от ударов многопудовой бабы. Тесаные сваи уходили в речное дно. В людском разноголосье, в стуке топоров и скрипе ворот, под протяжные выкрики — запевы артельных старшин — строился город.

6. РАБОТНАЯ КАТОРГА

На исходе второго месяца бесчеловечно тяжелых работ Санкт-Петербургская крепость была готова принять бой.

Над Невой поднялись земляные валы-стены с шестью бастионами на углах. Валы местами обшиты досками, и в них на корабельный манер проделаны откидные люки. Из каждого такого люка глядит черный ствол.

Множество пушек поставлено на стены. Есть чем встретить врага. Но все, что сделано, годится лишь на первый случай. Под прикрытием пушек работы в крепости разрастаются с каждым днем.

За валами, вдоль прорытого канала, как воробьи на жерди, появились первые мазанковые домишки. Они крыты дерном и берестой. Подле валов вытянулись поместительные казармы, цейхгауз, провиантские магазины. На особицу, чуть в стороне — гарнизонная гауптвахта. Она с краю площади, которую солдаты прозвали Плясовой.

Почему такое название, Трофим Ширяй понял, когда сам попал сюда. Подвела его обычная болтливость. Сказал обидное слово о заезжем майоре. Тот услышал и велел кнутом обучить солдата, как почитать старших.

Напрасно Трофим ныл, показывал, что у него нет «живого места» на теле: и прострелено оно, и порублено, и батожем порото. Никто не пожалел солдатскую спину. У палачей кнуты, как ножом, режут. Ну и поплясал же под ними Трофим...

Но шкура у него, как он сам говорил, «заживчивая», а нрав — это все знали — отходчивый, безобидный.

Прямо с Плясовой, поддерживая штаны, сиповщик отправился на Нарышкинский бастион ров копать.

Тут не то что обиду, сам себя позабудешь. Только

поспевай разворачиваться. Ширяй, худой да жилистый, в работе спорый, как всегда, успевал и над соседями позубоскалить. Без этого он часа не проживет.

Троха искал земляков, расспрашивал, кто откуда, и каждого насмешливым словом вроде крюком подденет. Боровичане у него были «водохлебы», псковичи — «ершееды», арзамасцы — «малеваны», среди них встречались иконописцы, что божий лик малюют.

— Отколь, робятки? — выкрикивал он певуче. — Галичане? Это вы толочно в реке веслом месили?.. А, чухломцы-рукосуи: рукавицы за пазухой, а другие ищет... Здорово, вятчки — парни хватчки: всемером одного не боимси...

Кто смеялся вместе с солдатом, а кто и серчал.

— Черт чернозубый, — говорили работные, — тут горе взახлеб, а он шуткует.

— Погоди, — огрызался Трофим, — побываешь на Плясовой, сообразишь, какое оно, горе, бывает. Хошь плачь, хошь шути.

Видели — трудится солдат вместе со всеми до тяжелой свинцовой устали, прощали насмешку...

На петербургских бастионах вся Россия работала. Восемьдесят пять губерний и городов присылали землекопов, плотников, пильщиков. В иные дни до сорока тысяч человек тянули лямку на Заячьем.

Топор за поясом. В руках лопата. Порты засучены по колено — то и дело приходится в воду ступать. Немытый, желтый от привязчивой лихорадки, всегда голодный — питерского издалека узнаешь.

Потому мужики и шли к Неве с великой «тúгой», провожаемые всеми родными плачем, как на погибель.

Страшно работному человеку в граде Санкт-Петербурге. Но была доля и пострашней.

То доля приговоренных. Разбойный и воровской люд присылали сюда грести на галерах-каторгах. На таких судах, огромных и неповоротливых, четырехсаженные весла вытесаны из цельного дерева. К каждому веслу по шести гребцов прикованы.

Галеры несли службу боевую и ластовую*. Для галерной работы человека хватало на месяц, не больше.

Жили каторжные отдельно, за протокой, на крон-

* Ластовая служба — перевозка грузов.

верке, где насыпан второй вал для обороны. Солдаты и работные охали, глядя на них. Мужик у каторжной судьбы по краешку ходит. Дивились:

— Есть же такие, которым живется хуже нашего.

Трофим повадился по вечерам, как стемнеет, переплывать протоку на бревенчатом плоту. Делал он это из любопытства к людям и еще из жалости.

На кронверке — смрад, ругань, звон цепей. Каторжные гнездились под навесом на трухлявой соломе. Кто спит, кто клянет все на свете, кто, подобрав кандалы, пляшет, позабыв про беды. Тут же дерутся. Тут же слезливо вспоминают дом, семью.

Среди каторжан все до единого безымянные. С именем стараются утаить прошлое. Зовут друг друга прозвищами, благо каждого жизнь наградила отметинами: Клейменный, Кривой, Рваная Ноздря...

Кого только не было здесь: и мбóлodeц с большой дороги, погубивший не одну душу, и мужичонка, унесший из барской клетки полмешка жита, чтобы накормить голодных ребятишек.

Трофима привлекали к себе не разбойники, не воры. Тянуло его к другим людям, смелым и непонятым, к тем, кто волю добывал.

В их числе больше всего низовых казаков с Дона, с Волги. Совсем особой стати люди. Сильны, ловки. Кандалы носят легко, не сгибаясь. Особенно один пришелся по душе Трофиму. В порванной до пупа рубашке, никогда не унывающий, веселый, кудрявый, громкоголосый.

Ширий привозил каторжным собранные солдатами хлеб и табак. До ночи сиживал он с новыми товарищами на соломе, слушал их рассказы про лесную волю, удалую жизнь. Верилось и не верилось тем рассказам.

— Думаешь, мы тут засидимся? — тесно придвинувшись и обдавая горячим дыханием, говорил кудрявый. — Как же, прикуешь нас к этим дьявольским галерам. Погоди, мы свое возьмем...

Обещание это было не пустое. Как-то в ночной час со стороны кронверка послышались вопли, удары, выстрелы. Шум не стихал, становился все громче, грознее.

Ширий побежал к протоке, скользнул на плот, уперся шестом. Прячась за кустами, выбрался на противоположный берег. Сразу наскочил на кудрявого. Был он

бледен, челюсти сжаты, глаза недобро светятся. Грозно крикнул Трофиму:

— Уходи отсюда. Уходи от беды!

И сам оттолкнул плот.

Так сиповщик и не узнал, что случилось на кронверке.

Крепость облетел слух, что каторжные бежали в леса. Многих поймали. Но нескольким посчастливилось скрыться от погони.

— Эка, ушли ведь, — завистливо говорил Ширяй, — вольны, как птица в небе...

По тому же слуху выходило, что на кронверке идет розыск, кто всему делу голова, кто подбил галерных на буйство и побег...

Однажды вечером Трофим ездил на Березовый остров за бревнами; с Заячьего был уже налажен неширокий подъемный мост.

Возвращался поздно, впотьмах. У самых ворот крепости чем-то ударило его по лицу. Схватил. Что за черт? Босая пятка, нога человечесь!

Отступил и увидел у съезда с моста виселицу. Рядом — вторая, третья. Закрестился мелко:

— Свят, свят...

Убитых в бою сиповщик видывал много и привык к неизбежному. Но повешенных видел впервые.

Понял: пойманных галерных повесили. Чтобы другие не приохотились к побегу.

А тот, кудрявый, неужто и он на перекладине? В темноте не разглядеть...

Трофим вздохнул, закручинился. Снял шапку, вытер ею сразу вспотевшее лицо. Взял под уздцы лошадь, она храпела, роняла пену с губ. Осторожно повел ее под раскачивающимися на ветру.

Виселицы с неделю стояли у ворот крепости...

Строился Санкт-Петербург днем и ночью. Строился, набирал боевую силу.

Насыпанной землей поднимали берега. Клади ряжи, сооружали волноломы, чтобы в половодье либо в ледоход не потревожило остров.

Неподалеку от крепости выросла булыжная гора. Каждая повозка, приехавшая из глубины России, —

хоть почтовая, хоть фельдъегерская, хоть с кладью — здесь останавливалась и сбрасывала взятые по пути камни. Без этих «непременных полевых камней» в город не пускали.

Камнями мостили дороги. Клали их и в основание домов.

Над государевым раскатом на высоком шесте зажгли маячный фонарь. Он светил вопреки вражеской эскадре, курсировавшей на взморье, вопреки шведской армии, надвигавшейся на молодой город.

Санкт-Петербург ждал корабли со всего света.

7. СЕСТРА-РЕКА

Утром на Заячьем ударили в набат. Неистово-тревожный звон летел над Невой. Нигде не было видно пламени. Солдаты бежали в казармы, хватали мушкеты, надевали подсумки с пулями.

Пешие полки еще только строились. Драгуны на крупных диковатых лошадях уже мчались — без дорог, через поля, через лес.

Стало в точности известно: армия генерала Кронгиорта идет на Петербург. В Лахте, в десяти верстах от города, вырезали нашу заставу.

Главная позиция Кронгиорта находилась на Сестре-реке. Мелкая извилистая речка петляла среди песчаных холмов. Тихая речка. Бой на ней разгорелся жестокий.

Конница появилась стремительно. Удар ее был силен. Шведы не успели уничтожить единственную переправу через Сестру-реку. Вслед за драгунами на другой берег перешел голицынский полк.

Но вот тут-то началось горячее до одури. Вдоль реки тянулась узкая дорога. Одним краем она обрывалась в мутную, медленно текущую воду. С противоположной стороны к ней подступала непроходимая топь. То, что топь непроходима, поняли сразу. Свернувшие повозки так и пришлось там оставить.

Шведы же заняли высотку в конце дороги. Они подтащили пушки и стреляли по войску, сжатому на узком пространстве.

Перекрыта дорога огнем. Вперед не пройти. Да и назад податься некуда. Уйдешь отсюда — придется драться с шведами у петербургской крепости; в осаде еще тяжелей. Никак нельзя уходить с Сестры-реки.

Полковник Голицын, как всегда безудержно смелый, не глядя на падающие рядом ядра, не слезая с седла, кричал солдатам:

— Не отступать, не отступать! Держись. Выручайте, братцы!

Когда он говорил это слово — «выручайте», — наверно, и сам толком не знал, как и чем можно в сей трудный час выручить полк.

Солдату, природному крестьянину, несметливым быть нельзя. У глупого на пашне хлеб не уродится. В баталии дурак головы не снесет.

Сначала неприметно, а потом все явственнее полк стал растекаться в сторону от дороги, в топь. Каждый шаг проверяли, пробовали; нащупывали кочкарник потверже. Потом пошли смелей, опрокидывая болотный лесок под ноги.

Многие еще в Петербурге, став в строй, по привычке оставили топоры за поясами. Остальные отомкнули от ружей багинеты. Рубили ветки, валили деревья. Шли по ним, где можно, в рост, где нельзя — ползком.

Высокий, неустойчивый Родион Крутов помогал Голицыну перебираться с жерди на жердь. У полковника путалась в ногах шпага. Лошадь он оставил на дороге. Плащ потерял в самом начале этого трудного пути.

— Молодец, Родионушка! — задыхаясь от жары, от болотной вони, говорил ему Голицын. — Я тебя не забуду.

Крутов не слушал, отмахивался от слепней. Поджарый, ловкий Трофим шепнул на ухо немоу:

— Как же, он тебя не забудет... Эх, милый, тут на болоте и мы князя. Не зря говорится: в лесу медведь — архимандрит.

Оглянулся на Голицына:

— Прыгай сюда, господин полковник. Здесь вроде земляца поядрены.

Михайла Михайлович из сил выбился. Бредет по колени в грязи. Один сапог потерял.

Трофим не то издевается, не то угодничает...

Полк пробрался через топь. Вышли к высотке, шведам в затылок. Пришлось ждать, когда подтянутся отсталые. Скрытно развернулись в боевой линейный порядок.

Полковник проверил, не потеряны ли мушкеты, не замочены ли заряды. Велел готовиться.

Не таясь, выскочил вперед — смел князюшка, этого от него не отнимешь, — выдернул шпагу:

— Братцы! На шведов! За мно-ой!

Да куда там — «за мной»! Прыгает в одном сапоге, другая нога босая. Солдаты обогнали полковника. Багинеты вперед. Пошли дружно.

Шведы всполошились, перекинулись на атакованный скат. На дороге-западне наше войско вздохнуло полегче. Драгуны — снова на коней. Рванули рысью. Столкнулись с противником «фрунт на фрунт».

Бились шведы зло. Распроклятый тот холм на Сестре-реке переходил из рук в руки.

Случилось так, что Родиона Крутова окружили шведы. Трофим видел, как он дерется один с многими. Лицо у него перекошено. Из открытого рта вырывался крик. Шведы отступили от солдата нечеловеческой силы и неустрашимости. Он наотмашь колотил своим старым, привычным шестопером. Но Родиона уже обступили со всех сторон.

Ширий пробивался к нему. Внезапно перед глазами сверкнул широкий палаш, и левая рука Трофима сразу потеряла силу.

Ему казалось, что все кончено. Он сидел на земле и нянчил раненую руку. Странно, боли не было, но ни одним пальцем не мог пошевелить.

Послышался топот. Лавина рыжих коней налетела, промчалась, и вот она уже на верхушке холма.

Потом драгуны рассказывали, как они наскочили на шведов, как те стреляли плутонгами — первый ряд с колена, второй — стоя, и как вдруг среди них появился русский солдат с обрывком веревки на шее. Молотя шведов кулаками, похожими на пудовые гири, он ринулся к своим. Схватка тотчас закипела вокруг смельчака. Драгуны вовремя успели на помощь.

Родя — это был он — не слушал, о чем спрашивают, и жалобно стонал. На мундире на груди расплывалось кровавое пятно. Однако Крутов не давал себя перевязать.

Все тянул одну тоскливую ноту и порывался вперед. Драгуны не могли знать, что этот солдат немой.

Шведы беспорядочно скатывались в низину. Уходили от преследования. Позиция повсеместно была за русским войском.

Ширия и Крутова везли обратно в одной телеге. Немой очень тосковал и жаловался. Трофим с трудом разобрался — Родя горюет потому, что шведы отняли у него шестопер.

Сиповщик посмотрел на залитую кровью грудь товарища и спросил:

— Не болит?

Немой мотнул головою.

— Эх, милый, — Трофим с непроходящим испугом держал здоровой рукой неподвижную раненую, — запомним же мы с тобой тихую речку, что зовется Сестрой...

Пешие и конные полки возвращались к Неве. Это был первый бой за город и крепость Санкт-Петербург.

Все уже знали, что Кронгиорт с остатками своей армии ушел в Выборг.

На следующий день с восходом солнца солдаты снова работали на бастионах крепости. В почерневших, задымленных порохом руках — топоры, лопаты, пилы.

В крепости долго еще вспоминали, как одолевали топь, как заставили бежать шведов. Больше всего говорили о герое той баталии — немом солдате.

Родиона Крутова не было ни на болверках, ни на валах. Вместе с Трофимом Ширием его отослали для выздоровления после ран в Шлиссельбургский гарнизон.

8. «ШТАНДАРТ»

Поражение Кронгиорта означало вместе с тем и поражение адмирала Нумерса, хотя шведская эскадра все еще утюжила залив в виду Санкт-Петербурга.

На хорошо вооруженную и с каждым днем усиливающуюся крепость эскадра теперь напасть не могла. Но она закрывала морские дороги к новому городу. С шведскими кораблями надо было бороться кораблями же.

В это время на Ладожском озере делалось великое дело. От причалов Олонецкой верфи ушла в плавание первая, построенная здесь эскадра Балтийского моря.

Распустив паруса, плыли фрегаты, шнявы, гальоты. Первым под флагом капитана Петра Михайлова шел 28-пушечный корабль. Флаг, или иначе — штандарт, поднят на самой высокой мачте. Порывистый ладожский ветер развевал яркий камчатый шелк, и тогда можно было рассмотреть вытканного на нем русского орла. Орел держал в когтистых лапах моря, подвластные России. Раньше, до этого плавания, на штандарте обычно рисовались три моря: Белое, Каспийское, Азовское. Сейчас впервые на нем было изображено четвертое — Балтийское.

В честь сего многозначущего флага головной фрегат эскадры назывался «Штандарт».

Корабли плыли один за другим, струя в струю. Чуть наклоненный вперед рангоут легко нес парусную оснастку. Полотнища гулко хлопали при повороте. Суда взрезали воду, как сошник жирную землю под посев.

На озерной глади еще держался туман. Казалось, крылатые корабли плывут в воздухе.

На палубе «Штандарта» за грубо сколоченным, ничем не накрытым столом сидели бомбардирский капитан, он же капитан фрегата, Петр Михайлов, рядом с ним — Бухвостов, мастер Федос и другие корабельщики Олонецкой верфи.

Петр, как всегда при удаче, в радости был говорлив. Он хвастался своей эскадрой. И в самом деле, ею можно было залюбоваться — быстрой, сильной, с пушками, внушительно чернеющими на борту. Хоть сейчас в бой!

Сергей Леонтьевич вглядывался в лица мастеров, построивших эскадру. Это были сурово замкнутые лица людей, знающих себе цену. Они не ждали милостей, о деле говорили с безбоязненной строгостью. Много плававшие и строившие на своем веку мастера не терпели никакой похвалы.

Федос хотя и моложе многих за столом, по признанному всеми умельству, говорил первым.

— Фрегаты ладные, — сказал он скупно.

Мастера одобрительно наклонили головы. Это слов-

цо — «кладные» — было редкостно высокой оценкой, и корабельщик никогда не говорил его напрасно.

Тут же Федос, как будто опасась, не перехвалили ли, предупредил капитана:

— Суда делались с поспешанием. Лес сыроват, досушить не успели, больно уж ты торопил нас... И еще вот что. На последнем фрегате оснастка чуток не по рангу. Парусины недостало...

Мастера одобрили и эти слова. На кораблях не в праздник ходить, а в огонь и в бурю. Надо о них знать все доподлинно.

Бухвостов слушал и не переставал дивиться правде этих людей, сделавших бесценный дар России. Всего замечательней было то, как они говорили о своей верфи, о дедовском гнезде, которое, конечно, для них дороже всего на свете.

— Олонецкая верфь началу служит, — сказал седой ладожанин в смазанных дегтем сапогах, — только началу.

Федос подтвердил:

— От Свири на Неву — путь немалый, через озеро. Да надо еще пороги пройти. А как быть осенью в мелководье? Как посылать в Петербург суда зимой? На саниях?.. Приглядывай, господин капитан, место для верфи в невском устье. Мы все пойдем туда работать...

— Давай-ка неси бумаги! — крикнул Петр Бухвостову.

«Бумаги» — это была кипа мелко исписанных листов с промерами фарватера, расчетами для корабельных лекал и планами крепостей. Были тут и записные книжки за полный год — клочки толстой синеватой бумаги и костяные дощечки, на которых раздерганным петровским почерком писались заметки для памяти: «О ученье пушкарей в цель и скорой стрельбе», «О спросе и попытке к Орешку», «Крестьянам сеять дуб», «Посмотреть по солнцу в день равноденствия», «О подъезде к Орешку для осмотра»... В последние месяцы в этой кипе изобильно появились чертежи новых петербургских строений.

На походе бумаги хранились у Сергея Леонтьевича, в медной укладке. Он спустился в каюту. Возвратясь, положил на стол всю кипу,

Федос и все мастера склонились над крупным чертежом. Этот чертеж Петр разостлал на столе и, чтобы не дуло ветром, прижал с краю ладонью. Корабельщики слушали, стараясь не пропустить ни слова. То их родное, кровное дело.

Скоро на Неве появится верфь не в пример больше Олонецкой. Капитан для убедительности водил пальцем по карандашным линиям. Посматривал на мастеров:

— Вот как будет!

Ладожцы, казалось, не на бумаге, воочию видели невшское адмиралтейство, диковинную крепость напротив петербургской, на левом берегу. У той крепости три высокие каменные стены, как должно, защищенные рвами. Четвертой стены нет. Вместо нее стапели, которые обрываются в воду. Со стапелей этих пойдут на Неву и на взморье новые корабли...

Первая Балтийская эскадра построена на Ладоге. Второй и следующим рождаться на Неве.

— Царь-государь! Вот где поработать бы! — от волнения Федос вцепился в столешницу, побелели суставы пальцев. — Дай мне построить корабль на новой верфи!

— Постройшь, — ответил Петр, — построишь... А скажи, как ты меня назвал сейчас?..

Всем был известен строгий указ Петра именовать его «без величества». Для сотоварищей по ратному делу был он Петром Михайловым, бомбардирским капитаном. Нарушение указа считалось большой провинностью.

На этот раз, наверно, все обошлось бы, — уж очень увлекся мастер. Но он испугался искаженного судорогой лица Петра. Испугался и побежал. Петр — за ним.

Федос, не оглядываясь, добежал до носовой части фрегата. Петр настигал.

Мастер сбросил кафтан, поплевал на ладони и полез на мачту.

— Стой, стой! — кричал ему Петр.

Но Федос перекинулся на фок-ванты и забрался еще выше. Бомбардирский капитан, разъяренный, тоже поплевал на ладони, ухватился за снасти и полез вверх.

Корабельщики и все, кто был на палубе, столпились на носу фрегата. Пересмеивались, подзадоривали.

Капитан и мастер в эту озорную минуту казались очень молодыми, лишь недавно вышедшими из мальчи-

шествия. Не было им дела до работ, замыслов, баталий. Только бы подняться повыше! Перепачканные в смоле, которой пропитаны канаты, они кричали что-то, неслышное за гулом ветра.

Но когда преследуемый и преследователь добрались до последней реи, смех и шутки оборвались.

Судно сильно кренилось на посвежевшей волне. Высокая мачта острой верхушкой чертила в небе крутые дуги. Рея казалась слишком тонкой, чтобы выдерживать двоих. Вот-вот они оборвутся, разобьются о палубу или о воду.

Бухвостов, задрав голову, кричал:

— Петр Алексич, слазь!

Старик ладожанин, тот, который говорил про Олонецкую верфь, что она началу служит, срывая тоненький сердитый голос, увещевал Федоса:

— Не бойся, держись! Выдерут тебя за уши, только и делов!

Петр, дрыгая ногами, перехватил снасть и облапил Федоса. Но не похоже, чтобы они дрались. Просто подерживали друг друга, чтобы не сорваться с реи.

Нашупывая ускользающие ванты, оба полезли вниз. Ветер забивал дыхание. Глаза слезились. Руки кочнели на холоду.

На половине пути Федос остановился отдышаться. Огляделся из-под ладони. На горизонте заметил маленькую черточку — едва различимый островок.

— Орешек вижу! — крикнул он...

Никогда еще Сергей Леонтьевич Бухвостов не ждал так нетерпеливо встречи с Шлиссельбургом, как в этот раз.

Город у истока Невы стал родным для «первого русского солдата». Тут сплелось многое... Ему не приходилось особенно раздумывать над тем, что у Шлиссельбурга и у него одинаковый герб — ключ над голубым щитом. Важно, что Бухвостов был среди тех, кто штурмовал Орешек, и породнился с ним кровью.

А всего важнее — что здесь, на краю озера, под быстро бегущими тучами жило, теплилось, как огонек на ветру, его бедное счастье.

Эскадра, лавируя, обступила Шлиссельбургскую крепость. Корабли закрыли островок своими парусами.

9. ДОЧЕНЬКА

На левом берегу Невы, против островка, разросся большой посад. Назывался он, как и крепость, Шлиссельбургом.

Посад был многолюдный, шумный. Тут слышалась растянутая речь москвичей, «оканье» волгарей, медлительно неторопливые рассуждения архангелогородцев, бойкая скороговорка рязанцев, певучая «мова» донских казаков и гортанная калмыцкая переключка.

В Шлиссельбурге сходились все пешие и водные дороги, ведущие в город на взморье. Каждый едущий в Санкт-Петербург не миновал Орешка.

Здесь, на последней ямской станции, перепрягались лошади почтовых возков. Останавливались пышные боярские конные поезда с набором колокольцев под дугами; впереди скакали форейторы и разгоняли встречных-поперечных оголтелым криком: «Сторонись!». Пестрым табором заполняли берег плотничьи, землекопные, кузнечные артели. Многие мастеровые шли с семьями. Женщины голосили, ребятишки поднимали плач: один заревет — десяток в разных концах подхватят. Мужики гадали, что ждет их в неведомом, теперь уж близком, крае.

От Урала присылали обозы с железом, от Каспия — с солью, от Поволжья — с хлебом, от Новгорода — барки с льном и кожами.

Сплавленные водой грузы здесь переваливались либо на колеса, на сухой путь, либо в плоскодонные паузки, чтобы легче проскочить пороги.

Длинные плоты с ладожским сосняком и елью, обогнув остров, втягивались в протоки. Лихие плотогонцы оглашали берега перебранкой и песнями.

Шлиссельбург был бессонным городом. Обозы, путники приходили и ночью. Искали ночлега. Жгли костры. Понукали лошадей.

Из Санкт-Петербурга то и дело наезжало сюда чиновное начальство. Ругалось, требовало, грозило. Своерачивало скулы. Плетями полосовало спины. Если в Шлиссельбурге задерживалось привозное зерно, в Питере начинался голод, бескормица.

Недолгая тишина наступала лишь в те минуты, когда вершники привозили весть о караванах, разбившихся на ладожских камнях — лудах. Тогда снимали шапки

в помин души потонувших озеропроходцев. Но тотчас же забывали о них в деловой суете.

Близилась осень, и Ладожское озеро все чаще штормило, выбрасывало на берег, ломало на отмелях по краешек борта груженные барки.

А Петербург ненасытно и жадно ждал хлеба, железа, пороха. Но всего больше нужны были ему корабли. Для морских баталий. Для морской торговли.

Суда с Олонецкой верфи причаливали к пристани Орешка. Здесь чинились после первого плавания озером и добавляли парусную оснастку...

Едва закрепили на острове швартовые канаты «Штандарта», Бухвостов увидел бегущего, запыхавшегося Ширия. За ним вприпрыжку, галдя, как сорочата на припеке, мчались ребятишки из крепостной школы «барабанной науки».

Трофим крепко обнял сержанта одной рукой, другая все еще висела на перевязи. Рад был он видеть Сергея Леонтьевича, в первую минуту слов не находил. У солдат и разлуки и встречи всегда нечаянны.

Будущие барабанщики окружили сержанта. Осмелев, завистливо трогали кожаную портупею, ботфорты. Просили, чтоб дал поддержать треуголку. Треуголка сразу пошла гулять по русым, чернявым, рыжим головенкам. Никому она не была в пору, съезжала то на глаза, то на затылок.

— Когда же нас в полк возьмут? — расспрашивали пареньки. — Мы уж и сигналы, и дробь бьем. Война, поди, скоро кончится, а нас на острову держат.

— Вот научитесь букли да треуголки носить, тогда и станете солдатами, — пообещал Бухвостов, — а войны на всех хватит, не тревожьтесь.

Степенно подошел Родион Крутов. Озарил Сергея Леонтьевича белозубой Васенкиной улыбкой, но по мужски короткой, сдержанной.

Родион еще рос. Он за эти боевые месяцы стал приметно выше, крепче, шире в плечах.

Барабанщики потихоньку подталкивали Ширия. Бухвостов догадался: уж наверно, он что-нибудь приврал ребятишкам, и дело сейчас дойдет до проверки. Так оно и было.

Трофим бойко, но несколько смущенно сказал Сергею Леонтьевичу:

— Надоедные бесенята... Ну, говорил я им, что имеется у нас в войске «первый российский солдат» и что по этому своему званию он важней самого важного генерала... Сделай милость, скажи им, Леонтьич, что ты и есть «первый российский солдат». Не отстанут ведь...

Бухвостову хотелось ругнуть Троху за его длинный язык. Но ребятишки смотрели такими ждущими глазами, что жалко было их разочаровать.

— Все мы в бою первые, — ответил Сергей Леонтьевич, — но есть тут на острове доподлинный герой, про кого хоть былинку складывай. Вот он!

Сержант положил руку на плечо немого солдата. Родион слушал серьезно и строго, будто речь шла не о нем.

Появился школьный дядька, надавал подзатыльников своим питомцам и увел их.

Бухвостов, затаив волнение, предложил:

— Пойдемте на парусную.

— Так ведь туда не пустят, — с сомнением заметил Ширяй.

— Хоть в окошко глянем, — сказал сержант.

Васену Крутову в Преображенский приказ не послали. Оставили в Шлиссельбурге. Но в наказание за побег и обман назначили работать на парусной мануфактуре.

Мастерская, где ткали паруса, находилась в большой избе с нескладными пристройками. Парусная слышна была издалека стуком, грохотом. Из незастекленных окошек летела льняная пыль, словно кто-то пригоршнями кидал ее оттуда.

Около окон постоянно болтались солдаты, они переговаривались с ткачихами. Поэтому никто не обратил особого внимания на Бухвостова, Ширяя и Родю, заглянувших вовнутрь избы.

Там было жарко, а шума и стука — побольше, чем в ином сражении. Сергей Леонтьевич сразу оглох.

В душной полутьме возле грохочущих станов работали женщины. У некоторых лица от подбородка до носа обвязаны тряпьем, чтобы не дышать колючими очесами.

Бухвостов искал и не мог найти Васену. Только

когда Родя толкнул его локтем и показал в угол мастерской, Сергей Леонтьевич разглядел девушку.

Тоненькая Васена в легком холщовом платье хлопотала над станом. Как видно, она еще не очень хорошо знала работу, вся ушла в нее и ничего не замечала вокруг.

В воздухе струились, бежали, сплетались нити. Ох, как трудно было ей уследить за всем сразу! Пряжа сматывалась с тяжелого круглого навоя. Нити основы плыли перед глазами, они уходили в мелькающие ремизки. И здесь чаще всего рвались нити. Надо было схватить не успевшие разлететься концы, быстрехонько ссучить их.

Сплетения пряжи походили на паутину, а челнок бегал посреди нее, как большущий паук. Вправо-влево. Вправо-влево. Он выбрасывал уток, и огромное бердо мгновенно прибавало нить к нити.

Успевай смотреть за ходом пряжи, да еще из всех сил то одной ногой, то другой нажимай на доску, приводящую в движение стан.

Сергей Леонтьевич не мог разобраться в тонкостях ткацкой работы. Стан показался ему грозно рывкающим чудищем, а девушка — у него в плену.

— Васена! — окликнул Бухвостов.

Ткачиха вздрогнула, повернулась. На стане началась кутерьма. Нити перепутались, челнок, как живой, подскочил и упал на пол.

Через всю избу с криком и поднятыми кулаками спешила надсмотрщица. Васена закрыла лицо ладонями.

Сергей Леонтьевич вбежал в сени, в мастерскую. Успел заслонить виноватую.

Разъяренная женщина смотрела на сержанта, не смея при нем наказывать.

Бухвостов обшарил свои карманы. Все нашедшиеся монеты он тут же отдал надсмотрщице. Она сразу успокоилась. Солдаты часто подкупали ее, чтобы перемолвиться словом с ткачихами.

Мастерица больно ущипнула девушку и вытолкнула ее в сени.

Теперь Сергей Леонтьевич мог хорошенько рассмотреть Васену. Она стояла с опущенными руками, блед-

ная, испуганная. На ее лице не было темных теней, как тогда, в подземелье. Но к ней уже не вернулись улыбка и доверчивый блеск серых глаз. Они потускнели; как говорят в деревнях — «выплакались».

Разглядел Бухвостов и синеватые полосы на запястьях, след кандалов. Он взял в руки ее пальцы, они были изрезаны грубым льняным суровьем и чуть вздрагивали в ладонях сержанта.

— Доченька! — едва слышно сказал Сергей Леонтьевич такое неведомое ему и такое дорогое слово.

Васена прислушалась.

— Доченька! — повторил он.

Девушка, точно подтолкнули ее, шагнула вперед, прижалась щекой к плечу Бухвостова.

Он молчал. В нем все кричало: за какие грехи судьба жестоко обидела этого ребенка? За что? За что? И сколько же горя может снести человек?..

Васена была теперь не голицынской крепостной, а казенной, государевой. Она осталась холопкой*.

10. «АРШИННАЯ КОМАНДА»

С борта фрегата открывалось зрелище неслыханно страшное. Люди не верили своим глазам. Бушующее море придвинулось к Петербургу, оно кидалось на матрик, рвало его, подминало под себя. Берега виднелись

* О героине Великой Северной войны, о девушке-солдате и ее трагической доле впервые рассказал в своем дневнике долго живший в России при Петре придворный голштинского герцога Берхгольц. В дальнейшем историки и писатели проходили мимо этого свидетельства единственно потому, что героиня была безымянной. Из обычного для того времени отсутствия интереса к простым людям, Берхгольц не спросил, как зовут девушку, которую сам видел и с которой разговаривал. Он не оставил нам ее имени.

В 1960 году в приладожском поселке Морозово нам довелось услышать волнующий изустный сказ о крепостной, во время Северной войны сбежавшей от боярина и ставшей солдатом. Одна из старейших жительниц поселка, замечательный знаток местных сказов и песен В. Н. Осипова назвала имя девушки-воина: Васена Крутова.

Несмотря на некоторое противоречие в годах, есть основание думать, что именно о ней писал Берхгольц.

В облике Васены, какой видит ее читатель на этих страницах, в ее трудной судьбе и светлом подвиге, воедино слиты народное предание и свидетельство современника.

островками, макушками холмов. Кругом бесновалась вода.

Нева текла вспять. Суда, прибывшие с верховья, плыли не по течению, как всегда, но преодолевая его. Супротивный ветер с треском рвал паруса, валил корабли на бок.

Лодки плавали там, где еще вчера была суша. Солдаты снимали с крыш попавших в беду обитателей. Кое-где покачивались на волнах привязанные к деревьям плоты. Коренные жители края, узнав по верным приметам близость осеннего потопа, успели вовремя разобрать и сплотить свои хатенки. Сами же бежали на Дудерову гору, единственное место, куда никогда не доходит вода.

На Дудерову гору гнали мычащие стада. Нахлестанные лошади мчали телеги с наскоро собранным скарбом. Люди торопились уйти от беспощадного моря.

У многих видевших это бедствие против воли вкрадывалась мысль, не правы ли чернорясные двоедушные пророки с крепостной площади: они кричали в неистовстве, будто месту сему «быть пусту», и навеки проклято оно, и остров у разветвления реки зовется не Веселым, а Чертовым.

Как же тут жить, в такой страсти? Как строить город, когда море грозит все разбить, смыть?

— Переждем, осмотримся, — говорил бомбардирский капитан, стоя растопыренными ногами на пляшущей палубе, — а что касаясь чертовщины... в точности знаю, что у кнута хвост длинней, чем у черта!

Петр уже не мог расстаться с мыслью о своем парадизе...

Оглядысь, первые поселенцы Петербурга сообразили, что дело тут, может быть, и не обошлось без гнева божьего. Но, наверняка, помог ему крепкий юго-западный ветер. Он погнал воду в Неву. Ее устье, со всеми протоками, раз в семь больше русла. Устье — как воронка. И закипели, взъярились в нем волны.

Два дня свирепствовало наводнение, на третий пошло на убыль. Оказалось, что новостроенная крепость, сверх всякого чаяния штурмованная морем, коварный натиск стихии выдержала. Стены отнюдь не размыло. Шалаши все поснесло, а настоящие постройки с места

не строило. Все было сделано добротнo, накрепко. Остров Заячий не напрасно поднимали земляной насыпью.

Прибывшую с Ладоги эскадру в Петербурге ждала добрая весть. Нумерс со всеми своими кораблями, наконец, убрался со взморья, отплыл в Выборг.

Бомбардирский капитан хохотнул в усы, представив, как встретятся там битый адмирал с битым генералом...

Но — время, время, время! Нельзя было терять ни дня, ни часа. Впервые Россия так отважно строилась не на тверди — на воде. Надо же свести покороче знакомство с этой самой водой.

Вот тогда сержант Щепотев и получил в свои ручки обыкновенный аршин и самую обыкновенную веревку, только навязанную узлами. Приказ ему был дан довольно странный:

— Меряй!

Михайла Иванович считал себя разнесчастнейшим человеком. Не торгош он, право, а боевой сержант. Но вот поди ж ты, поспорь.

По Неве и по взморью ходила ладейная флотилия. С теми же аршинами и веревками.

Мусоля грифелек, от злости кроша его и ломая, сержант записывал: «Ширина реки у бывших Канцев — 400 сажен, у крепости — 300 сажен. Глубь — у Охты — 7 сажен, против капитанова дома — 6, ближе к устью — 5. На быстрине — глубь».

Цифирь, цифирь. Зачем она?

Но когда «аршинная команда» вышла из Невы на взморье, за нумерсову стоянку, и дальше — на большую воду, Михайла Иванович позабыл о своих сетованиях.

Впереди синел густолесистый берег острова Котлин. Подплыли. Прошли его из края в край. Кроме леса без троп, ничего не нашли. Но тут, с моря, — самая верная защита Петербурга.

«Аршинная команда» обосновалась на Котлине. Прошупывали дно вокруг. Вскоре открылось такое, чему без конца дивились. Снова меряли, подсчитывали. Да, так оно и есть.

Припомнилось Михайле Ивановичу, как при первом походе на устье ставили вешку на фарватере, что капризно отклонялся от срединных отмелей к берегу. И тут, близ Котлина, фарватер шел причудливым, неожиданным изгибом.

К северу от Котлина — сплошь мелководье. Морским судам не пройти. К югу — до самого побережья частые отмели. Но в полуверсте от острова лежал глубокий фарватер, корабельная дорога.

Надо думать, прадеды, ходившие на своих ладьях в заморские страны, могли и не знать о ней, потому что суда были осадкой мельче нынешних. Но возможно, и знали, да с поколениями позабылось.

Выходило так: поставить при той водной дороге крепостцу — форт с пушками в три яруса. И форт станет владыкой всего залива.

Находка стоила многого. Большая победа, добытая не шпагой, а мерой и счетом.

Бомбардирский капитан принялся вытесывать из дерева малый образец форта, придумал, как под основание его спускать на дно залива камни в деревянных коробах. Придумал и название ему — Кроншлот.

Не медля начали насыпать форт при корабельной дороге.

Работы было на много месяцев...

Котлин же нельзя оставлять без зоркого глаза. Дозорная линия протянулась от самого Петербурга далеко в море. Посты стояли на безлюдном берегу, на островках.

Головная застава находилась на оконечности Котлина. Сюда со своими пушками переведен был Логин Жихарев.

Такая жизнь Железному носу по нраву. От начальства не близко. Сам себе хозяин. Впереди — вода, позади — лес, и на много верст — ни души.

Служба не трудная. Знай посматривай на море, не появятся ли шведы. Но море было пустынное, будто никто никогда по нему не плавал.

Жихарев и тут наладил небольшой горн с кремневым камнем вместо наковальни, а набор молотов он всегда при батарее возил. Утренний свет лишь забрезжит, а литец и пушкарь, прихрамывая, — это у него уж на всю жизнь осталось — хлопчет в своей мастерской под чистым небом. Чадят сырые угли. Вперебой стучат молотки. Логин то лафеты чинит, то новые железные полосы на колеса натягивает.

— Недолго тут покормимся, — предсказывал Жихарев пушкарям, — дороженька солдатская далекая.

Команда на Котлине порядком поодичала. Хлеб сами пекли, муку привозили из крепости. А мясо рядом ходило, рычало на все лады.

Логин отковал рогатину и взял ею медведицу в ста саженьях от заставы. Двоих медвежат поклат в мешок. Они прогрызли ряднину, убежали. Но к вечеру вернулись мать искать.

Молодых пушкарей Железный нос, по обыкновению, ругал постоянно. Иногда — за дело, а иногда просто так, чтобы помнили «субординацию».

— Уйду я от вас, — говорил он, — вот отвоюем, и уйду. В Питере Литейный двор наладят, я там работать стану... Стрелять из пушки — штука нехитрая. Научи — дурень выстрелит. А ты смастери-ка ее, родимую, медную да громовую, чтобы она и дедам и внукам служила... Ведь мы, Жихаревы, кто? Литцы первой руки...

На заставе Логин никому не давал покоя. Гонял пушкарей: дров нарубить, угольев нажечь. Еще задумал он батарею тыном обнести. Потом начал избу строить; осень с ненастьем близка. Потом вышку соорудили, чтобы на деревья понапрасну не лазать.

— Отдохнуть дал бы, — жаловался иной молодец.

— Эва, — неодобрительно отзывался Логин, — какой же ты солдат, если отдыха просишь?..

Прошло немного времени, и покоя на заставе как не бывало. Море ожило.

Началось это так. Солдат на вышке истошным голосом заорал:

— Парус!

Жихарев с трудом залез на вышку. На море вдалеке ясно виднелся плывущий корабль. Не теряя времени, Логин скомандовал вниз, чтобы становились по местам и заряжали.

Спустился на землю. Споро, быстро проверил ядра, запалил фитиль, поднес его к затравке первой пушки, той, которую отливал в Шлиссельбурге.

Сигнальный выстрел всколыхнул тишину. Его повторили береговые дозоры. Не много понадобилось времени, чтобы в Санкт-Петербургской крепости узнали: на море тревога!

Эскадра снялась с якорей. Шнявы понеслись вперед.

Неизвестный парусник плыл спокойно, медленно, то и дело промеряя глубину под килем.

Бомбардирский капитан со своей шнявы перескочил на веревочный трап, поднялся на борт парусника. Снизу, с воды, все видели, как Петр с первых же слов обнял коренастого, длинноволосого шкипера, поцеловал его и сам за лоцмана стал к штурвалу.

Парусник был голландский. Он двинулся по фарватеру, обнесенному вешками.

Санкт-Петербург встречал первый корабль, пришедший из-за моря не с войной, а с миром — торговать, дружить. На радостях из государственной казны шкиперу отвалили пятьсот червонцев, матросам — по триста ефимков.

Среди голландцев многие и раньше бывали в России, хаживали Белым морем в Архангельск.

Сержант Щепотев и шкипер сразу узнали друг друга по встречам на Северной Двине.

— Нравится ли тебе Петербург? — спросил голландца Михайла Иванович.

— Нет, не нравится, — шкипер растянул рот до ушей, — Архангельск лучше.

— Почему? — спросил сержант.

— В Архангельске нас блинами угощали. Эдаких нигде больше нет.

— Врешь, брат, — Михайла Иванович схватил шкипера за плечи, тряхнул, — здешние блины вкусней — с пылу, с жару!

Петербург закармливал гостей блинами и в «царевой хате», и в только что построенной «австери».

— Здравствуй, Голландия! — дружелюбно кричали питерцы морякам при встрече.

За первым парусником пришел второй.

К городу и порту на Неве на маячный фонарь, поднятый над крепостными стенами,плыли корабли. Незнакомые флаги. Незнакомая речь.

Плыли корабли, обновляя путь.

11. «ШЛИССЕЛЬБУРГСКИЙ ДЕНЬ»

Одиннадцатого октября праздновался «Шлиссельбургский день», годовщина освобождения Орешка.

С утра накрапывал мелкий, косой дождь. Небо низкое, в облаках, Нева серо-голубая, как откованная из булатной стали.

В Санкт-Петербургской крепости повстречались давние знакомцы. Логин Жихарев приплыл с Котлина за порохом. Васена Крутова приехала из Шлиссельбурга с обозом, груженным парусным полотном. На лесных дорогах было беспокойно, объявилась разбойная ватага. Поэтому с обозом шел конвойный отряд. В том отряде были Родион и Трофим.

Хотя пушкарь и сиповщик постоянно между собой ругались, при этой встрече оба с удивлением заметили, что вроде соскучились друг без друга. Но и вида не подали. Жихарев покосился на ширяеву перевязанную руку:

— Экие мы с тобой красивые! Я хромой, ты однолапый...

Васену пушкарь впервые видел с косою и в девическом платье. Ничего не сказал. Грубыми задубелыми ладонями погладил ее по щеке, шумно вздохнул.

Пошли на бережок. Сели на перевернутую вверх днищем лодку. Новостей у каждого — короб. Всего сразу не перескажешь.

Река веяла холодом. Возле пристани струи отливали радугой. Разгружалась барка с товарами. Волны хлестали о водомерный столб.

Город строился и на левом берегу. Закладывалась верфь. Виднелись бревенчатые дома, дворы, огороды. Через Неву сновали шлюпки. Нигде нет мостов, кроме крепостного, подъемного. Их и не собираются наводить. Жители приморского города должны волей-неволей привыкать к веслу и парусу...

Бухвостов разыскал друзей как раз когда, скинув мешок с плеча, Логин вытряхнул медвежат. Они сердито урчали, жались к нему. Потом осмелели; стоя на задних лапах, сцепились, мохнатым клубком покатались к воде. Испуганно зафыркали. Кинулись к Логину. Заскулили по-щенячьи.

Васена смеялась, гладила их, с ладони кормила хлебом.

Сергей Леонтьевич смотрел то на девушку, то на медвежат. Со времени битвы за Ниеншанц он не слышал ее смеха.

В эту минуту Васена показалась ему похожей на светлый весенний росток. Ничего нет слабее его. И ничего нет сильнее. Кажется, прикоснись — надломится.

Но как могуче, как непреодолимо пробивает он толщу земли! Проклюнет ее и тянется к солнцу, к свету.

Бухвостов не поверил бы, что Васена может так звонко смеяться. Он неприметно для других сжал руку Жихарева. Тот шевельнул лохматой бровью. Он знал, за что его благодарит сержант...

Шел обыкновенный солдатский разговор: скоро ли конец войне? Ширяй с непривычной серьезностью и как бы совестясь этой серьезности, сказал, что стосковался по вспаханному полю, по черным пахучим пластам, перевернутым сохой. Родя посмотрел на свои руки — большие, умелые во всякой работе.

Бухвостов раздумчиво покачал головою:

— Покуда шведов вконец не разобьем, другого и в мыслях держать не годится. Впереди — Корела, Выборг; придется еще и под Нарвой посчитаться... Война, по совести сказать, в самом начале, и кто знает, как она повернет нашу судьбу... *

Внезапно все замолчали. При таком молчании кто-нибудь непременно скажет, что где-то звезда упала. Но сейчас не вспомнили шутивную поговорку. Молчали с затуманенными глазами. Каждый понимал, о чем думает товарищ. Тишина. Слышно, как на реке волна о волну бьется.

Солдаты молча помянули тех, кто безмолвно лежит под курганом в Шлиссельбургской крепости, тех, чьи могилы одинокими безвестными холмиками виднеются на всем невском побережье, от истока до устья. Думалось о

* Сергей Леонтьевич Бухвостов доблестно прошел до конца все сражения Северной войны. Побывал в Польше, Голштинии, Померании. Прошел походами всю Россию от Балтийского моря до Черного. Многократно раненный, он в чине майора артиллерии был переведен в Санкт-Петербургский гарнизон. Петр I приказал знаменитому Растрелли изваять из бронзы статую Бухвостова, чтобы в потомстве навсегда сохранилась память о «первом российском солдате». Скульптура была отлита, долго хранилась в кунсткамере Академии наук. Но затем бесследно исчезла. Говорили, что она расплавилась при одном из пожаров, охватившем весь Васильевский остров.

Портрет Бухвостова создал «гравировального дела мастер» М. Махаев. Изображение Махаев сопроводил кратким и добрым словом о Сергее Леонтьевиче, особо отметив, что он «всячески избегал излишнего славолубия... был росту средняго, силен, тверд, скромен и весьма воздержан». Из той же надписи известно, что он умер в 1728 году. До конца своих дней он оставался человеком одиноким, бессмейным. Ныне махаевский портрет Бухвостова можно видеть почти в каждом историческом музее страны.

Ждане Чернове, который шел к морю, да так и не увидел, какое оно. Думалось о Тимофее Окулове, смелом ладожанине, — на волне родился, на волне погиб. Ничего он не любил так, как простор перед глазами...

Все посмотрели на пригорюнившегося Ширия. Он почувствовал этот взгляд, выпрямился и полез за пазуху, доставать свою неразлучную сипку-берестяночку. И снова, как это всегда бывало, когда Трофим запоем, слушатели не узнали маленького солдата-замухрышку. Песня ли красила его? Светилась ли в те минуты добрая его душа?

Трофим перебирал лады здоровой рукой. Берестяночка начала грустно-грустно. Умолкла, оторванная от губ. Высоким чистым голосом Ширий запел солдатскую шлиссельбургскую:

Ты, злодей-злодей, ретиво сердце,
Ретиво сердце молодецкое!
К чему гы ныло-занывало?
Ты беду мне, молодцу, предвещало.
Предвещало ты, а не сказало:
Что быть мне, молодцу, в рекрутах,
Что в рекрутах быть мне и в солдатах,
А в солдатах быть мне и в походе
Что под славным городом под Орешком,
По нынешнему званию Шлиссельбургом.

Трофим закинул голову. Напряглись жилы на шее. Снова внятно заговорила берестяночка. Но уже не тоска, не раздумье слышались в ее голосе. Резкие, сильные звуки, словно отмеренные солдатским шагом, взлетали и замирали в переливах.

Ширий пел о том, как Петр спрашивал войско:

Еще брать ли мне город Орешек,
Иль не лучше ли от него нам отступить?

И как ответило войско:

Что не ярые тут пчелы зашумели,
Что возговорят российские солдаты:
Нам водою к нему плыть — не доплыти,
Нам сухим путем идти — не досягнуть.
А что брать или не брать ли — белой грудью.

Тихими всплесками, потом все громче, громче звучит берестяночка. Да нет, то ядра летят, дыбят воду и землю, сабля о саблю высекает искры.

Развернув плечи, ликующе поет Ширяй:

Тронулося войско ко стене,
Полетели башни на берег.
Отворилися ворота не проделаны,
А проломаны из пушек ядрами.
Победили силу шведскую,
Полонили город надобный!

Кто сложил эту песню? Кто первый спел ее? Неведомо. Но полюбила она солдатам. Поют ее не только на Неве — по всей России. Славная песня...

— Трофим, а Трофим, — вдруг растроганно говорит Логин, — иди к нам в пушкари. Право, иди.

— Не пойду, — отвечает сиповщик, — думаешь, я забыл, как ты меня банником съездил...

Все смеются, подталкивают Жихарева и Ширяя друг к другу. Медвежата скулят, путаются в ногах, хватают за ботфорты.

Минуя крепость, к причалу Березового острова подходит валкий на волне, пузатый бриг. Паруса еще не убраны, а по прогибающимся доскам уже катят бочонки со смолой и медом.

Повыше причала разбило плот с лесом. Десятки людей по пояс в студеной воде баграми ловят бревна, тащат их к берегу. Здесь рядом с брусчатым Гостиным двором строят хоромы. Плотники на подмостях — один внизу, другой сверху — тянут пилы. Сталь взвизгивает, разлетаются опилки.

Тут же работные, навалясь грудью, ходят в вóрте. Корневище, зацепленное пеньковым канатом, поддается, приподнимает землю с блеклой травой. Канат натянулся, звенит...

На скатах Березового острова, спускающихся к Неве, уже наметились улицы. Где повыше, посуше — блестят стеклами дома знати. Поодаль тонут в стылой грязи лачуги «Черной слободы».

Улицы на скатах хорошо видны от стен крепости. В наезженных колеях вода. Кое-где остались борозды от старых посевов.

Артели подкопщиков в лаптях с туго накрученными онучами врезаются лопатами в вязкую глину. Проходят солдаты. Шаг широкий, руки наотмашь. Щетинятся, сверкают багинеты.

Что ждет тебя, юный город на взморье? Какие битвы? Какая слава?..

Друзья — солдаты памятного нотебургского штурма — вглядываются в жизнь, рождающуюся вокруг, закипающую, как крутые валы под ветром-сиверком.

Трофим говорит тихо, но все его слышат:

— Живет, живет Санкт-Петербург, нашего Орешка младший брат!

Зазвонили колокола под шатровым шпилем. Ударили пушки на стенах. Окутались дымом фрегаты на рейде.

Прогремел салют в память и в честь шлиссельбургской виктории.

Долгий раскатистый гул пронесся над Невой.
Тому гулу не смолкать в веках.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. В ПОХОДЕ	5
2. ОСТРОВОВ	59
3. КЛЮЧ-ГОРОД	171
4. НА ВЗМОРЬЕ	251

ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

ВЕРЕСОВ АЛЕКСАНДР ИЗРАИЛЕВИЧ
НЕВСКАЯ ЛЕГЕНДА

Ответственный редактор Г. П. Гродецкий. Консультант по художественному оформлению Э. Е. Бордзиловская. Технический редактор З. П. Коренюк. Корректоры К. Д. Немковская и Л. К. Малявко. Подписано к набору 16/X 1967 г. Подписано к печати 19/VII 1968 г. Формат 84×108¹/₁₆. Бум. № 1. Печ. л. 9,5. Усл. печ. л. 15,96. Уч.-изд. л. 15,86. Тираж 100 000 экз. ТП 1968 № 440. М-19381. Ленинградское отделение издательства «Детская литература». Ленинград, наб. Кутузова, 6. Заказ № 1926. Цена 69 коп. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» им. А. М. Горького Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, г. Ленинград, Гатчинская ул., 26.

